

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 4

Донецк – 2018

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 4

Донецк – 2018

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Ответственный секретарь – старший преподаватель **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Федоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»), д-р филол. наук, проф. **А. Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **С. А. Кочетова** (ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»); д-р филол. наук, проф. **А. В. Петров** (ФГАОУ ВО «Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского», Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Петрова** (ФГАОУ ВО Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **И. А. Герасименко** (Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Executive Secretary – Senior Lecturer **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakayeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V. M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **A. L. Factorovitch** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation); Doctor of Philology, Prof. **S. A. Kochetova** (Horlivka Institute for Foreign Languages); Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L. A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **I. A. Gerasimenko** (Humanities and Pedagogics Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 3 от 2.03.2018 г.

Словообразование и грамматика

УДК 81'42

В.И. Теркулов, Е.А.Акулич
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)

ПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ, МОДИФИКАЦИОННЫЕ И РЕЛЯТИВШИЕ ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ *ВЕЛО*

Статья посвящена описанию аббревиатурной группы *VELO*. В результате исследования были определены структурно-формальные и семантико-ономасиологические модели, отмечаемые в гнёздах эквивалентности группы. Соотношение данных характеристик определило наличие дешифровальных стимулов презентативного, модификационного и релятивного типов. Текстовый анализ определил *количественную* вариативность употребления сложносокращённых слов и их текстовых эквивалентов в рамках одного контекста.

Ключевые слова: аббревиация, аббревиатурная группа, гнездо эквивалентности, аббревиатура, дешифровальный стимул.

Целью исследования является синхронное описание аббревиатурной группы *VELO*, предполагающее проведение формально-структурного и семантико-ономасиологического анализа гнёзд эквивалентности данной группы, а также выявление особенности употребления аббревиатуры и её эквивалентов в тексте.

В работе даётся образец комплексного синхронного (эквивалентностного) анализа аббревиатурной группы, под которой понимается «группа гнёзд эквивалентности аббревиатурных слов, имеющих тождественный абброконструкт» [Теркулов 2016, с. 15]. В данном случае – это абброконструкт *VELO*, который выступает в качестве сокращённого эквивалента, например, слова *велосипедный* в паре *VELO* – *велосипедный трек*.

Анализ эквивалентных текстов, то есть текстов, в которых слово и словосочетание употребляются для обозначения одного и того же референта, показал, что у одной и той же аббревиатуры может быть несколько эквивалентов – словосочетаний, связанных с ней мотивационными отношениями. Например, для слова *велонасос* отмечаются эквиваленты *велосипедный насос* и *насос для велосипеда*. Иначе говоря, для одной аббревиатуры формируется не эквивалентная пара, как это указывается во многих работах, а гнездо эквивалентности, включающее обычно несколько эквивалентных словосочетаний.

Для демонстрации принципов синхронного анализа нами была выбрана группа с конструктором «*VELO*», в которой насчитывается 110 гнёзд эквивалентности.

1. Синхронный (эквивалентностный) анализ аббревиатурной группы «*VELO*»

1.1. Предварительные замечания

Целью синхронного анализа является установление и описание отношений эквивалентности в пределах гнёзд эквивалентности, входящих в аббревиатурную группу *VELO*. Эквивалентом аббревиатуры мы считаем абсолютно синонимичное

сложносокращённому слову словосочетание, компоненты которого представлены в аббревиатуре в виде абброконструктов (как минимум один) или в неизменном виде. Например, для сложносокращённого слова *VELOKAMERA* нами отмечаются следующие эквиваленты:

велосипедная камера – атрибут *велосипедная* представлен в слове в виде абброконструкта, а слово *камера* – в неизменённом виде с сохранением грамматических характеристик и системы словоизменения; данные корреляты употребляются в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы: ***Велосипедная камера*** – казалось бы, о чем здесь можно написать – Если копнуть глубже, то кое о чем новичкам все-таки следует знать, особенно при покупке новой ***VELOKAMERY*** (<http://bikehike.org/choice/velokamera.html>);

камера для велосипеда – *VELO* соответствует словоформе *велосипеда*, предлог *для* опускается; эквивалентное употребление: *Вопрос, где купить камеру для велосипеда не столь сложный, ведь магазинов, занимающихся продажей велосипедных камер и других колесных частей предостаточно* (<https://veloplaneta.com.ua/catalog/components/kamery>);

камера на велосипед – *VELO* соответствует словоформе *велосипед*, предлог *на* опускается; эквивалентное употребление: *Часто наших продавцов спрашивают о камерах на велосипед* – Самое главное, что ***VELOKAMERY*** никогда не бывают лишними в запасе (<http://bikemania.com.ua/category/kamery-dlya-velosipeda/>).

Возникновение множественной эквивалентности обусловлено существованием в сознании носителей языка нескольких дешифровальных стимулов, то есть стереотипов расшифровки, для одного абброконструкта. Для абброконструкта *VELO* нами отмечаются, например, дешифровальные стимулы *на велосипед*, *велосипедный*, *для велосипеда*, *для велосипедистов*, *для вело*, *велосипеда* и *под*. По количеству входящих в дешифровальные стимулы компонентов их можно разделить на двухкомпонентные (*велотуризм* – ***велосипедный туризм***, *велокросс* – ***велосипедный кросс***, *велопробег* – ***велосипедный пробег***), трёхкомпонентные (*велостоянка* – *стоянка для велосипедистов*, *веломагазин* – *магазин продажи велосипедов*) и четырёхкомпонентные (*вело завод* – *завод по производству велосипедов*).

Синхронное описание гнёзд эквивалентности аббревиатур включает две исследовательские процедуры: формально-структурный и семантико-ономастический анализ.

1.2. Формально-структурный анализ

Формально-структурная характеристика представляет систему моделей формального соответствия сложносокращённого слова и его текстовых эквивалентов. Она осуществляется в два этапа: на первом устанавливается общая модель использования дешифровального стимула, а на втором – конкретная модель формальной разновидности эквивалентности.

При построении системы моделей использования дешифровального стимула определяется предельная структура последнего. Для группы *VELO* отмечаются следующие модели: *x* – существительное: *y-x*: *илем велосипедиста* – *VELOилем*; *x*(а(дъект)) – простое прилагательное, образованное от существительного: *y-x*(прил): *велосипедный илем* – *VELOилем*; *x-a*(сущ) – сложное существительное: *y-x-a*(сущ): *магазин велоприспособностей* – *VELOмагазин*; (предл)*x* – существительное с предлогом: *y-(предл)x*: *багажник для велосипеда* – *VELOбагажник*; (предл)*x-a*(сущ) – сложное существительное с предлогом: *y-(предл)x-a*(сущ): *стадион для велолюбителей* – *VELOстадион*; *x*(а(дъект))-*z* – атрибутивное а(дъективное) словосочетание: *y-x*(а(дъект))-*z*: *школа велосипедного спорта* – *VELOшкола*; *x-z*(сущ) – атрибутивное субстантивное

словосочетание: у-х-з(сущ): *магазин продажи велосипедов* – *веломагазин*; (предл)х-з(сущ) – атрибутивное субстантивное словосочетание с предлогом: у-(предл)х-з(сущ): *завод по производству велосипедов* – *велозавод*; (предл)х(адъект)-z – атрибутивное адъективное словосочетание с предлогом: у-(предл)х(адъект)-z: *соревнования по велосипедному спорту* – *велосоревнования*.

На втором этапе для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности определяется конкретная формальная схема эквивалентности, которая включает в себя два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Для аббревиатурной группы «*вело*» были отмечены следующие модели:

Аббревиатура	Формальная схема	Эквивалент	Структурная схема словосочетания	Структурная схема аббревиатуры
<i>VELO</i> центр	у-х(прил)	<i>велосипедный центр</i>	Прил1ед+Сущ1 ед	ЧоснПрил1е д+Сущ1ед
<i>VELO</i> багажник	у-х	<i>багажник велосипеда</i>	Сущ1ед+Сущ2 ед	ЧоснСущ2ед +Сущ1ед
<i>VELO</i> школа	у-(предл)х	<i>школа для велосипедисто в</i>	Сущ1ед+предл +Сущ2мн	ЧоснСущ2м н+Сущ1ед (-предл)
<i>VELO</i> стадион	у-(предл)х-а	<i>стадион для велогонок</i>	Сущ1ед(комп)+ предл+Сущ2мн	ЧоснСущ2м н (комп)+Сущ 1ед (-предл)
<i>VELO</i> магазин	у-х-з(сущ)	<i>магазин продажи велосипедов</i>	Сущ1ед+Сущ2 ед(1)+Сущ2мн(2)	ЧоснСущ2ед (2) +Сущ1ед (-Сущ2ед(1))
<i>VELO</i> школа	у-х(адъект)-z	<i>школа велосипедного спорта</i>	Сущ1ед+Прил2 ед+Сущ2ед	ЧоснПрил2е д+Сущ1ед (-Сущ2ед)
<i>VELO</i> завод	у-(предл)х- z(сущ)	<i>завод по производству велосипедов</i>	Сущ1ед+предл +Сущ4ед+Сущ 2мн	ЧоснСущ2м н+Сущ1ед (- предл+Сущ4 ед)

<i>велобагажник</i>	у-(предл)х	<i>багажник для велосипеда</i>	Сущ1ед+предл+Сущ2ед	ЧоснСущ2ед+Сущ1ед (-предл)
<i>веломагазин</i>	у-х-а(сущ)	<i>магазин велосипедной принадлежности</i>	Сущ1ед+Сущ2мн	ЧоснСущ2мн+Сущ1ед

Для каждого гнезда эквивалентности устанавливается матрица дешифровальных стимулов (дешифровальная матрица), указывающая на набор и структуру эквивалентов слова. Например, для гнезда эквивалентности *VELOшина* отмечается матрица у-х(прил): Прил1ед+Сущ1ед = ЧоснПрил1ед+Сущ1ед (*велосипедная шина*);

у-х: Сущ1ед+Сущ2ед = ЧоснСущ2ед+Сущ1ед (*шина велосипеда*);

у-(предл)х: Сущ1ед+предл+Сущ2ед = ЧоснСущ2ед+Сущ1ед (-предл) (*шина для велосипеда*); Сущ1ед+предл+Сущ2мн = ЧоснСущ2мн+Сущ1ед (-предл) (*шина для велосипедов*); Сущ1ед+предл+Сущ4ед = ЧоснСущ4ед+Сущ1ед (-предл) (*шина на велосипеде*); Сущ1ед+предл+Сущ4мн = ЧоснСущ4мн+Сущ1ед (-предл) (*шина на велосипедах*). Такая же матрица обнаруживается для всех групп эквивалентности, в которых базис обозначает деталь велосипеда: *VELOкамера*, *VELOбагажник*, *VELOкомпьютер* и т.д.

1.3. Семантико-ономасиологический анализ

Для данной группы выделяются 14 **ономасиологических классов**, которые определяются как «объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий. Это такая совокупность номинатов, в которой единый тип представленности знаний <..> реализован в одном грамматическом классе единиц <..> одинаковым структурным способом» [Блюмина 2010, с. 55]:

1. Учреждение: *VELOбазар* – велосипедный базар, *VELOмагазин* – велосипедный магазин, *VELOсалон* – велосипедный салон;
2. Объединение людей: *VELOкружок* – велосипедный кружок, *VELOсекция* – велосипедная секция;
3. Приспособление: *VELOзамок* – велосипедный замок, *VELOнасос* – велосипедный насос;
4. Событие: *VELOгонка* – велосипедная гонка, *VELOкросс* – велосипедный кросс;
5. Пространственный объект: *VELOстоянка* – стоянка для велосипедов, *VELOтрасса* – велосипедная трасса;
6. Одежда: *VELOштаны* – велосипедные штаны, *VELOперчатки* – велосипедные перчатки;
7. Экипировка: *VELOшлем* – велосипедный шлем, *VELOочки* – велосипедные очки;
8. Аксессуары: *VELOбагажник* – велосипедный багажник, *VELOбутылка* – велосипедная бутылка;
9. Детали: *VELOшина* – велосипедная шина, *VELOрога* – велосипедные рога, *VELOседло* – велосипедное седло;
10. Мероприятия: *VELOфестиваль* – велосипедный фестиваль, *VELOскидки* – скидки на велосипеды;
11. Действие: *VELOтрюк* – велосипедный трюк, *VELOпрыжок* – прыжок на велосипеде;
12. Результат: *VELOтравма* – травма на велосипеде, *VELOпобеда* – велосипедная победа;

13. Прескриптивные факты: *веломода – мода на велосипеды, велоправила – велосипедные правила;*

14. Субъект: *VELOФИГУРИСТ – велосипедный фигурист, вело механик – велосипедный механик.*

Для аббревиатур, входящих в данные ономазиологические классы, обнаружены следующие регулярные ономазиологические признаки: посессив (*велочехол – чехол велосипеда*), дестинатив (*велобаза – база велосипедов*), инструменталис (*велогонка – гонка на велосипедах*), локатив (*велобагажник – багажник на велосипеде*), фактитив (*велозавод – завод по производству велосипедов*).

Текстовые корреляты, входящие в одно гнездо эквивалентности, по-разному интерпретируют семантику аббревиатуры.

Презентативные дешифровальные стимулы, выраженные адъективно, формируют обобщённую, квалификативную трактовку значения текстового эквивалента. Таковыми являются, например, корреляты *ВЕЛОБАЗАР – велосипедный базар; веломагазин – велосипедный магазин; велошлем – велосипедный шлем; велобатальон – велосипедный батальон; велобаза – велосипедная база; велокросс – велосипедный кросс; велонасос – велосипедный насос; велосекция – велосипедная секция; велотуризм – велосипедный туризм; велочехол – велосипедный чехол* и под. Во всех случаях реализуется обобщённая семантика «имеющий отношение к велосипеду (велосипедам)».

Релятивные дешифровальные стимулы указывают на актантно-числовые характеристики обозначенного аббревиатурой референта в пределах номинации, например, *ВЕЛОБАГАЖНИК – багажник велосипеда* (посессив), *багажник для велосипеда* (дестинатив); *ВЕЛОГОНКА – гонка велосипедов* (агент), *гонка на велосипедах* (инструменталис), *гонка велосипедистов* (агент); *ВЕЛОШЛЕМ – шлем велосипеда* (посессив), *шлем для велосипеда* (дестинатив), *шлем велосипедиста* (посессив) и т.д.

Модификационные интерпретативные дешифровальные стимулы гиперонимически или гипонимически специализируют семантику аббревиатуры, например, *ВЕЛОЗАВОД – завод по производству велосипедов; веломагазин – магазин продажи велосипедов, магазин велоодежды, магазин велозапчастей, магазин велотренажеров* и т.д..

Все вышеперечисленные особенности «развёртывания» аббревиатур исследуемой группы были обусловлены характером их употребления в конкретной языковой ситуации или контексте. Текстовый анализ показал, что встречаемость аббревиатуры и её текстового эквивалента может количественно варьироваться. В качестве примера предложены тексты, отражающие дисбаланс употребления аббревиатуры и её синтаксических эквивалентов:

1) употребление сложносокращённого слова без текстового эквивалента: **Велошлем** – это предмет горячих обсуждений с главным вопросом: надевать или без него безопасно? (<http://veliki.ua/ru/novosty-i-akcii/veloshlem-nuzhen-ili-net.html>)

2) употребление сложносокращённого слова с:

– одним текстовым эквивалентом: *Купить велошлем (велосипедный шлем) детский для детей от 1-2 лет, подростков или взрослые: женские и спортивные в интернет магазине в Москве: цены от 800 рублей, недорого* (<http://sportvelo.ru/catalog/%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%8B>);

– двумя текстовыми эквивалентами: *Как выбрать шлем для велосипеда. Велосипедный шлем состоит из внутреннего слоя пены и внешнего тонкого слоя пластика.* (<http://shlem.com.ua/velosport/velosipednie/>);

– тремя текстовыми эквивалентами: *Велосипедный шлем предназначен для защиты вашей головы от травм и сотрясения мозга при падениях и столкновениях с различными твердыми препятствиями. Современные велошлемы изготавливают из вспененных материалов типа плотного пенопласта. Как выбрать детский шлем для велосипеда. Необходимые шлемы велосипедистов* (<http://velosipedinfo.ru/velosipednyi-shlem-lichnaya-bezopasnost-velosipedista>).

Количественное варьирование текстовых эквивалентов сложносокращённого слова обусловлено в первую очередь наличием большой парадигмы дешифровальных стимулов, стилем текста, а также актуальностью и общеизвестностью самой аббревиатуры.

Исследуемая в работе аббревиатурная группа с аббревиатурным конструктом «*вело*» позволила наглядно представить основные принципы описания аббревиатурных групп. Произведённый анализ включил в себя формально-структурную и семантико-ономасиологическую характеристику группы, что в последующем позволило выявить особенности употребления аббревиатур и их эквивалентов в тексте. В процессе работы было обнаружено, что входящие в гнезда эквивалентности лексемы по своей структуре могут быть семантически осложнены за счёт влияния на сложное слово дешифровальных стимулов. В связи с этим были выделены презентативные и интерпретативные (модификационные и релятивные) типы дешифровальных стимулов в данной группе. Текстовый анализ установил количественную вариативность употребления сложносокращённых слов и их текстовых эквивалентов в рамках одного контекста. В последующих работах предполагается дальнейшая разработка методики описания употребления сложносокращённых единиц в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Горловка, 2010. – С.55-57
2. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Вып. 3(29). Языкознание. Горловка, 2016. – С.15-16

V.I. Terkulov, E.A.Akulich

PRESENTATIVE, MODIFICATION AND RELATIVELY DECEPHROLING STIMULUS OF THE ABBREVIORY GROUP

The article is devoted to the description of the abbreviation group *velo-*. As a result of the study structural-formal and semantic-onomasiological models were defined, they were noted in the group equivalence families. The correlation of these characteristics has determined the presence of decoding stimuli of the presentation and interpretation types. Textual analysis has presented the quantitative variability of the complex words application and their text equivalents in the same context frames.

Key words: *abbreviation, abbreviation group, equivalence family, acronym, decoding stimuli.*

**К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУППАХ ШАХТЕРСКОЙ
ЛЕКСИКИ (В ПРОИЗВЕДЕНИИ Б. Л. ГОРБАТОВА «ДОНБАСС»)**

В данной статье рассматривается лексико-семантическая группа имен прилагательных лексико-семантического поля профессиональной шахтерской лексики (объект исследования) на основе произведения Бориса Горбатова «Донбасс». Сформированы основные лексико-семантические подгруппы для данной категории слов. Описаны определения использованных в романе имен прилагательных со ссылками на уже имеющиеся источники информации и собственные исследования художественного текста.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, художественный текст, Донбасс, качественные и притяжательные прилагательные.

Возникновение понятия «семантическое поле» связанное, как по самой своей сущности, так и по времени с возрождением в 20-30-е годы XX века учения В. Гумбольдта «о внутренней форме слова», с длительной научной дискуссией о «внутреннем содержании» языка как основном предмете лингвистического исследования [8].

Л. М. Васильев считает, что понятие «поле» находится с понятием «лексико-семантическая группа» (далее ЛСГ) в родовых отношениях; т.е. иначе говоря, ЛСГ синонимические ряды и другие группировки слов и даже совокупности лексико-семантических вариантов слова являются разновидностями семантических полей [4, с. 106-111].

А. А. Уфимцева, напротив, рассматривает все три основные группировки: поле, ЛСГ, синонимический ряд – как «равноправные» виды более крупных парадигматических объединений в лексике [13, с. 406-436].

Наиболее типичным проявлением системности лексики, как в литературном языке, так и в говорах, является лексико-семантическая группа. Одно из первых определений сущности и характерных черт этого явления было дано Ф. П. Филиным. «Тематическая соотнесенность – один (но единственный и не решающий) признак лексико-семантической группы слов» [14, с. 233]. Обязательное условие существования ЛСГ – «данное в самом языке объединение значений (синонимических, антонимических, взаимосвязано уточняющих и др.» [14, с. 239]. «Лексико-семантическая группа – это класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (или компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующихся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» [10]; кроме того, члены ЛСГ обладают общностью словообразовательных моделей [10, с. 61].

В. В. Виноградов отмечает тесную грамматическую связь между именами прилагательным и именами существительными. «Имя прилагательное – это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определятельный) и которые являются определяющими именами существительными и обычно согласуемыми с ними в роде, числе и падеже частями речи» [5].

В. А. Белошапкова отмечает, что имя прилагательное как часть речи формируют словоформы, имеющие значение признаковости. Это способность словоформ тесно связано с их синтаксической характеристикой: которые обозначают признаки предметов, а потому способны определять существительные и не способны глаголы [1].

Ранее нами была рассмотрена ЛСГ имен существительных лексико-семантического поля (далее ЛСП) профессиональной шахтерской лексики [2, с. 65-70].

В данной статье нами будет рассмотрена ЛСГ имен прилагательных рассматриваемого ЛСП на примере художественного текста Б. Л. Горбатова «Донбасс».

Отметим, что семантической основой имени прилагательного является обозначение качества, признака, принадлежности предметов как относительно постоянное свойство. Имена прилагательные – это важнейший выразитель точной определительной характеристики предметов, явлений объективной действительности. Их семантика весьма разнообразна и охватывает различные тематические ряды, умело используемые автором художественного текста, пристально изучавшим на протяжении долгого времени профессиональную деятельность и быт шахтеров Донецкого региона.

Художественный текст – определенная модель мира, некоторое сообщение на языке искусства, обладающее свойством превращаться в моделирующие системы [11, с. 129-132].

В соответствии с данным утверждением обратимся к мнению Л. Я. Гинзбурга о том, что художественный текст формируется образом автора, его точкой зрения на объект изображения [6, с. 106-109], то есть в тексте литературного произведения автор выражает свое восприятие мира и дает свою оценку окружающей действительности.

Имена прилагательные в произведении Б. Л. Горбатова «Донбасс» также отражают общепринятое представление о том, что семантическая и грамматическая границы между качественными и притяжательными прилагательными условны и непостоянны. Это выражается в способности притяжательных прилагательных развивать качественные значения.

ЛСП профессиональной шахтерской лексики представлено в исследуемом художественном тексте следующими лексико-семантическими подгруппами имен прилагательных:

- а) качественные прилагательные;
- б) притяжательные прилагательные.

А. Качественные прилагательные

Прилагательные, обозначающие признаки, свойства и качества предметов, воспринимаемые нами по преимуществу непосредственно, т.е. являются прямыми наименованиями признаков. Лексические значения качественных прилагательных разнообразны. Их наименования в романе, относящиеся к лошадям, носят как очевидный, так и поэтизированный смысл:

каурый – конь светло-каштановой, рыжеватой масти [9];

вымечтанный – «И теперь это был его, по праву его, Бобыля, конь, давно желанный, вымечтанный, пусть еще не вполне свой, не собственный, но и не чужой, ведь не такой, как иные кони...» [7, с. 383].

Региональными представителями ЛСП профессиональной шахтерской лексики в исследуемом художественном произведении являются прилагательные, относящиеся к углю:

выработанный – «Он стал замерять выработанное» [7, с. 210];

жирный, мощный (пласт) – «Жирный пласт. Называется – Аршинка. Значит, в нем аршин, от почвы до кровли...» [7, с. 66];

и к представителям профессии:

дельный – способный к работе; основательный [9];

жилистый (к человеку) – сильный, крепкий, выносливый [9];

завальященький – долго пролежавший без употребления; плохой, ненужный [9] в тексте охарактеризовано автором: «Чи не найду тут хочь якогось... хочь завальященького зоотехника» [7, с. 151];

лядащий – «Насобирали где-то врубовок... ну, лядащеньких таких... какие в те времена были...» [7, с. 218];

малоуважаемый, полукрасный – «В аккурат то же самое и Казимир Савельевич думает, наш малоуважаемый полукрасный спец...» [7, с. 198];

мастеровой – «Относящийся к ремесленникам, мастерам, к рабочим людям» [7, с. 50];

проворный – быстрый, ловкий в движениях, действиях, работе [9];

сурьезный (серьезный) – **1)** (к человеку) отличающийся вдумчивостью, строгостью в своих мыслях, поступках и отношении к окружающему [9]; **2)** (к шахте) чреватый важными или грозными последствиями, опасный: «Наша “Крутая Мария” – шахта сурьезная, газовая...» [7, с. 40];

чумазий – грязный, запачканный (о человеке, его лице) [9].

Негативная окраска существительного спроецирована и на образованное суффиксальным способом прилагательное

прорывный – «Так однажды, в лютую прорывную зиму 1932/33 года, затеял он “штурмовые воскресенья”» [7, с. 360].

Б. Притяжательные прилагательные

Притяжательные прилагательные не только выделяют объект, но и индивидуализируют его указанием на него самого или посредством указания его владельца, акцентируя внимание на функции указания, а не качественного определения.

В большинстве представителей данного ЛСП прилагательные показывают принадлежность устройствам и механизмам, используемым в процессе добычи угля:

бур – **бурильный** – предназначенный для бурения [9];

врубовая машина – **врубовый** – работающий на врубовой машине [9];

крепь – **крепежный** – служащий для крепления горнорудных выработок [9];

лампа, лампада – **лампадный** – свойственный лампаде, характерный для нее [9].

Прилагательные, закрепленные за добываемыми веществами:

откаточный – предназначенный для откатки полезных ископаемых [9];

шлаковый (отвал) – **1)** свойственный шлаку, характерный для него; **2)** предназначенный для шлака; **3)** сделанный из шлака, со шлаком [9];

Следует отметить, что автор романа в большом количестве использует притяжательные прилагательные:

артельный – общий, совместный, коллективный [9];

забойщицкий – **1)** свойственный забойщику, характерный для него; **2)** принадлежащий забойщику [9];

коногоненый – «Но Даша нисколько не обиделась на него, только презрительно хмыкнула, – она эту манеру коногоненого “кавалерничанья” знала!» [7, с. 184];

коногонский – «Он всегда таскал за собой свой коногонский кнут с коротким кнутовищем и длинной плетью» [7, с. 378];

и, конечно же,

шахтерский – **1)** свойственный шахтёру, характерный для него; **2)** принадлежащий шахтёру; **3)** предназначенный для шахтёра [9].

Естественно, прилагательные *забойщицкий*, *коногонский* и *шахтерский* встречаются в тексте романа более ста раз каждое.

Не отстают от них в популярности использования автором и прилагательные с территориально-региональным подсмыслом:

донбасский – донбассовский [12], «В общем, – закончил Светличный, – как сказал наш донбасский поэт Павел Беспощадный:

Он идет, этот сильный век,
Слышу грохот и лязг его брони.
На всю шахту один человек
Будет, будто шутя, коногонить.

(П. Беспощадный. Коногон)» [7, с. 130];

надшахтный – находящийся, расположенный над шахтой, над шахтами [9];

шахтный – 1) свойственный шахте, характерный для нее; 2) принадлежащий шахте; 3) предназначенный для работы в шахте [9].

Наиболее ярко условность и непостоянство семантической и грамматической границ между притяжательными и качественными прилагательными проиллюстрирована именами прилагательными, применимыми к Донбассу: «Таким явился ребятам Донбасс в ночи – *многотрубный*, *величественный*, *косматый* и *непонятный*...» [7, с. 44]; «*Старый*, *неприятный* Донбасс!» [7, с. 144]; «В местной газете писали, что тут собралась вся шахтерская гвардия, весь цвет *угольного* Донбасса» [7, с. 202].

В истории русского литературного языка притяжательные прилагательные явились основой образования многих фамилий, имен, географических наименований. В художественном тексте данная категория слов лексико-семантической группы представлена так:

Городковский – «Не только в Городковском районе, но и далеко за пределами его, по всем белорусским селам гуляла легенда о Деде...» [7, с. 234]

Кандыбин – «То есть как это? — недоуменно перебил его старик Кандыбин. — Забойщицкую крепь препоручить крепильщикам» [7, с. 272];

Нещеретный – «Товарищ Нещеретный велел напомнить, что завтра производственное совещание...» [7, с. 213];

Светличный – «Светличный внимательно посмотрел на него» [7, с. 219].

Н. С. Валгина отмечает: «В художественном тексте жизненный материал преобразуется в своего рода «маленькую вселенную», увиденную глазами данного автора. Поэтому в художественном тексте за изображенными картинами жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный функциональный план, «вторичная действительность» [3]. Сохранившиеся в личном архиве Б. Л. Горбатова записные книжки свидетельствуют о том, что даже хорошо знакомые ему области жизни он продолжал изучать основательно, глубоко, во всех подробностях и деталях. Он считал, что ни один писатель не сможет правильно изобразить людей труда, передать их думы и чаяния, если не будет знать всего того, что относится к условиям и специфике их труда.

В статье рассмотрено определение художественного текста. Проведенное исследование позволило распределить и выявить основные подгруппы лексико-семантической группы имен прилагательных, входящих в донецкую региональную речь. Данный материал позволяет исследовать и описать в рамках региона особенности профессиональной речи народов, населяющих Донбасс.

TO THE QUESTION OF LEXICAL-SEMANTIC GROUPS MINING
VOCABULARY
(IN THE WORK OF B. L. GORBATOV "DONBASS»)

This article discusses the lexico-semantic group of adjectives, lexical-semantic field professional mining vocabulary (object of study) based on the works of Boris Gorbato "Donbass". The basic lexico-semantic subgroups for this category of words are formed. The definitions of the names of adjectives used with references to existing sources of information and own research in the novel of the literary text are described.

Key words: *lexico-semantic field, lexico-semantic group, literary text, Donbass, qualitative and possessive adjectives.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык: Учеб. Для филол. спец. ун-тов / под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. Шк., 1989. 800 с.
2. Бондарчук Т. А. Лексико-семантические группы слов профессиональной шахтерской лексики (в произведении Б. Горбатова «Донбасс» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки, Донецк: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2017. – № 2. С. 65-70.
3. Валгина Н. С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
4. Васильев Л. М. Теория семантических полей. // Вопросы языкознания. № 6. – 1971. – С. 106-111.
5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / [Под ред. Г. А. Золотовой]. – 4-е изд. – М.: Рус. Яз., 2001. 720 с.
6. Гинзбург Л. Я. К вопросу об интерпретации текста // Структура текста-81: Тезисы симпозиума / Под ред. Вяч. Вс. Иванова и др. – М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1981. – С. 106-109.
7. Горбатов Б. Л. Донбасс. Роман. – Донецк: Донбасс, 1980. – 400 с.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / В. Гумбольдт – М.: Прогресс, 2000. – 398 с.
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>.
10. Кузнецова Э. В. Введение // Лексико-семантические группы русских глаголов. – Иркутск, 1989.
11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: «Искусство», 1970. – 384 с.
12. Словарь русских синонимов 4. Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-synonyms4.htm>.
13. Уфимцева А. А. Лексика // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука. – 1972. – С. 406-436.
14. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов Текст. / Ф. П. Филин // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания [Текст] / Ф. П. Филин. М.: Наука, 1982. – С. 227-239.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИНХРОННО-ДИАХРОННОГО МЕТОДА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается возможность применения синхронно-диахронного метода исследования лингвистического материала при анализе эволюции словообразовательных гнезд русского языка. Метод представляется особенно успешным при изучении жизни конкретных словообразовательных гнезд с синонимичными вершинами. Частные наблюдения, представленные в этой статье, ориентированы на историю словообразовательных гнезд с вершинами *вѣдати* и *знати* в древнерусском и старорусском языке.

Ключевые слова: *словообразование, словообразовательное гнездо, вершина гнезда, синхронно-диахронный метод, история русского языка*

Дериватология совсем недавно выделилась в самостоятельную науку, но уже с самого начала стало понятным, что словообразование «как научная дисциплина должно руководствоваться историческим подходом к языку» [7, с. 9]. Долгое время разработки в этой области велись преимущественно на синхронном срезе. В процессе изучения актуальных мотивационных связей процесс деривации зачастую совсем не учитывался. Многие учёные ссылались на утверждение И. А. Бодуэна де Куртенэ о том, что «неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени». Он также утверждал, что для языковедения «гораздо важнее исследование живых, т.е. теперь существующих, языков, нежели языков исчезнувших и воспроизводимых только по письменным памятникам <...> Изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших» [1, с. 289-290]. Таким образом, синхронное словообразование разработало обширный инструментарий, в котором диахронному было отказано. Однако позже был выдвинут тезис, что теория и методика изучения словообразования современного языка универсальны и их наработки вполне могут быть применены для исследований в области исторической дериватологии [3, с. 94].

Необходимо учитывать, что словообразование как процесс не может существовать исключительно в статике, что и позволяет говорить о диахронной дериватологии – отрасли науки о языке, которая изучает процессы образования слов в их истории, а не в качестве застывших моделей. Этот тезис подводит нас к мысли о правомерности изучения словообразовательных единиц как в диахронии, показывающей их эволюцию, так и синхронии, которая предоставляет промежуточный результат этого процесса [6, с. 27]. В связи с этим синхронно-диахронный метод исследования словообразовательных подсистем стал активно применяться в последние годы, что дало возможность последовательно изучать динамику всех процессов, в разное время происходивших на разных языковых уровнях. Особенно успешно этот метод был использован в словообразовании.

Безусловный интерес для изучения русского словообразования в его развитии с активным использованием такого метода представляет словообразовательное гнездо, являющееся крупнейшей комплексной единицей словообразовательной системы.

Однако исследований конкретных словообразовательных гнезд при помощи синхронно-диахронного метода сегодня не так много (можно выделить работы Борисовой Л. П., Маториной Н. М., Кельмяшкиной Т. Н., Дмитриевой О. И., Янковского О. И.), хотя этот метод может быть также активно использован при изучении еще более полной структурной единицы, находящейся на стыке словообразования и этимологии, – этимолого-словообразовательного гнезда [2, с. 10; 10, с. 265-266]. Однако в этом случае существенной проблемой является определение точного времени действия тех или иных словообразовательных процессов в языке, что делает анализ данной единицы весьма проблематичным.

Изучение словообразовательного гнезда в динамике имеет некоторые особенности. Во-первых, в такое гнездо включаются все возможные производные, независимо от времени их возникновения, функционирования и исчезновения из языка (гнездо совмещает в себе формы, существовавшие в разное время). Во-вторых, для подобного прото-гнезда не является характерным так называемое чересступенчатое словообразование, вследствие чего возникает необходимость восстанавливать гипотетические формы, не зафиксированные в памятниках письменности. В-третьих, морфемный состав рассматривается не с точки зрения современного состояния языка, а с точки зрения того этапа развития языка, когда возникло данное слово. Главнейшим в этой работе всегда остается «принцип последовательно исторического подхода к изучаемому объекту с обязательной опорой на достаточный языковой материал» [6, с. 27].

При реконструкции словообразовательных гнёзд с вершинами *вѣдати* и *знати* был описан языковой материал двух исторических периодов: 1) древнерусский период (конец X–XIV вв.) и 2) старорусский период (XV–XVII вв.). При этом использовались разнообразные лексикографические источники, в которых каждое слово сопровождалось датированным примером. Учитывая это, мы ориентировались на время появления слов, входящих в структуру этих гнёзд, изменение их значений и т.д., однако фактор относительности при описании эволюционных процессов в каждом гнезде учитывался постоянно. Использование синхронно-диахронного метода в процессе анализа структурно-семантического своеобразия словообразовательных гнёзд с синонимичными вершинами привело к интересным наблюдениям, небольшая часть которых освещается в этой статье.

Лексемы *вѣдати* и *знати* входят в одно лексико-семантическое поле и относятся к концепту знания. Семантика когнитивности является для них интегрирующей. Однако и они, и их производные обладают дифференциальными семами: так, *вѣдати* реализует семантику коммуникативности, а *знати* – семантику идентификации: «значение ‘знак’... произведено в ряде случаев от основы с уже сложившимся значением ‘знать’» [9, с. 156]. Поскольку коммуникация, идентификация и когнитивность являются базовыми конструктами человеческого общения, оба словообразовательных гнезда являются весьма развитыми. Однако, как показывает анализ, вследствие различия семантики корней их словообразовательный потенциал различается. Так, в древнерусский период количественный разрыв между данными гнездами составлял 132 лексемы, а в старорусский – 190 лексем в пользу производных словообразовательного гнезда с вершиной *вѣдати*. В древнерусскую эпоху общее для обеих лексем значение когнитивности преобладает у производных от глаголов *вѣдати*, *вѣдѣти*, *вѣсти* (две последние книжные формы имеют то же значение, поэтому их производные были включены в состав гнезда в качестве вариантов). Оно обнаруживается в 65 лексемах разных частей речи с преобладанием у форм существительных и прилагательных. Условно эту группу можно разделить на три

подгруппы: наименования когнитивных актов и процессов, объектов и субъектов знания.

Группа наименований когнитивных актов и процессов насчитывает 13 глаголов, образованных преимущественно префиксальным способом: *вѣдати-ся* 'разбираться, понимать', *до-вѣдати* 'понять, познать; додуматься', *из-вѣдати* 'разведать (разведывать), разузнать (разузнавать)', *извѣд-ыва-ти* 'разузнавать, разведывать', *из-вѣсти* 'сделать известным для себя, познать, узнать', *из-вѣдѣти* 'узнать', *не-вѣдѣти* 'не знать, быть в неведении, не иметь понятия о чем-либо', *отвѣд-ыва-ти* 'узнавать, разведывать', *по-вѣдѣти* 'узнать, познать', *по-вѣстити* 'познать, изучить', *про-вѣдѣти* 'знать, заранее провидеть', *с-вѣдати* 'знать (узнать), иметь представление о чем-либо', *с-вѣдѣти* 'понимать что-либо'.

Для обозначения и характеристики субъектов знания (15 единиц) и объектов знания (20 единиц) применяются, главным образом, существительные и прилагательные. Существительные, обозначающие субъекты знания, образуются в этот период при помощи суффиксов *-тел-* (*свѣдѣ-тел-ь*; *свѣс-тел-ь*), *-ий-* (*вѣд-ий*), *-ок-* (*вѣд-ок-ь*; *свѣд-ок-ь*), *-ун-* (*вѣд-ун-ь*), кроме того, в это время в языке сохраняются лексемы, имевшие в праславянскую эпоху суффикс *j (*вѣжа* < *vĕd-j-a, *невѣжа* < *nevĕd-j-a, *невѣжда* < *nevĕd-j-a).

Набор формантов для образования существительных – объектов знания менее разнообразен: 5 производных имеют суффикс *-ниѣ-* (*-иѣ-*): *вѣда-ниѣ-е* 'совокупность сведений о чем-либо, знания', *невѣдѣ-ниѣ-е* 'неведение, невежество, незнание, неосведомленность', *невѣжств-иѣ-е* 'незнание, неосведомленность, невежество', *свѣда-ниѣ-е* 'совокупность знаний, система основных положений, учение, поучение', *свѣдѣ-ниѣ-е* 'знание, познание'; 3 – *-(ь)ств-*: *невѣже-ств-о* 'незнание, неосведомленность; отсутствие или недостаток знаний, невежество', *невѣжд-ьств-о* 'невежество, неведение, незнание', *невѣд-ьств-о* 'незнание, невежество'; 1 – *-ост-*: *невѣдом-ост-ь* 'непознаваемость, непостижимость'. Прилагательные и причастия со значением объектности образуются при помощи суффиксов *-ом-* (*довѣд-ом-ый* 'доступный знанию', *невѣд-ом-ый* 'такой, о котором не знают, о котором нет сведений, неизвестный; непознаваемый, непостижимый; безвестный, незаметный', *навѣд-ом-ый* 'известный', *неизвѣд-ом-ый* 'не поддающийся исследованию, неисповедимый', *несвѣд-ом-ый* 'неизвестный', *свѣд-ом-ый* 'известный, пользующийся известностью; знаменитый'), *-н-* (*довѣд-н-ый* 'доступный знанию', *извѣст-н-ый* 'известный, распространенный, общепринятый'), *-им-* (*вѣд-им-ый* 'известный').

Производные от слова *знати* реализуют значение когнитивности намного слабее, и в данную эпоху его имеют лишь 9 зафиксированных в словарях лексем из 19. При этом в древнерусском языке *знати* не производит названий субъектов знания, а названия объектов строятся по тем же моделям, что и слова, образованные от *вѣдати*, то есть с использованием суффиксов абстрактности: *зна-ниѣ-е* 'знание', *позна-ниѣ-е* 'познание, знание' – *вѣда-ниѣ-е*, *невѣда-ниѣ-е*, *несвѣда-ниѣ-е*; *знан-ств-о* 'знание' – *невѣж-еств-о*, *невѣжд-ьств-о*, *невѣд-ьств-о*.

В старорусском языке ситуация несколько изменяется: значение когнитивности имеют 128 лексем из словообразовательного гнезда с вершиной *вѣдати* и 39 лексем из словообразовательного гнезда с вершиной *знати*. Для древнерусского периода характерно наличие слов, образованных при помощи разных формантов: *довѣд-н-ый* и *довѣд-ом-ый* 'доступный знанию', *зна-ниѣ-е* и *знан-ств-о* 'знание'. В старорусском языке эта дублетность снимается, из двух вариантов остается один.

Кроме того, наблюдаются случаи совмещения в одном слове как семантики объекта, так и семантики субъекта когнитивного акта. Например, в слове *извѣстный*

уже в древнерусский период развилась полисемия ('осведомленный, знающий': *Показа же имъ единого от извѣстныхъ ученикъ своихъ, нарицаемаго горазда глѧ, съ есть ваша земля, свободъ мужъ ученъ же добръ въ латиньскыя книги* (XII-XIII вв.); 'известный, распространенный, общепринятый': *Повѣсть о извѣстныхъ въ насъ вещехъ* (XI в.). Эти значения присущи данной лексеме и в дальнейшем (*Мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вещехъ бывшихъ въ насъ* (XV в.); *Кимин толченъ и смешанъ с винными ягоды варити в чистом питѣе или вине приято старо и вредително и кашель уиметь. То естъ известна лечба* (XVII в.). В производном слове *неизвѣстный* также проявляются оба значения: 'неосведомленный, не знающий, не имеющий сведений о чем-либо': *Сего ради... явлено сотворихъ яже о мнѣ не яко неизвѣстну ти суцу о недостойнѣствѣ моемъ, но невѣдующихъ ради нашу нищету* (XVII в.); 'неизвестный, неопределенный, недостоверный': *Неизвѣстный* (XVII в.).

То же самое наблюдается в слове *знаемый* 'знающий, разумный, содержащий знания': *Въ начело сътвори бѣ нбо и землю бжюу дѣло всеми сие книги корень суть и источникъ и сила въ твари сеи знаемѣи* (XIII в.); 'известный кому-либо': *Ни дѣша убо бес тѣлеси знаема ес<тъ>, ни огнь безъ изгрѣбеи* (XIII в.). Однако в этом случае в старорусском языке сохраняется только характеристика объекта: [*Евфимий*] *всѣмъ знаем великаго ради жития* (XVI в.). Лексема *невѣдующий* в этот период сохраняет два значения: 'несведущий': *И онъ Петръ допрашивалъ, какие соболи въ ясак или в поминокъ, и онѣ, гсѣрь, люди невѣдующие, сказыват<ь> не умѣли, какие соболи* (XVII в.); 'неизвестный': *Приставу... что приезжал для сыску беглыхъ стрелцовъ и всякихъ неведущихъ людей дано в почете рубль* (XVII в.).

Значение коммуникативности у производных от *вѣдати* проявляется следующим образом: в древнерусский период его реализуют 52 словоформы с корнем *-vѣd-*, а в старорусский – 104 словоформы. Семантика коммуникативности представлена преимущественно в префиксальных глагольных образованиях от *вѣдати* (*по-вѣдати*; *по-вѣдѣти*, *по-вѣсти*; *с-вѣдѣти*; *на-вѣд-и-ти*; *навѣждати* < *navĕd-j-atĭ; *повѣд-ова-ти*; *свѣдѣтельств-ова-ти*; *повѣдати-ся*; *свѣдѣтельствовати-ся*; *свѣстити-ся*) и в ряде глаголов из словообразовательных цепей и парадигм, относящихся к слову *вѣсть* (*воз-вѣстити*; *из-вѣстити*; *извѣстити-ся*; *по-вѣстити*; *с-вѣстити*; *вѣств-ова-ти*; *вѣст-ова-ти*; *вѣщати* < *vĕdt-j-atĭ; *вѣщ-ева-ти*; *извѣст-ова-ти*; *извѣща-ва-ти*; *извѣщати*; *повѣст-ова-ти*; *провѣща-ва-ти*; *провѣщати* < *provĕdt-j-atĭ; *провѣщ-ева-ти*; *извѣщати-ся*; *обвѣстити-ся*; *свѣстити-ся*).

Наименования субъектов и объектов коммуникации образуются от глаголов с использованием следующих формантов: *-ик-*, *-тел-* как показатели субъектности: *возвѣстн-ик-ъ* 'то же, что возвѣститель', *вѣстн-ик-ъ* 'вестовой, гонец', *вѣстоноша* 'тот, кто приносит вести', *повѣда-тел-ъ* 'тот, кто сообщает, возвещает о чем-либо, что-либо, провозвестник', *повѣдн-ик-ъ* 'провозвестник; вестник', *повѣстн-ик-ъ* 'тот, кто передает, истолковывает'; и *-ниѣ-*, *-т-*, *-ств-* как показатели объектности: *возвѣща-ниѣ-е* (*возвѣще-ниѣ-е*) 'извещение, оповещение', *вѣс-тъ* 'весть, известие', *извѣстовани-ниѣ-е* 'действие по глг. *извѣстовати*, *извѣс-т-ъ* 'разъяснение, толкование', *извѣще-ниѣ-е* 'обещание, обет; сообщение, извещение, оповещение; удостоверение, доказательство, свидетельство', *повѣда-ниѣ-е* 'рассказ, повествование', *повѣст-н-ый* 'содержащий рассказ, повествование; являющийся рассказом', *повѣс-т-ъ* 'рассказ, повествование; предание, сказание; разговор, беседа; предмет всеобщих толков, молва; речь, слова; объяснение; весть, известие', *повѣст-ѣств-о* 'повествование', *свѣдѣтел-ѣств-о* 'сообщение о ком-либо, чем-либо; доказательство, подтверждение, удостоверение какого-либо факта, события; подтверждение чего-либо осведомленным, знающим лицом, очевидцем', *свѣстова-ниѣ-е* 'возвещение'

В старорусский период значение коммуникативности появляется и у производных от *знати* (возможно, это произошло под влиянием гнезда с синонимичной вершиной *вѣдати*). Однако оно реализуется всего лишь в 13 словоформах (*знати-ся* 'быть знакомым с кем-либо, знать, водить дружбу'; *знать-б-а* 'весть, известие'; *незнај-ем-ый* 'такой, с которым не хотят знать'; *опознавати-ся* 'знакомиться, вступать в общение'; *о-познати* 'представить кому-либо, познакомить с кем-либо'; *опознати-ся* 'познакомиться; обнаружиться'; *познавати-ся* 'признавать себя каким-либо, утверждать о себе что-либо; признаваться, сознаваться в чем-либо; знакомиться, общаться'; *позна-ниј-е* 'знакомство'; *познати-ся* 'познакомиться, близко сойтись'; *позна-т-ь* 'знакомство, отношения'; *признавати-ся* 'признаваться'; *признат-н-ый* 'знакомый'; *сознати-ся* 'знать, быть знакомым с кем-либо').

Производные с корнем *-зна-*, в отличие от производных с корнем *-вѣд-*, способны реализовать значение идентификации, которое проявляется в 10 лексемах (*по-знати* 'узнать, заметить; опознать', *раз-знати* 'распознавать', *позна-ва-ти* 'опознавать', *познавати-ся* 'быть узнаваемым, распознаваемым, узнаваться по какому-либо признаку; быть признаваемым', *познати-ся* 'быть узнаанным, распознанным по какому-либо признаку'; *знај-ем-ый* 'известный кому-либо', *знать-б-а* 'знак, след; признак', *незна-н-ый* 'неузнанный', *познай-ств-о* 'признак, доказательство', *позна-ниј-е* 'познание, знание; признак'), зафиксированных в древнерусский период, и 25-ти лексемах, зафиксированных в старорусский период: *за-знати* 'увидев, узнать, опознать что-либо', *зна-ниј-е* 'знак, признак', *знать-б-а* 'признак', *зна-тиј-е* 'определение по каким-либо признакам, опознание', *опознава-ниј-е* 'признак (для опознавания)', *опозна-ва-ти* 'определять, распознавать; опознавать', *опознан-к-а* 'опознание', *о-познати* 'опознать; определить, распознать', *опозн-ыва-ние* 'опознавание', *опозн-ыва-ти* 'опознавать', *познава-ниј-е* 'познавание, распознавание', *позна-ва-ти* 'распознавать; узнавать; опознавать'; *познавати-ся* 'узнавать друг друга; быть узнаваемым, распознаваемым, узнаваться по какому-либо признаку'; *призна-ва-ти* 'узнавать, распознавать; принимать за что-либо, считать чем-либо; считать что-либо истинным, действительным; посредством предсказания определить, установить (срок)'; *при-знати* 'узнать, признать; признать, считать кем-либо; счесть истинным, действительным что-либо, признать справедливость чего-либо'; *призна-ниј-е* 'действие по глаголу *признати*; признание'; *признавати-ся* 'обнаруживаться, становиться ясным (по какому-либо признаку)'; *признати-ся* 'признаться, сознаться'; *признат-н-ый* 'имеющий межевой знак'; *раз-знати* 'узнать, распознавать'; *признава-ниј-е* 'признание, определение, установление чего-либо, оценка'; познать 'опознание'; *позна-тиј-е* 'узнавание'; *по-знати* 'распознать; узнать, заметить; опознать'; *позна-ниј-е* 'опознание, узнавание'. Основными реализаторами значения при этом являются разнообразные префиксы для глаголов и суффиксы абстрактности для существительных.

Как показывает анализ, большая степень прогрессивности всех способов образования проявляется в старорусском языке: суффиксы абстрактности *-ств-*, *-ниј-*, *-тиј-*, *-ост-* используются в два раза чаще по сравнению с древнерусским периодом. Количество глаголов в обоих гнездах увеличивается за счет имперфективации и создания возвратных форм (в древнерусский период отмечено 20 случаев имперфективации и 14 случаев создания возвратных глаголов с частицей *ся*: в старорусский период таких форм значительно больше – соответственно 30 и 36 единиц). Развитие семантики производных обоих гнёзд также происходит неравномерно: значение когнитивности, например, преобладает у лексем из словообразовательного гнезда с вершиной *вѣдати*, куда в древнерусский период входят наименования объектов и субъектов знания. Этого еще нет у производных от глагола

знати. Семантику коммуникативности, которая в древнерусский период присутствует исключительно у всех слов, образованных от *вѣдати*, синонимичный ему глагол *знати* и некоторые его производные приобретают позже.

Таким образом, можно утверждать, что изучение эволюции словообразовательных гнезд с синонимичными вершинами по сменяющимся синхронным срезам (в данном случае наблюдения ограничивались древнерусским и старорусским периодами в истории русского языка), существенно помогает проследить динамику развития крупных комплексных единиц, проанализировать частотность употребления разных словообразовательных моделей, установить характер мотивационных связей внутри каждого анализируемого гнезда и проследить специфику структурно-семантических различий в производных от разных глаголов, но принадлежащих одному лексико-семантическому полю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка (1897) / И.А.Бодуэн де Куртене // Хрестоматия по общему языкознанию / Составитель: Л.П.Иванова. – К.: Освіта України, 2008. – С. 288-290.
2. Варбот Ж. Ж. Праславянская морфология, словообразование и этимология / Ж. Ж. Варбот. – М., 1984. – 255 с.
3. Гейгер Р. М. Синхрония, диахрония, история в словообразовании / Р. М. Гейгер // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : Тезисы докладов II республиканской конференции (25-26 сентября 1986 г.). – Ч. I. – Гродно, 1968. – С. 94-97.
4. Дмитриева О. И. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка / О. И. Дмитриева, А. Д. Левицкая // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 511-514.
5. Дмитриева О. И. Диахрония, синхрония, динамика: проблема синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем / О. И. Дмитриева // Вестник Волгоградского университета. – 2012. – № 2 (16). – С. 42-46.
6. Дмитриева О. И. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка: историческая динамика словообразовательного гнезда / О. И. Дмитриева, О. И. Янковский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2015. – № 3 (27). – С. 26-32.
7. Николаев, Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1987. – 152 с.
8. Словарь русского языка XI – XVII вв. – В 28 тт. – М.: Наука, 1975 – 2008.
9. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев; под ред. проф. С. Б. Бернштейна. – М. : Изд-во АН СССР, 1959.
10. Malkiel Y. Etymology and the Structure of Word Families. – Word, 1957, v. 10. – № 2-3.

ON THE PROSPECTS OF USING THE SYNCHRONIC AND DIACHRONIC METHOD IN THE STUDY OF WORD FAMILIES EVOLUTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This paper considers a possibility of using the synchronic and diachronic method in the study of linguistic material during the research of the evolution of word families in the Russian language. This method is very successful in the study of the life of the particular word families with synonymous apexes. This paper's results are directed to the history of word families with apex *вѣдати* and *знати* in the pre-national period of the development of the Russian language.

Key words: *word-formation, word family, synchronic and diachronic method, history of the Russian language*

УДК 81'373.611

Н.В. Лешкова, Егорова А.А.

*ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(Научн. рук. к. филол.н, доц. Н.В. Лешкова)*

ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ КЛАССЕ «ТОПЛИВО»

В предлагаемой статье описывается диахронный и синхронный подход к определению и изучению сложносокращённых слов, исследуется типология дешифровальных стимулов и системы дешифровальных матриц аббревиатур, входящих в ономасиологический класс «Топливо».

Ключевые слова: *сложносокращённое слово, абброконструкт, диахрония, синхрония, гнездо эквивалентности, дешифровальный стимул, дешифровальная матрица.*

Целью нашей статьи является характеристика дешифровальных стимулов и матриц гнёзд эквивалентности сложносокращённых слов, входящих в ономасиологический класс «Топливо».

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения типологии эквивалентности аббревиатур и формально соотносимых с ними семантически тождественных словосочетаний, входящих в ономасиологический класс «Топливо».

Для достижения цели необходимо решение следующих задач:

- описать особенности диахронного и синхронного анализа аббревиатур;
- охарактеризовать особенности описания абброконструктов в ономасиологическом классе «Топливо»;
- определить значение понятия «дешифровальный стимул»;
- описать основные типы дешифровальных стимулов;
- выделить базовые типы дешифровальных стимулов и матриц гнёзд эквивалентности сложносокращённых слов, входящих в ономасиологический класс «Топливо».

Сложносокращённые слова (в дальнейшем – ССС) стремительно проникают в активный словарный запас носителей русского языка. Они используются с целью быстрой передачи информации и повышения эффективности коммуникации, отражают

тенденцию к экономии языковых усилий и рационализации языка, пополняют и обогащают его словарный состав. Такие конструкты используются не только в сети Интернет и бытовой речи, но и фиксируются в различных справочниках, словарях сокращений и научной литературе.

Несмотря на увеличение частотности использования аббревиатур, в современном языкознании нет единого мнения по поводу определения статуса такого рода единиц. При характеристике обычно учитываются только формальные особенности его конструктов в их сопоставлении с компонентами эквивалентного словосочетания. По мнению большинства лингвистов, ССС – это «сокращения словосочетаний до начальных элементов слов, синтаксической конденсации названия, выраженного словосочетанием» [7, с. 551]. Иначе говоря, базовый компонент и аббревиационный конструкт (АК) всегда должны входить в состав ССС, образованного путем универбализации словосочетаний. АК – это часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова [12, с. 16]. Среди ССС есть как слова с АК, имеющими статус аббревицированных эквивалентов слова (АЭ), так и слова с АК, имеющими статус абброморфем (АМ).

ССС, содержащие АЭ, возникают в результате универбализации словосочетаний и являются эквивалентами этих словосочетаний [13, с. 30]. Например, *автотопливо* является ССС, т.к. включает в свой состав два эквивалента компонентов этого словосочетания: эквивалент, равный слову *топливо*, и АК *авто*, который выступает в качестве сокращённого дублета слова *автомобильное*.

АМ имеют обобщенные значения и присоединяются непосредственно к производящим словам. Образованные таким способом ССС называются квазиаббревиатурами. Эквивалентные им словосочетания являются вторичными знаками, которые развернуты на базе квазиаббревиатур в процессе псевдоунивербализации [13, с. 31]. Например, *биотопливо* является квазиаббревиатурой, т.к. образовано при помощи АМ *био* непосредственно от слова *топливо*. Словосочетание *биологическое топливо* появилось в результате «развертывания» вышеуказанной квазиаббревиатуры.

Как отмечает В.И. Теркулов, продуктивным является разграничение диахронных и синхронных аббревиатур, опирающееся на установление типа мотивационных отношений между словом и словосочетанием. Данная методика многоуровневого анализа аббревиатур была представлена Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации (ЭЛИТА) при кафедре русского языка ДонНУ, которая ведет работу над «Толково-эквивалентностным словарем ССС русского языка.

Под диахронной аббревиацией понимается формальная разновидность диахронной универбализации, процесс преобразования слова, сложного слова или словосочетания в эквивалентную аббревиатуру с заменой слов (слова) данного словосочетания АЭ [12, с. 15], например, *европейское топливо* > *евротопливо*.

Аббревиация синхронная понимается нами как отношение текстовой эквивалентности между аббревиатурой и её синтаксическими эквивалентами на синхронном срезе языка [12, с. 15]: *нефтетранзит* = *нефтяной транзит*, *транзит нефти*.

Диахронический анализ не позволяет отнести квазиаббревиатуры к ССС, а синхронический дает возможность носителям языка определить данные единицы именно как аббревиатуры. Например, лексемы *автотопливо* и *биотопливо* при синхронном описании рассматриваются как ССС, что подтверждается использованием в текстах как синонимов развёрнутых эквивалентов этих лексем: *автомобильное топливо* и *биологическое топливо* («Оболонь» перерабатывает пластмассу на

автотопливо – ЗАО «Оболонь» (Киев) начало переработку пластмассовых отходов на *автомобильное топливо* [8]; Производство и потребление *биотоплива* в мире растет с каждым годом – Альтернатива нефти и газу: *биологическое топливо* [1]).

Синхронный анализ помогает установить и охарактеризовать отношения синхронной синонимии в пределах гнезда эквивалентности аббревиатур, входящих в ономаσιологический класс «Топливо». Ономаσιологический класс – это «совокупность номинатом, в которой единый тип представленности знаний реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом» [2, с. 54].

Формирование дублетных отношений в гнезде эквивалентности обусловлено актуальным применением дешифровальных стимулов (ДС) интерпретации аббревиатуры. Единой системы описания ДС пока не выявлено, т.к. данное понятие было представлено сравнительно недавно в работах В.И. Теркулова, А.И. Бровца, В.А. Рязановой, Е.Ю. Аламайрех. В.И. Теркулов предложил определение ДС как «стереотипа расшифровки абброконструкта» [12, с. 19], то есть как слова или сочетания слов, которое является эквивалентом АК и может быть использовано для его замены в дублетном словосочетании. По мнению В. А. Рязановой, ДС содержит «имплицитные знания, которые стимулируют возможность разного дешифрования сложного слова». Исследователь понимает дешифрование как процесс «развертывания» сложного слова в словосочетание по разным стереотипным схемам независимо от деривационного статуса одной единицы по отношению к другой [9, с. 545].

Более детальную характеристику ДС мы находим в работе А. И. Бровца «Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова». Автор выдвинул идею о существовании двух семантических типов ДС – презентативных (далее – ПДС) и интерпретативных (далее – ИДС) [4, с. 52].

ПДС осуществляют наиболее обобщённую (кваликативную) трактовку значения АК [3, с. 14]. Такие ССС могут заменить словосочетания в любом эквивалентном тексте, например, *торфяная крошка* – *торфокрошка*: При компостировании кислого торфа вносят известь или золу. В зависимости от кислотности торфа к 100 кг *торфокрошки* добавляют от 1 до 3 кг извести или золы – Для сбора фекалий на садовом участке туалет устраивают с выдвижным ящиком, подсыпая в него время от времени *торфяную крошку* [15].

ПДС в свою очередь подразделяются на две группы: прямые (регулярные) и включённо-симультантные ДС. Прямые ПДС – это «семантически наиболее предсказуемые и оправданные стереотипы дешифровки абброконструкта» [10, с. 146]. Например, для АК *угле* прямым ПДС будет *угольный* и *угля*: *углепогрузчик* – *угольный погрузчик* и *погрузчик угля*. Под включённо-симультантными ДС понимаются аббревиатуры, АК которых семантически или формально-семантически можно трактовать двояко [4, с. 122–123]. Аббревиатура *бензокольцо* может иметь в качестве эквивалентов словосочетания *бензиновое кольцо* и *бензольное кольцо*, что позволяет квалифицировать данный конструкт как симультант. Именно из-за ошибочного употребления семантически не оправданных ДС вместо семантически оправданного возникают включённые симультанты. Например, дешифруя слово *бензокольцо* не как *бензольное кольцо* (употребляется в научной среде), а как *бензиновое кольцо* (употребляется в разговорно-бытовой среде). Как правило, в этих двух группах словосочетания выступают синонимом к аббревиатуре и могут свободно взаимозаменяться с ней в любом эквивалентном тексте.

ИДС уточняют семантику АК и являются маркированными компонентами в оппозиции к презентативному стимулу [3, с. 14]: *бензин для авиационного транспорта* – *авиабензин*.

Интерпретативные ДС также подразделяются на две группы: модификационные интерпретативные и реляционные ДС. Первая группа ДС – устанавливает между эквивалентами гиперо-гипонимические отношения [10, с. 147]. Например, слову *деревобработка* в ряде контекстов эквивалентно словосочетание *обработка древесины*. Оно в данном случае расширяет текстовую семантику слова, которое имеет презентативный эквивалент *обработка дерева*. В этой группе словосочетания не могут быть аналогом аббревиатуры. Вторая группа ИДС использует презентативные ДС с добавлением релятивной семантики [10, с. 147]. Например, слово *щепоизмельчитель* может иметь в качестве эквивалентов словосочетания *измельчитель для щепы*, *измельчитель в щепу* и *измельчитель щепы*. Такие ДС находятся на границе между презентативными и модификационными интерпретативными ДС: они имеют небольшие различия в семантике, но вступают в синонимические отношения [10, с. 147].

Обычно АК имеет несколько дешифровальных ДС. Например, для АК *газо* нами отмечаются ДС *газовый, газов, газа, для газа, из газа, газосодержащий, газомоторный* и т.д. Множественность ДС у одного АК обеспечивает возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры.

При определении формальных характеристик ДС аббревиатуры устанавливается общая модель использования ДС в эквивалентном словосочетании и проводится сбор АК по эквивалентным текстам. Эквивалентом АК является слово, которое имеет с ним одинаковое значение и выступает как формальный прототип АК. Эквивалентный текст содержит ССС и его эквивалент, которые употребляются как абсолютные синонимы [11, с. 117]. Например, в эквивалентном тексте (статья «Как Латвия потеряла российский нефтяной транзит») употреблены ССС *нефтетранзит* и словосочетание *нефтяной транзит*: *А вот то, что натовская техника, которой сегодня напшигована латвийская территория, дефилирует не вдоль второй ветки российского нефтепровода и что оплачивается её пребывание на латвийской территории не за счёт российского **нефтетранзита**, это очень хорошо – Так, однако, было не всегда, и в современном международном контексте уместно будет вспомнить, как была сломана монополия прибалтов, тогда ещё только будущих натовцев, на российский **нефтяной транзит** через Балтийское море* [6].

Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, то есть, собственно, дешифровальный стимул аббревиатурного компонента, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в ДС – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре. Мы различаем следующие базовые типы дешифровальных стимулов ССС, входящих в ономазиологический класс «Топливо»:

1. х – существительное (у-х: *разработка **торфа** – торфоразработка*);
2. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): ***нефтяная** скважина – нефтескважина*);
3. х-а – сложное существительное: (у-х-а(сущ)): *трейдер **нефтепродуктов** – нефтетрейдер*);
4. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): ***газомоторный** компрессор – газоконпрессор*);
5. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *емкость **для топлива** – топливемкость*);
6. (предл)х-а – сложное существительное с предлогом: (у-(предл)х-а: ***бензин для автомашин** – автобензин*);

7. (предл)х-z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: (у-(предл)х-z(сущ): *баллон для хранения газа – газобаллон*);

8. (предл)х(адъект)-z – предложное словосочетание с зависимым адъективом: (у-(предл)х(адъект)-z: *топливо для авиационного транспорта – авиатопливо*).

Синхроническое описание ССС тесно связано с понятием гнезда эквивалентности (ГЭ), которое определяется как совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационно с аббревиатурой или квазиаббревиатурой. Аббревиатура или квазиаббревиатура определяется как вершина ГЭ [14, с. 100].

Для ГЭ аббревиационного гнезда *торфо* нами были обнаружены следующие ДС:

1. **у-х(сущ)** – торфа х (*торфозаготовка – заготовка торфа, торфоразработка – разработка торфа*);

2. **у-х(адъект)** – торфяной, -ая х (*торфосезон – тофяной сезон, торфогрунт – торфяной грунт, торфококс – торфяной кокс, торфопродукция – торфяная продукция*);

3. **у-(предл)х** – из торфа х (*торфобрикет – брикет из торфа, торфокомпост – компост из торфа, торфоудобрение – удобрение из торфа*).

4. **у-х2(адъект)-z2(сущ)** – торфяной крошки х (*торфодобыча – добыча торфяной крошки*).

В ГЭ аббревиационного гнезда *бензо* наблюдаются следующие ДС:

1. **у-х(сущ)** – бензина х (*бензораспылитель – распылитель бензина, бензоуровень – уровень бензина*);

2. **у-х(адъект)** – бензиновый, -ая х (*бензокосилка – бензиновая косилка, бензолебедка – бензиновая лебедка, бензолопата – бензиновая лопата, бензопомпа – бензиновая помпа*);

3. **у-(предл)х** – для бензина х (*бензобак – бак для бензина, бензохранилище – хранилище для бензина, бензофильтр – фильтр для бензина*).

4. **у-(предл)х5** – с бензином х (*бензоколонка – колонка с бензином*).

5. **у-(предл)х6** – на бензине х (*бензоболгарка – болгарка на бензине, бензогенератор – генератор на бензине, бензогорелка – горелка на бензине*).

6. **у-(предл)х-z(сущ)** – для хранения бензина х (*бензосклад – склад для хранения бензина*).

7. **у-(предл)х6(адъект)-z6(сущ)** – на бензиновом моторе х (*бензовелосипед – велосипед на бензиновом моторе*).

Набор ДС, представленных в одном ГЭ называется **дешифровальной матрицей** гнезда. Например, матрица гнезда *спиртозавод* имеет следующий вид: **у-х(адъект)** (*спиртовой завод*), **у-х-а(адъект)** – х-перерабатывающий (*спиртоперерабатывающий завод*), х-производящий (*спиртопроизводящий завод*), **у-х-z(сущ)** – производства х (*завод производства спирта*), **у-(предл)х-z(сущ)** – по переработке х (*завод по переработке спирта*), по производству х (*завод по производству спирта*).

У АК *мазута* в слове *мазutoхранилище* отмечается следующая матрица: **у-х** – мазута х (*хранилище мазута*), **у-х(адъект)** – мазутное х (*мазутное хранилище*), **у-(предл)х** – для мазута х (*хранилище для мазута*), **у(предл)х(адъект)-z** – для топливного мазута х (*хранилище для топливного мазута*). То же обнаруживается и для аббревиатур *нефтехранилище, битумохранилище, бензохранилище, газохранилище* и т.д.

Таким образом, синхронное описание ССС позволяет установить особенности отношений эквивалентности на актуальном срезе языка, формируемых не только вокруг диахронной аббревиатуры, но и вокруг квазиаббревиатуры. Нами было выделено восемь базовых типов ДС и представлено две дешифровальные матрицы

ССС, входящих в ономаσιологический класс «Топливо». В последующих работах мы предполагаем детальное описание дешифровальных матриц ССС, входящих в ономаσιологический класс «Топливо».

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтернатива нефти и газу: биологическое топливо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://agropraktik.ru/blog/Renewable_Energy/66.html
2. Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Блюмина Ольга Валентиновна; Горл. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Горловка, 2010. – 341 с.
3. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул / А. И. Бровец // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2017. – с. 13–17.
4. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол.: Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – с. 51–57.
5. Бровец А.И. Симультант как источник семантической аттракции / А.И. Бровец // Новые горизонты славистики. – Донецк, 2016. – С. 120–132.
6. Как Латвия потеряла российский нефтяной транзит [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20160331/1399406987.html>
7. Кухарчук Г. В., Азарова Л. Є. До питання виокремлення понять «аброоснова» та «аброморфема» в сучасному мовознавстві // Мовні і концептуальні картини світу: [збірник] / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, Б-ка Ін-ту філології. – Київ: Київський університет, 2011. – Вип. 36. – С. 550–555.
8. Рязанова В.А. Сопоставительный анализ гнезд эквивалентности мутантных групп «НЕФТЕ» и «ГАЗО» // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка). – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 544–548.
9. Теркулов В.И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении / В.И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. – Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 140–148.
10. Теркулов В.И. Дешифровальные стимулы в аббревиатурной группе «АВТО» / В.И. Теркулов, Е.Ю. Аламайрех // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежеквартальный научный журнал. – № 1 (25). – Владикавказ, 2017. – С. 114–119.
11. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / Горловский ин-т иностр. языко; Донецкий нац. ун-т. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГИИЯ, 2016. – С. 13–25
12. Теркулов В. И. О разновидностях аброконструктов: аброзэквивалент и аброморфема / В. И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы 5 Международной конференции. – Краснодар, 2015. – С. 30–33.
13. Теркулов В. И. Гнезда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с аброконструктом БИО / В. И. Теркулов, А. А. Сыроватская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежеквартальный научный журнал. – № 3 (19). – Владикавказ, 2015. – С. 99–105.

14. Торф и торфяные компосты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eco-soil.ru/?p=61>

N. V. Leshkova, A. A. Egorova

DECRYPTION MOTIVES IN THE ONOMASIOLOGICAL CLASS "FUEL"

The article deals with the description of synchronic and diachronic approaches to the definition and study of compound abbreviations, typology of decryption motives and system of decryption matrices of the abbreviations included in the onomasiological class "Fuel" is investigated.

Key words: *compound abbreviation, abbroconstruct, diachrony, synchrony, equivalency cluster, decryption motive, decryption matrix.*

УДК 81'373.611

В.И. Теркулов, Е.С. Крестьянинова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

ИЕРАРХИЯ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ В ГНЕЗДЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются принципы построения дешифровальных матриц. Предполагается существование последовательности ранжирования стереотипов расшифровки абброконструктов в дешифровальных матрицах. В статье поднимается вопрос иерархичности структуры дешифровальных стимулов внутри гнезда эквивалентности. Устанавливается влияние баланса индексов на позицию дешифровального стимула в иерархии.

Ключевые слова: *аббревиатура, баланс индексов, дешифровальная матрица, дешифровальный стимул*

Настоящее исследование является частью программы по составлению Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь), осуществляемого Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации (ЭЛИТА) при кафедре русского языка ДоННУ. Так как «ССС обычно соответствует одно или несколько эквивалентных номинативных единиц, то есть формально связанных с СССР и семантически тождественных этому СССР слов или словосочетаний» [2, с. 71], в составляемом Словаре представлены только аббревиатурные слова, эквивалентные словосочетаниям. Например, СССР *авиагоспиталь* имеет такие синтаксические эквиваленты, как *авиационный госпиталь*, *госпиталь авиации*. Это позволяет говорить о существовании гнезд эквивалентности (далее – ГЭ), под которыми понимается «совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [3, с. 17].

Однако проблема последовательности, иерархичности этих единиц не была изучена, поэтому настоящая статья направлена на выявление соответствий во внутренней структуре дешифровальных матриц (далее – ДМ). Предполагается наличие внутренней логической последовательности заполнения лакун ДМ, подчинения элементов ДМ главенствующим единицам.

Исследование осуществляется на материале нескольких *аббревиационных групп* (*альп-* и *арт-*), под которыми понимаются группы «гнезд эквивалентности аббревиатурных слов, имеющих тождественный абброконструкт» [3, с. 15]. Выбор именно этих абброгрупп (АГ) обусловлен неодинаковым набором в них дешифровальных стимулов (далее – ДС), под которыми мы, вслед за В. И. Теркуловым, пониманием «стереотип расшифровки абброконструкта». [3, с. 18].

Совокупность дешифровальных стимулов, отмеченных в одном ГЭ формирует дешифровальную матрицу (далее – ДМ). А. И. Бровец предлагает разграничивать дешифровальные стимулы «по признаку структурно-семантического усложнения исходной аббревиатуры» [1, с. 166].

Презентативные ДС (ПДС) имеют обобщённую семантику, они на семантическом уровне равны ССС, поэтому часто имеют общие тексты с аббревиатурным словом: *«Альпинистский лагерь расположен в троговой долине реки Актру у подножия ледников Северо-Чуйского хребта на высоте 2150 м над уровнем моря – Недалеко от альплагеря расположен реликтовый кедровый лес»* (<http://aktru-altay.ru/>); *«Артезианская скважина на воду характеризуется высочайшей производительностью, достигающей до трех кубов в час. Достигается подобное тем, что артскважина находится между известняковыми слоями, имеющими хороший дебет»* (<http://vodakanazer.ru/vodosnabzhenie/skvazhiny/ustrojstvo-artezijskoj-skvazhiny.html>). Такие ДС отмечаются практически во всех гнездах эквивалентности, не только исследуемых нами, но и описываемых в Словаре аббревиатурных групп, чего не скажешь о **модификационных интерпретативных ДС (ИДС)**. Будучи структурно сложнее аббревиатур, ИДС расширяют семантику аббревиатурного слова. Например, ССС **рыбзавод** (презентативный ДС – **рыбный завод**) в ряде общих текстов имеет эквивалентное словосочетание **рыбоперерабатывающий завод**. Таким образом устанавливаются гиперо-гипонимические отношения между эквивалентами. В отличие от отношений эквивалентности, где ССС и его текстовый эквивалент могут взаимозаменять друг друга в текстах, модификационные интерпретативные ДС формируют привативную оппозицию с немаркированным компонентом – аббревиатурой, т.е. им свойственна только односторонняя замена в тексте (как подведение частного под общее): *«Рыбоперерабатывающий завод — очень перспективное направление деятельности АТФ – Рыбзавод АТФ ориентирован преимущественно на региональный рынок, и в наших планах закрепиться на нем с долей около 70 процентов»* (<http://www.oaoatf.ru/index.php-page=55.htm>). В таком случае слово заменяется словосочетанием в эквивалентном тексте (ЭТ), но словосочетание заменяет слово только в том, в котором речь идёт именно о рыбоперерабатывающем заводе, поскольку существуют также племенные рыбзаводы. Под **реляционными ДС (РДС)** мы, вслед за В. И. Теркуловым, понимаем ДС, которые «используют презентативные ДС с добавлением релятивной семантики» [4, с. 147]. Такие ДС актуализируют грамматическое значение падежа и числа (*альпшкола – школа альпинизма – школа по альпинизму – школа для альпинистов – школа альпинистов*). Абброгруппа **альп-** в основном имеет в наборе презентативные и реляционные ДС. Абброгруппа **арт-** представлена презентативными и интерпретативными дешифровальными стимулами. Нам необходимо проследить, как «ведут себя» ДС в структуре дешифровальной матрицы и выявить принцип их ранжирования. Это можно осуществить при помощи количественного анализа, предложенного В. И. Теркуловым для диахронического анализа аббревиатурных слов. Данный анализ осуществляется путем определения баланса индексов упоминания аббревиатурного слова и его эквивалента в поисковых системах.

Под балансом индексов (далее – БИ) коллективом ЭЛИТА понимается «частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания» [3, с. 18–19]. Если баланс индексов больше 1, это значит, что словосочетание употребляется в поисковых машинах реже слова, что свидетельствует о том, что аббревиатурное слово вытеснило производящее словосочетание (что встречается крайне редко), либо о том, что словосочетание вторично и возникло в результате развертывания аббревиатурного слова. Если БИ меньше 1, это значит, что аббревиатурное слово употребляется реже словосочетания, что однозначно свидетельствует о первичности словосочетания. Например, можно говорить о том, что СССР *артколодец* образовалось путем «сворачивания» словосочетания *артезианский колодец*, поскольку БИ составляет 0,1. Однако балансы индексов постоянно меняются – появляются новые тексты и удаляются старые. Но амплитуда разновременных индексов в большинстве случаев реализуется примерно в пределах достаточно ограниченного расстояния. Поэтому для создания словарных статей коллективом ЭЛИТА принято фиксировать балансы с помощью реперных точек, включающих два блока:

- 1) Балансы индексов меньше 1. Выделяются знаком ◀;
- 2) Балансы индексов больше 1. Выделяются знаком ▶.

Каждый блок также ранжируется. Например, блок с пометой ▶ включает мини-блоки

§ 10, включающий БИ от 1,1 до 10;

§ 20: – от 11 до 20;

§ 100: – от 91 до 100 и т.д.

Если существуют частотные диапазоны употребления словосочетаний и СССР, значит и структуру ДМ можно представить в виде иерархии, центральный вопрос которой состоит в установлении интенсивности влияния ДС самого низкого уровня иерархии на вершину.

Высшим (подчиняющим себе прочие) элементом иерархии ДМ в ГЭ является его текстовый эквивалент, встречающийся чаще других в эквивалентных текстах. От этого главного ДС (не от аббревиатуры) исходят эквиваленты, подчиняющиеся доминантному/детерминантному ДС. То есть, высший элемент дешифровальной матрицы – это один из ДС, наиболее значимый по отношению к аббревиатуре. Предполагается, что высшим элементом матрицы попросту становится наиболее доминирующий в эквивалентных текстах ДС. Ср., если для аббревиатуры *альпмагазин* доминирующим ДС является презентатив *альпинистский магазин*, то релятивы (*магазин для альпинизма*, *магазин для альпинистов*) и интерпретативы (*магазин альпинистского снаряжения*, *магазин снаряжения для альпинизма*, *магазин снаряжения для альпинистов*) скорее будут связаны с презентативным ДС, нежели будут являться стереотипной расшифровкой аббревиатуры, поскольку баланс индексов СССР составляет 0,01, что свидетельствует о первичности словосочетания по отношению к СССР. Примечательно, что именно словосочетание *альпинистский магазин* будет иметь потенциально больше деривационно связанных эквивалентов, нежели само СССР. Например, СССР *альпмагазин* не встречается в ЭТ со словосочетанием *магазин альпинистского оборудования*, а следовательно, и не будет с ним деривационно связан, в отличие от *альпинистского магазина*: «*Магазин альпинистского оборудования – Друзья, а посоветуйте, пожалуйста, хороший альпинистский магазин в Москве*» (<https://nostradamvs.livejournal.com/482439.html>). Следовательно, аббревиатура сама входит в ранг иерархии как зависимый элемент.

Таким образом, место в иерархии для презентативных ДС зависит от того, первично или вторично словосочетание по отношению к ССС. Первый (и наиболее часто встречаемый) случай предполагает «свертывание» словосочетания в аббревиатуру в целях экономии речевых усилий. Второй – предполагает появление презентативов в результате «развертывания» аббревиатуры, когда баланс индексов больше единицы, что встречается редко. Например, для абброгруппы *альп-*, согласно квантитативному анализу, только на базе ССС *альпкнижка* и *альплагерь* «развернулись» презентативные ДС (*альпинистская книжка, альпинистский лагерь*). В тех редких для описываемой АГ случаях, когда словосочетание «развертывается» на базе аббревиатуры, т.е. при квазиаббревиации, презентативный ДС не занимает доминирующее положение в иерархии, а следует за реляционным. Для абброгруппы *арт-* отмечаются только случаи «свертывания» презентативного словосочетания в аббревиатуру (*артезианский бассейн – артбассейн, артезианская вода – артвода* и др.), а следовательно, и доминирующее место иерархии ДС внутри гнезда эквивалентности.

Практически для всех ГЭ описываемых АГ именно презентативы имеют самый низкий БИ по отношению к другим дешифровальным стимулам ДМ. А это значит, что в основном ССС данных абброгрупп (*альпбаза, альпботинки, артбассейн, артисточник* и др.) являются аббревиатурами, поскольку возникли в результате «свертывания» словосочетаний (*альпинистская база, альпинистские ботинки, артезианский бассейн, артезианский источник*). Однако возникает проблема: структура БИ не тождественна, и если БИ *артбассейн – артезианский бассейн* составляет 0,01, то БИ *артнасос – артезианский насос* будет находиться в пределах 0,1.

Если судить по балансу индексов, то можно представить ССС и его текстовые эквиваленты внутри гнезда эквивалентности в виде линейной последовательности, тем самым осуществить попытку структурирования ДС:

Аббревиационная группа *альп-*

1. Альпинистская база (◀ 1) → *альпбаза* → база для альпинистов (▶ 10) → база альпинистов (▶ 40)
2. Альпинистские ботинки, ботинки для альпинизма (◀ 0,01) → ботинки для альпинистов, ботинки альпиниста, ботинки для альпиниста (◀ 1) → *альпботинки* → ботинки альпинистов (▶ 10)
3. Альпинистская верёвка, верёвка для альпинизма (◀ 0,01) → верёвка альпиниста (◀ 1) → *альпверёвка* → верёвка для альпиниста (▶ 10)
4. Альпийская горка (◀ 0,01) → *альпгорка*
5. Альпийский рог (◀ 1) → *альпгорн* → альпийский горн (▶ 10)
6. Альпинистская группа (◀ 0,01) → группа альпинистов (◀ 0,1) → *альпгруппа*
7. Альпинистский карабин, карабин для альпинизма (◀ 0,1) → карабин для альпинистов, карабин альпиниста (◀ 1) → *альпкарабин*
8. Альпинистский клуб, клуб альпинизма (◀ 1) → *альпклуб* → клуб альпинистов (▶ 10) → клуб для альпинистов (▶ 200)
9. Книжка альпиниста (◀ 1) → *альпкнижка* → альпинистская книжка (▶ 10)
10. Альпинистские кошки (◀ 0,01) → кошки для альпинизма (◀ 0,1) →: кошки для альпинистов (◀ 1) → *альпкошки*
11. *Альплагерь* → лагерь альпинизма, альпинистский лагерь (▶ 10) → лагерь альпинистов (▶ 20) → лагерь для альпинистов (▶ 60)

12. Альпинистский магазин, магазин альпинизма (◀ 0,01) → магазин для альпинизма (◀ 0,1) → магазин для альпинистов, магазин альпинистского снаряжения, магазин снаряжения для альпинизма, магазин снаряжения для альпинистов (◀ 1) → **альпмагазин**
13. Альпинистский марафон (◀ 1) → **альпмарафон**
14. Альпинистский маршрут (◀ 0,01) → маршрут для альпинистов (◀ 1) → **альпмаршрут** → маршрут для альпинизма, маршрут альпинистов (▶ 10)
15. Альпинистское мероприятие (◀ 0,1) → мероприятие по альпинизму (◀ 1) → **альпмероприятие**
16. Альпинистская обвязка (◀ 0,1) → обвязка для альпинизма, обвязка для альпинистов, обвязка альпиниста (◀ 1) → **альпобвязка**
17. Оборудование для альпинизма (◀ 0,01) → альпинистское оборудование, оборудование для альпинистов (◀ 0,1) → оборудование альпинистов (◀ 1) → **альпоборудование** → оборудование альпиниста, оборудование альпинизма (▶ 10)
18. Альпинистская обувь, обувь для альпинизма (◀ 0,01) → обувь для альпинистов, обувь альпинистов, обувь для альпиниста (◀ 1) → **альпобувь** → обувь альпиниста (▶ 10)
19. **Альпотель** → отель для альпинистов (▶ 10)
20. Альпинистская подготовка, подготовка альпинистов, подготовка по альпинизму, подготовка в альпинизме (◀ 1) → **альпподготовка** → подготовка альпиниста, подготовка для альпинистов (▶ 10) → подготовка альпинизма (▶ 20)
21. Альпинистский поход (◀ 0,001) → поход альпинистов (◀ 1) → **альппоход**
22. Альпинистская работа (◀ 0,1) → работа альпиниста (◀ 1) → **альпработа** → работа альпинистов (▶ 10)
23. Альпинистские сборы (◀ 0,1) → **альпсборы** → сборы альпинистов (▶ 10)
24. Альпинистская секция (◀ 0,1) → секция альпинизма, секция по альпинизму (◀ 1) → **альпсекция** → секция альпинистов (▶ 10)
25. Альпинистское снаряжение (◀ 0,1) → снаряжение для альпинизма, снаряжение альпинизма (◀ 1) → **альпснаряжение** → снаряжение для альпинистов, снаряжение в альпинизме, снаряжение альпиниста (▶ 10) → снаряжение альпинистов (▶ 20) → снаряжение для альпиниста (▶ 40)
26. Стенка для альпинизма (◀ 0,1) → стенка для альпинистов, стенка альпиниста (◀ 1) → **альпстенка**
27. Альпинистская техника (◀ 0,1) → техника альпинизма (◀ 1) → **альптехника** → техника в альпинизме (▶ 10)
28. Альпинистская школа (◀ 0,01) → школа альпинизма (◀ 0,1) → школа по альпинизму, школа для альпинистов (◀ 1) → **альпшкола** → школа альпинистов (▶ 10)
29. Шнур для альпинизма (◀ 0,1) → альпинистский шнур (◀ 1) → **альпшнур**
30. Альпинистская экспедиция (◀ 0,01) → экспедиция альпинистов (◀ 1) → **альпэкспедиция**

Аббревиационная группа *арт-*

1. Артезианский бассейн (◀ 0,01) → бассейн с артезианской водой (◀ 1) → **артбассейн** → бассейн артезианской воды (▶ 60)
2. Артезианская вода (◀ 0,1) → вода из артезианской скважины, вода из артезианских скважин (◀ 1) → **артвода** → вода из артскважин (▶ 10) → вода из артскважины (▶ 20)
3. Артезианский источник (◀ 0,1) → **артисточник** → источник артезианской воды (▶ 10) → источник с артезианской водой (▶ 20)

4. *Артезианский колодец* (◀ 0,1) → *колодец с артезианской водой* (◀ 1) → **артколодец** → *колодец артезианской воды* (▶ 10)
5. *Артезианский насос* (◀ 0,1) → *насос для артезианской скважины, насос для артезианских скважин* (◀ 1) → **артнасос** → *насос артезианской скважины* (▶ 10)
6. *Артезианская область* (◀ 1) → **артобласть**
7. *Артезианская скважина* (◀ 0,1) → **артскважина** → *скважина с артезианской водой* (▶ 20) → *скважина артезианской воды* (▶ 50).

Однако это несовершенная структура: если пара ССС – *интерпретатив* вступают друг с другом в гиперо-гипонимические отношения, где гиперонимом выступает аббревиатурное слово, и как результат невозможна взаимозамена в тексте, то случаи, когда БИ интерпретативов меньше единицы, не имеют отношения к аббревиатуре, поскольку такая ситуация говорит о первичности словосочетания. Мы не можем говорить о том, что аббревиатура **артвода** «развернулась» на базе ИДС *вода из артезианской скважины*, поскольку ИДС включает дополнительный ономазиологический признак локатива, а также по причине отсутствия общих контекстов для данных единиц. Употребление презентатива, относящегося к данной аббревиатуре и интерпретатива находим в абсолютных эквивалентных текстах: «**Вода из артезианской скважины** считается самой полезной, абсолютно безопасной для употребления – **Артезианские воды** образовывались в очень давние эпохи из-за геологических движений земной коры» (<http://sistemyochistkivody.ru/artezianskaya-voda.html>). Этот факт еще раз подтверждает теорию подчинения эквивалентов доминантному ДС, в роли которого чаще всего выступает презентатив.

В ходе работы было выявлено, что обычно вершиной гнезда для абброгрупп является презентативный ДС, вне зависимости от диапазона БИ. Соотношение этих диапазонов остается нерешенной проблемой, требующей дальнейшего изучения. Разумеется, настоящая работа является лишь шагом по направлению к достижению основной цели исследований в данной области – исчерпывающему выявлению механизма структурирования текстовых эквивалентов в крупных языковых конгломератах. Однако результаты, полученные в ходе данного труда, могут послужить хорошей базой для дальнейших изучений. Структуре ДМ, как показал анализ, присуща иерархия, т.е. детерминация, последовательность уровней, определенность, однако необходима более глубокая проработка проблемы, вынесенная в заглавие данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул аббревиатуры: источники, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 166–172
2. Теркулов В.И. Текстовая эквивалентность сложносокращенного слова / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Выпуск 13. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. – С. 69–77.
3. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. – Выпуск 3 (29) : Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13–25.

4. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире : I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) : сб. науч. ст. в 2 т. Симферополь, 2017. – Т. 2. – С. 140–147.

E.S. Krestyaninova

THE HIERARCHY OF THE DECIPHERING STIMULUS THAT LOG IN TO THE SOCKET EQUIVALENCE: FORMULATION OF THE PROBLEM

The article deals with the principles of constructing the decryption matrices. It is assumed that there is a sequence of ranking stereotypes for decoding abbroconstructs in the deciphering matrices. In the article, we raise the question of the hierarchy of the structure of deciphering stimulus that log in to the socket equivalence. We establish the effect of the balance of indices on the position of the deciphering stimulus in the hierarchy.

Keywords: *abbreviation, balance of indices, deciphering matrix, deciphering stimulus.*

УДК 811.161.1

В.И. Теркулов, Е.Н. Михайлова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛЯТИВНОГО ДЕШИФРОВАЛЬНОГО СТИМУЛА СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА

Данная статья посвящена описанию ономасиологического релятивного дешифровального стимула в синхронном гнезде эквивалентности сложносокращённого слова. В работе дано определение релятивного стимула, установлены принципы описания, определена перспективность исследования и дальнейшие его пути развития. Выделены особенности семантики эквивалентных словосочетаниях.

Ключевые слова: *дешифровальный стимул, релятивный дешифровальный стимул, ономасиологический анализ, глубинные падежи.*

В ходе исследований аббревиации Экспериментальной лабораторией исследований тенденции аббревиации «ЭЛИТА» было обнаружено, что сложносокращённое слово (далее – ССС) может трактоваться и пониматься на основе двух подходов: диахронного и синхронного. Под диахронным подходом понимается «процесс преобразования словосочетания в эквивалентную аббревиатуру путем замены его компонентов (компонента) абброэквивалентами» [7, с. 18]. Возникновение диахронных аббревиатур обусловлено компрессией словосочетания, а определение их основывается на установлении отношений между аббревиатурой и производящей единицы. Синхронная аббревиация представляет собой «отношение актуальной эквивалентности между аббревиатурой и её синтаксическими эквивалентами» [7, с. 18]. Этот подход определяется на основе констатации возможности взаимозамены в текстах слова и его синтаксического эквивалента. В этом случае модель формальной эквивалентности, под которой мы понимаем такую модель, которая устанавливает направление производности между компонентами деривационной пары: производящим и производным, выступает в виде модели текстовой эквивалентности [1, с. 160].

Актуальность нашего исследования определяется необходимостью уточнения и обобщения знаний о релятивном дешифровальном стимуле (далее – РДС). Поскольку на синхронном срезе языка отмечается наличие большого количества эквивалентностных ономаσιологических интерпретаций одной и той же аббревиатуры, целью предлагаемой работы является определение ономаσιологических особенностей стереотипной модели формирования эквивалентов, т.е. дешифровального стимула (далее ДС). Ономаσιологический подход к описанию данной единицы гнезда эквивалентности (далее – ГЭ) предполагает анализ номинативных функций, т.е. непосредственной роли в процессе номинации ССС. Для достижения поставленной в работе цели нужно определить параметры выделения релятивного ДС и установить, какое место он занимает в матрице ДС, а для этого необходимо дать панорамное описание типов ДС.

Первым, кто предложил разграничивать типы ДС, был А.И. Бровец, который в своей классификации говорит о наличии таких ДС, как: презентативный и интерпретативный [3, с. 13-17]. Под **презентативным ДС (ПДС)** понимается такая регулярная модель формирования эквивалентов, которая является носителем обобщённого значения и используется в любой ситуации номинации в качестве абсолютного эквивалента ССС: Например, *бухотдел – бухгалтерский отдел, бурвышка – буровая вышка: Чтобы бухотдел стал надежным тылом для руководителя, к подбору бухгалтеров, а главное – главбуха нужно подойти очень внимательно и ответственно – Бухгалтерский отдел – необходимое звено каждой средней и крупной компании* (<http://www.buhgalteria.ru/article/n127749>); *Буроборудование подойдет для проведения работ, что связаны с созданием скважин – Буровое оборудование геологоразведочное, что изготавливает ООО НТК, соответствует всем стандартам и ГОСТам* (<https://ooontk.all.biz/info-about>). Ономаσιологическая модель в этом случае будет выглядеть таким образом: базис и подчиненный ему признак¹, нулевая степень интерпретации, равенство аббревиатуре.

Под **интерпретативным ДС (ИДС)** мы, вслед за А.И. Бровцом, понимаем такой ДС, который распространяет структуру аббревиатуры и ее значение. Исходя из этого ономаσιологическая модель имеет вид: базис, признак² и подчиненный ему признак¹, возможность признака³. Например, ПДС аббревиатуры *автобат – автомобильный батальон*, ИДС той же аббревиатуры выражается словосочетанием *автотранспортный батальон* [7, с. 14–15]. Главным отличием ИДС от ПДС является не способность свободно взаимозаменяться в текстах с ССС, а возможность создавать привативные отношения с немаркированным компонентом: здесь происходит некое уточнение ПДС: *Автобат "четыре тройки" был расформирован в 2003 году – В мае 1945 года на базе Отдельной автомобильной роты приказом НКВД СССР был сформирован Отдельный автотранспортный батальон* (<http://www.foto.kg/galereya/3702-otdelnyy-avtomobilnyy-batalon-voyskovaya-chast-3333gorod-osh-vyezd-avtokolonny.html>).

Релятивный ДС в качестве отдельного вида в одной из своих работ предложил выделять В.И. Теркулов, который под РДС понимает такой ДС, который использует презентативный ДС с добавлением релятивной семантики [8, с. 147]. Например, слову *автоаренда* эквивалентно словосочетание *аренда авто*, где зависимое слово выступает в роли объекта, который подвергается распределению (дистрибутив): *Автоаренда – это та услуга, которая поможет вам недорого получить напрокат хороший автомобиль – Затраты на аренду авто намного меньше затрат на покупку автомобиля в собственность* (<http://avtoprokat-spb.ru/articles/avtoarenda>).

Существование ДС в ГЭ представляет собой строгую иерархию, которая, по нашему мнению, существует в рамках отношений «ядро-периферия». Мы полагаем, что в качестве ядра ГЭ выступает тот ДС, который обладает наименьшим значением баланса индекса (БИ), т.е. частного от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания. В большинстве случаев в роли ядра ГЭ выступает ПДС. Исходя из этого, к периферии мы относим такие ДС, как ИДС и РДС. Однако и эта структура имеет свои исключения, поскольку существуют случаи, когда отношения «ядро-периферия» между ПДС и РДС «стираются», т.е. происходит некая нейтрализация значений на ономаσιологическом уровне между этими типами ДС. Это вызвано наличием двух видов презентативов: **презентатив¹** и **презентатив²**, где презентатив¹ выступает в роли немаркированного компонента (оппозиции с ССС и другими ДС) и выполняет функцию базисного эквивалентного ДС, а презентатив², создавая оппозицию немаркированного компонента, стремится к созданию новых интерпретаций своего значения. Например,

Презентатив ¹			
ССС	Эквивалентное словосочетание	Семантический падеж	Вид ДС
Автоаренда	<i>автомобильная аренда</i>	Квалификатив	Презентативный ДС
	<i>аренда автомобиля</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
	<i>аренда автомашины</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
	<i>аренда автомобилей</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
	<i>аренда автомашин</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
	<i>аренда авто</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
Презентатив ²			
Автогонка	<i>автомобильная гонка</i>	Квалификатив	Презентативный ДС
	<i>гонка на авто</i>	Инструменталис	Релятивный ДС
	<i>гонка автомобилей</i>	Агент	Релятивный ДС

В ходе сопоставительного анализа эквивалентных словосочетаний презентатива¹ нами были выявлены их модификации на формальном уровне. Употребление релятивных ДС в одном и том же семантическом падеже и возможность их употребления с презентативами в текстах в качестве абсолютных синонимов свидетельствует о наличии нейтрализации значений ДС, под которой мы понимаем устранение противопоставлений видов ДС. Например, «***Аренда авто** без водителя приобрела массовую популярность за очень короткий период, ведь преимущества были на первом плане – Чтобы не остаться на время вынужденного отсутствия своего железного друга без средства передвижения, выход предоставляется только один, – аренда автомобиля без водителя – Зачем нужна автомобильная аренда?*»

Для анализа РДС используется **семантико-ономаσιологический** подход, который предполагает определение актантной роли слова, эквивалентного

абброконструкту, то есть сокращённому компоненту ССС. Такое слово может быть только существительным, поскольку именно существительное выполняет в предложении актантную роль, под которой понимается роль элемента событийной пропозиции [2, с.246]. Выразителями актантной роли являются, как известно, семантические (глубинные) падежи, которые определяют семантическую роль совокупностью черт, общих для одинаково кодируемых партиципантов [6, с.176].

Для более ёмкого представления ономаσιологических особенностей РДС мы предлагаем использовать ономаσιологические модели соответствия, которые являются важным структурным компонентом в ономаσιологии на синхронном срезе языка, благодаря которому складывается завершённая картина в определении значения той или иной номинатемы. Под **ономаσιологической моделью** мы понимаем частотно воспроизводимые в языке конструкции, «служащие ориентиром при создании других наименований однородных предметов» [4, с. 95]. По Е.С. Кубряковой, ономаσιологическая модель, как правило, трехчастна и включает в себя:

- **ономаσιологический базис** (целевой концепт) ОБ, указывающий на определенный понятийный класс – родовое понятие (например, «предмет»), к которому отнесено наименование;
- **ономаσιологический признак**, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса
- **предикат-связку** [5 с. 3-23.]

Ономаσιологический базис всегда несет в себе общую семантику ономаσιологического подкласса. Например, в абброгруппе «бензо» были обнаружены такие базисы.

1. **Предмет** – ономаσιологический базис (далее – ОБ), обозначающий физически воспринимаемый объект, которому могут принадлежать (определенные) свойства и который может состоять в определенных отношениях с другими объектами. Значения номинатем, входящих в этот ономаσιологический базис, определяются как субстантные. Например, *абонкнижка – абонентская книжка*: «Для того чтоб воспользоваться электронной *абонкнижкой* необходимо зарегистрироваться – КИЕВЭНЕРГО из каменного века переводит потребителей электроэнергии на новый сервис – электронная *абонентская книжка*» (<http://budrem.com.ua/news?id=75>)

2. **Агент** – ОБ определяется как «лицо, производящее действия». Слова, входящие в данный ОБ, являются отглагольными существительными и реализуют словообразовательный перифраз «тот, кто совершает действие, обозначенное производящем глаголом. Например, *бензозаправщик – заправщик бензином*.

3. **Приспособление** – в данный ОБ входят номинатемы, обозначающие устройство, при помощи или посредством которого производится какая-нибудь работа, действие. Например, *бензофильтр – бензиновый фильтр*: *Инженеры исключительно рекомендуют менять бензофильтр через каждые 30.000 км. пробега, но это при идеальных условиях – Бензиновый фильтр сопоставим с таким органом у человека как печень, который напоминает природный фильтр.* (<http://autoflit.ru/476-zamena-toplivnogo-filtra-na-chevrolet-niva-vse-tonkosti-operacii.html>)

4. **Объединение предметов/приспособлений** – ОБ, обозначающий соединение нескольких предметов единую группу. Например, *бензотехника – бензиновая техника*: *Бензотехника на эти случаи является идеальным выбором, и именно поэтому до сих пор пользуется такой популярностью - Такая бензиновая техника маломощна и обладает хорошей антивибрационной защитой, однако годится только для садовых работ.* (<http://fdfmoto.com/ru/catalog/benzotehnika>).

Стоит уточнить, что в ГЭ присутствуют слова, обладающие одновременно не только РДС, но и презентативными и интерпретативными ДС. Мы предлагаем называть данные ГЭ **полными** или **интенсивными**, т.е. такими, которые характеризуются плотностью семантики, реализующейся в момент «разворачивания» ГЭ. Например, в ССС **автоаксессуары** заложен имплицитный заряд семантики, который раскрывается в эквивалентных словосочетаниях: **автомобильные аксессуары** (презентативный), **аксессуары для автомобиля**, **аксессуары на автомобиль** и **аксессуары автомобиля** (РДС), **аксессуары для автотюнинга** (интерпретативный). В противовес этому существуют ГЭ, не обладающие подобным потенциалом, например, в семантическое поле слова **бензосани** входит только одно эквивалентное словосочетание **бензиновые сани**, которое относится к презентативным ДС. Такие ГЭ мы предлагаем называть **неполными**.

Мы предполагаем, что фронтальное описание аббревиатурной группы на основе синхронного (эквивалентностного) анализа представляет особенности формальных трансформаций и ономастологической тождественности между формально взаимосвязанными единицами в пределах аббревиатурной группы в полном объёме.

Итак, релятивные дешифровальные стимулы являются важным элементом ГЭ, поскольку отражают различные семантические роли ССС. РДС - малоизученное явление в лингвистике и на данный момент непонятно, чем мотивировано их появление у ССС. В связи с этим планируется в дальнейших работах определить роль РДС и их первичность или вторичность относительно презентативных ДС, создать ономастологическую классификацию и классификацию моделей соответствия для РДС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аламайрех Е. Ю. Формальная эквивалентность сложносокращённого слова в синхронии и диахронии / Е.Ю. Аламайрех // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – с.157–161.
2. Алиева Н.А. Актанты и сирконстанты // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, том 27 (66). № 3. 2014 г. с. 246–252.
3. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул / А. И. Бровец // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2017. – с. 13–17.
4. Голев Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования / Н.Д. Голев // Материалы науч. конф., посв. 50-летию образования СССР. Вып. 5. Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1972. С. 94–99
5. Кубрякова Е. С. Словосложение как процесс номинации и его отличительные формальные и содержательные характеристики / Е. С. Кубрякова // Теоретические основы словосложения и вопросы создания сложных лексических единиц : межвузовский сб. научн. трудов. – Пятигорск : Пятигорский пед. ин-т иностр. языков, 1988. – С. 3-23.
6. Рядинская С.В., Мигачев В.А. Падежная грамматика Ч.Филлмора и современное понимание ролевой семантики глагола. – Белгород. – с. 175-180
7. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3 (29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – с. 13-25.

8. Теркулов В.И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.): сб. науч. ст. в 2 т. Симферополь, 2017. Т. 2. С. 140-147.

E.N. Mikhaylova

ONOMASIOLOGICAL FEATURES OF RELATIVE DESIGNIFICANT STYLE OF COMPLEX-REDUCED WORD

This article is devoted to illuminating the onomasiological relational deciphering stimulus in a synchronic nest of equivalence of a compounded word. In this paper, a definition of the relational stimulus is given, the principle of description is established, the prospects for research and further ways of development are determined. The features of semantics in equivalent phrases are singled out.

Key words: *deciphering stimulus, relational deciphering stimulus, onomasiological analysis, deep cases.*

УДК 81'373.611

В.И. Теркулов, А.А. Рештаненко

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

МОДЕЛИ ФОРМАЛЬНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В АББРОГРУППЕ «КИНО»

В статье рассматриваются модели формальной эквивалентности в абброгруппе «кино». Цель этого исследования – выявить закономерности использования формальных моделей образования эквивалентных словосочетаний для абброконструкта «кино». Актуальность темы обусловлена необходимостью обосновать и мотивировать употребление этих моделей в конкретных парах «абброконструкт – семантический эквивалент». В ходе исследования были разработаны и классифицированы модели формальной эквивалентности в абброгруппе «кино».

Ключевые слова: *дешифровальный стимул, абброконструкт, эквивалентность.*

Для достижения целей данного исследования следует обратиться к 2 основным подходам: синхронному и диахронному. Диахронный анализ подразумевает под собой установление деривационных связей между компонентами гнезда, то есть определение формирующей и формируемой эквивалентностей. «Синхронный анализ предшествует диахронному: он определяет реестр эквивалентных единиц в гнезде эквивалентности, для которых затем уже можно попытаться установить деривационные связи» [1, с.23]. Это разделение обусловлено наличием/отсутствием словосочетания-источника и дублетностью слова и словосочетания [1, с.14]

Определение моделей формальной эквивалентности – это одна из основных задач исследования аббревиатур при синхронном подходе изучения языка. Это дает основание для восприятия некоторых абброконструктов как абброэквивалентов, а так же является важным шагом в решении проблемы выявления производного и производящего в паре «аббревиатура-словосочетание».

Цель изучения абброконструкта во взаимодействии с его семантическими эквивалентами – определить и классифицировать отношения синхронной эквивалентности в пределах одного гнезда.

Для определения наиболее популярных текстовых эквивалентов абброконструкта «кино» был проведен формально-структурный анализ собранного материала.

Из 134 проанализированных слов, содержащих АК «кино», было выделено 351 эквивалентное словосочетание.

Для описания формальных отношений между аббревиатурой и ее эквивалентов следует использовать понятие дешифровального стимула, под которым понимается «слово или сочетание слов, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании» [1, с.16]. Эквивалентов у абброконструкта чаще всего несколько, они могут быть образованы по одной модели или по нескольким. Таким образом, мы получили 5 основных моделей.

Для обозначения элементов, входящих в структуру формулы, предлагаем использовать такие операторы:

У – базисный компонент;

X – дешифровальный стимул, выраженный существительным (у – x: *сеанс кино - киносеанс*);

X(ad) – простое прилагательное (у – x(ad): *кинематографическое агентство – киноагентство*);

(предл)X – существительное с предлогом (у – (предл)x: *монтаж в кинематографе - киномонтаж*);

X(ad)-Z – словосочетание с зависимым адъективом (у – x(ad) – z: *кино жанра фэнтези - кинофэнтези*);

(предл)X-Z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным (у – (предл)x – z(сущ): *кино в жанре комедии - кинокомедия*)

В процентном соотношении использование данных моделей в образовании эквивалентных словосочетаний выглядит так:

1 модель (152). У – X: 43,3%

Например, *кинозвезда – звезда кино* («Имя свое будущее кинозвезда получила в честь уже известной в то время актрисы Аллы Тарасовой» - «Следующей кинолентой, где снималась известная звезда кино и театра, стала "Двенадцатая ночь"») (<https://goo.gl/JkRDpm>), *звезда кинематографа* («На творческих вечерах кинозвезда демонстрирует все грани своего таланта» - «В Украину приезжает мировая звезда кинематографа - Ален Делон») (<https://goo.gl/4iFsGQ>);

кинообзор – обзор кино («И в общем почти два месяца тишины кинообзоров» - «Внезапно набрел на этот любопытный обзор кино с оккультной и мистической тематикой, снятого в конце 1980-х - 1990-х годах в позднем СССР и постсоветской России») (<https://goo.gl/DWsZ2G>), *обзор кинофильма* («Какой-то сумбурный в этот раз и неполный кинообзор» - «А где обзор кинофильма по признакам сопоставимости с Лав Хьюит?») (<https://goo.gl/kaig9T>).

2 модель (112). У – X (ад): 31,9%

Например, *кинооператор – кинематографический оператор* («Среди основных героев фильма семья Жуковых (жуки-олени), художник Усачини (жук-усач), кузничик-кинооператор и балетная танцовщица-стрекоза» - «Нестареющая «Месь кинематографического оператора», где едва ли не впервые Старевич дает возможность зрителям попасть внутрь кинематографического мира») (<https://goo.gl/9jyrrs>);

кинофонд – кинематографический фонд («Государственному комитету СССР по кинематографии, Министерству финансов СССР и правлению Союза кинематографистов СССР в 3-месячный срок разработать и утвердить порядок отчислений Кинофонду СССР, установленных настоящим Постановлением»

- «Образовать при Союзе кинематографистов СССР Кинематографический фонд СССР (Кинофонд СССР)» (<https://goo.gl/mSzgFC>).

3 модель (71). У – (предл) Х: 20,2%

Например, **киномузыка – музыка из кино**, («История киномузыки началась, как это ни странно, еще до изобретения звукового кино» - «Популярная музыка из кино») (<https://goo.gl/53DGTp>), **музыка из кинофильма** («Именно киномузыка Таривердиева известна нам больше всего, есть в ней что-то особенное, необыкновенное, трогательное» - «...музыка из кинофильма «Раба любви» и Эпилог из кинофильма «Свой среди чужих» (соло на трубе — Андрей Андрейкин) Эдуарда Артемьева, — это те незабываемые минуты наслаждения, которые подарили зрителям музыканты симфонического оркестра (подкреплённого во втором отделении эстрадно-джазовым составом) и солисты филармонии») (<https://goo.gl/TGS8Gz>), **музыка в кино** («Киномузыка один из компонентов кинопроизведения, одно из его важных выразительных средств» - «Музыка в кино поглощается, но поглощается не даром: она дает речи актеров последний элемент, которого ему не хватает, — звук») (<https://goo.gl/nwcziB>), **музыка в кинофильме** («Для киномузыки необязательны также законченность и единство формы; ее единство вытекает из характера ее функционирования по отношению к зрительной» - «Музыка в кинофильме не нуждается также ни в тематической интеграции, ни в стилистическом единстве; если это требуется сценарием, рядом могут стоять певческая музыка различных народов, джаз, концертная музыка и т. д.») (<https://goo.gl/BbEUfV>), **музыка для кино** («Но моя любимая киномузыка Петрова и вообще одна из моих самых любимых советских киномузых — это песня из кинофильма “Человек-амфибия”» - «...на примере собственного хит-парада Троицкий рассказывает о главных саундтреках в истории и о том, как менялась и от чего зависела музыка для кино») (<https://goo.gl/Qe5Wyz>), **музыка для кинофильма** («Но в список вошли скорее даже не любимые фильмы, а в большей степени его любимая киномузыка» - «Музыка для кинофильма – музыка, следующая за кадром») (<https://goo.gl/cc6LYB>), **музыка в кинематографе** («Киномузыка является своеобразной экспериментальной лабораторией современного музыкального искусства» - «Это обусловлено тем, что музыка в кинематографе при взаимодействии то с кадром, то со словом, то с монтажным строем, то со всем вместе приобретает новые функции и вместе с тем новые качества, во многом отличающие ее от музыки как самостоятельного искусства») (<https://goo.gl/9AXgs2>);

кинозал – зал в кинотеатре («К концу текущего года в кинотеатре "Салют" появится пятый кинозал» - «Мы перестроим некоторую часть офисов, и, надеюсь, уже в этом году пятый зал в кинотеатре "Салют" примет первых зрителей» - добавил Сергей Федяков») (<https://goo.gl/8sCDQk>), **зал для кино** («Все номера оборудованы современной техникой и мебелью. На территории есть электронный бьюет с "Шаянскими" минеральными водами, лечебный центр, соляная комната, баня, бассейн, тир, кинозал, прокат горнолыжного снаряжения» - «На территории отеля работает кабинет лечебной физкультуры, библиотека, зал для кино и концертов, бильярд, игровая комната для детей») (<https://goo.gl/cQHpps>).

4 модель (9). У – Х (ад) – Z: 2,6%

Например, **киноклуб – клуб любителей кино** («Зачем кинотеатру нужен киноклуб любителей, если не будет хорошего сбора?» - «Так, по инициативе Фрунзенского райкома комсомола при кинотеатре “Художественный” появился клуб любителей кино “Арбат”») (<https://goo.gl/Ez2NQ1>).

5 модель (7). У – (предл) Х – Z (суш): 2%

Например, **кинокомедия – кино в жанре комедии** («Я посмотрела эту кинокомедию в конце 90-х» - «Режиссер создал уникальное кино в жанре комедии, которое спустя 60 лет доставляет радость во время просмотра») (<https://goo.gl/ZXzvvpq>).

На следующем этапе в парах каждого гнезда были определены конкретные модели образования, в которых указывалось на частеречную принадлежность компонентов исходного словосочетания и на способ их представления в структуре сложносокращённого слова.

Этот этап значительно расширяет деление, произведенное на предыдущем этапе, так как предметом анализа становится уже не модель структуры дешифровального стимула, а модель формальной разновидности эквивалентности словосочетания и сложносокращённого слова.

Следует определить такие используемые операторы:

Сущ – существительное;

СущНескл – несклоняемое существительное;

Прил – прилагательное;

Предл – предлог;

ЧоснСущ – часть основы существительного;

ЧоснСущНескл – часть основы несклоняемого существительного;

ЧоснПрил – часть основы прилагательного;

ед – форма единственного числа;

мн – форма множественного числа;

Сущ1/Прил1 – указание на падежную форму, где 1 – форма Именительного падежа, 2 – Родительного и т.д.

Первая часть формулы (например, *Прил1ед-Сущ1ед*) является моделью формальной разновидности эквивалентности СС, вторая (например, *ЧоснПрил1ед+Сущ1ед*) – это модель формальной разновидности эквивалентности ССС.

1 модель формальной разновидности эквивалентности – это *Прил1ед-Сущ1ед* — *ЧоснПрил1ед+Сущ1ед* (113) – **32,81%**

Эта модель является самой распространенной, так как дает осуществлять наиболее обобщенную трактовку значения аббрекконструкта.

Например, **кинокритика – кинематографическая критика** («Итальянская кинокритика в большинстве случаев остановилась на рубежах, которые в те времена были передовыми, а ныне уже не являются таковыми именно из-за произошедшего с тех пор дальнейшего раз вития культуры в целом» - «Поэтому вряд ли можно сказать вместе с Лидзани, что, «в отличие от того, что произошло в области кинопроизводства, кинематографическая критика в Италии, за не которыми исключениями, отступила с тех передовых позиций, которые она сумела завоевать в годы “фронды”») (<https://goo.gl/KYMmBj>);

киноакадемия – кинематографическая академия («Американская киноакадемия предпочла “Повелителя бури” “Аватару”» - «Лучшей актрисой второго плана Американская кинематографическая академия признала актрису Мо’Ник, сыгравшую в фильме “Тужься”») (<https://goo.gl/SoJGJa>).

2 модель – это *Сущ1ед+СущНескл* — *СущНескл+Сущ1ед* (78) – **22,22%**

Она встречается реже, но является достаточно употребительной и общепринятой.

Например, **киноинститут – институт кино** («Киноинститут США является независимой и некоммерческой организацией, которая была создана в 1967 году для

того чтобы, сохранить наследие кинематографа этого государства» - «В США институт кино определил лучшие фильмы года») (<https://goo.gl/LtfNng>);

киноархив – архив кино («Национальный киноархив Индии, основанный в 1964 году, призван охранять и обогащать национальное наследие кино, проводить исследования в области кино и играть роль центра по продвижению культуры кино» - «Национальный архив кино в Пунае и его три региональных отделения в Бангалоре, Калькутте и Тхируванантхпураме располагают библиотекой») (<https://goo.gl/yMQ14w>);

киномонтаж – монтаж кино («Выдающийся мастер киномонтажа С. Эйзенштейн в числе своих учителей называл Д. Гриффита, который первым осознанно применил этот метод в качестве художественного приема» - «Вывод этот звучит слишком однозначно, но, действительно, монтаж кино и фотомонтаж связаны генетически») (<https://goo.gl/znHXVx>).

3 модель – это Сущ1ед+Сущ2ед — ЧоснСущ2ед+Сущ1ед (64) – **18,2%**

Данная модель употребляется почти наравне с предыдущей.

Например, **киноистория – история кинематографа** («"Броненосец Потемкин" как киноистория и просто история» - «Я не думаю, что это лучший фильм, но это фильм, без которого история кино была бы невозможна, – считает Наум Клейман») (<https://goo.gl/L3Hrrq>), **история кинофильма** («В 2004 году вышли в мир две книги, посвященные преданности удивительной собаки, а через пять лет была снята современная киноистория об акита-ину Хатико» - «История кинофильма имела место быть в реальной жизни») (<https://goo.gl/BSsBNZ>).

4 модель – это Сущ1ед+предл+СущНескл — СущНескл+Сущ1ед(-предл) (52) – **14,81%**

Например, **кинодебют – дебют в кино** («Настоящий кинодебют — в картине Георгия Данелии со знаменательным для Даши названием «Фортуна» про незадачливых обитателей речного кораблика» - «Дебют в кино состоялся...22 года назад») (<https://goo.gl/LT2zK4>);

кинороль – роль в кино («Одновременно с ролью в “Проблемах роста” ему досталась дебютная кинороль» - «Он получил следующую роль в кино, исповедуя тот же принцип») (<https://goo.gl/btDL7U>).

5 модель – Сущ1ед+предл+Сущбед — ЧоснСущбед+Сущ1ед(-предл) (11) – **3,13%**

Например, **киносвидание – свидание в кинотеатре** («Киносвидание длится 2 часа. В вашем распоряжении будет целый кинозал с мягкими и удобными диванами» - «Вы звоните нам по телефону... и бронируете необходимый день и время когда хотели бы сходить на свидание в кинотеатре») (<https://goo.gl/itaaAm>);

киноаллюзия – аллюзия в кинематографе («Киноаллюзия использует не только и не столько текст, сколько объемное визуальное изображение» - «Аллюзия в кинематографе») (<https://goo.gl/iM5vGs>);

киноблог – блог о кинематографе («Киноблог. Круз-фильм-робот» - «С сегодняшнего дня «Сибирское агентство новостей» начинает вести собственный блог о кинематографе») (<https://goo.gl/cuNAwJ>).

6 модель – Сущ1ед+Сущ2мн — ЧоснСущ2мн+Сущ1ед (10) – **2,85%**

Например, **киноязык – язык кинематографа** («Кулешов вместе с Эйзенштейном разработали киноязык, а Довженко создал в истории кино первый политический фильм» - «У них было желание обновить язык кинематографа и показать французскому зрителю французское кино») (<https://goo.gl/iUVpx6>);

кинорасписание – расписание киносеансов («Динамическое кинорасписание позволяет клиентам сделать выбор сеанса еще до контакта с кассиром, что ускоряет обслуживание очереди в кассу и повышает заполняемость залов.» - «ПО в реальном времени отображает расписание киносеансов на цифровых панелях в билетных кассах») (<https://goo.gl/UMhYHL>);

кинофестиваль – фестиваль кинофильмов («XIII Международный кинофестиваль кинофильмов “Радонеж” завершил свою работу» - «XIII Международный фестиваль кинофильмов и телепрограмм “Радонеж”») (<https://goo.gl/8NEVqK>).

7 модель – Сущ1ед+предл+Сущ2ед — ЧоснСущ2ед+Сущ1ед(-предл) (7) – 1,99%

Например, **кинохлопушка – хлопушка для кинофильма** («...есть деревянная кинохлопушка к фильму “Порожний рейс”» - «Хлопушка для кинофильма В.Я. Венгерова “Порожний рейс”, 1963 г.») (<https://goo.gl/u87pB4>);

кинооборудование – оборудование для кинотеатра («Зачастую начинают с мебели, начинают искать специальное кинооборудование» - «Правда вы можете купить оборудование для кинотеатра цены, на которые будут весьма разными, всё зависит от вашего кошелька по большому счёту») (<https://goo.gl/iEW9Wt>).

8 модель – СущНескл+предл+Сущбед+Сущ1ед — ЧоснСущНескл+Сущ1ед(-предл-Сущбед) (6) – 1,7%

Например, **кинофэнтези – кино в жанре фэнтези** («Мода на кинофэнтези, возрожденная “Властелином Колец”, продолжает вызывать к жизни всё новые творения в этом специфическом жанре» - «Премия Гильдии художников по костюмам (США) по разделу кино в жанре фэнтези за совершенство в дизайне костюмов») (<https://goo.gl/PnrseP>).

9 модель – СущНескл+Сущ2ед+Сущ1ед — ЧоснСущНескл+Сущ2ед(-Сущ1ед) (6) – 1,7%

Например, **кинофантастика – кино жанра фантастика** («Так как кинофантастика переносит зрителя в совершенно другой мир» - «Все любят смотреть фантастические фильмы, если вы тоже любитель кино жанра фантастика онлайн, тогда вам сюда») (<https://goo.gl/ftmWzZ>).

Далее идут 4 наименее употребимые модели. В списке эквивалентных словосочетаний аббреконтрукта «кино» они имеют по 1 примеру (по 0,15% каждая):

10 модель – Сущ1ед+предл+Сущбмн — ЧоснСущбмн+Сущ1ед(-предл)

Например, **киносайт – сайт о кинофильмах.**

11 модель – Сущ1ед+Прил2ед+Сущ2ед — ЧоснПрил2ед+Сущ1ед(-Сущ2ед)

Например, **киноадаптация – адаптация кинематографического фильма.**

12 модель – Сущ1ед+Сущ2ед+сущНескл — ЧоснСущНескл+Сущ1ед(-Сущ2ед)

Например, **киноклуб – клуб любителей кино** («Киноклуб для учителей “Магия педагогики”» - «В Математической школе Грозного открылся клуб любителей кино») (<https://goo.gl/m9V3cd>).

13 модель – Сущ1ед+предл+Сущ2ед+СущНескл — ЧоснСущНескл+Сущ1ед(-предл-Сущбед)

Например, *кинозал – зал для просмотра кино* («Честно говоря, это всего лишь мое мнение, но такой кинозал все же стоит позиционировать, как обособленный зал для просмотра кино, особенно учитывая его единичность в Тюмени, а не как всего лишь еще один аттракцион среди прочих других развлечений “МультиЛэнда”»)) (<https://goo.gl/cMhiZm>).

Таким образом, проведенный формально-структурный анализ дешифровальных стимулов, содержащихся в абброконструкте «кино», позволяет определить тип связи между АК и словосочетаниями. Это дает основания для дальнейшего исследования проблемы первичности появления компонента, выявления типичных и конкретных закономерностей, прогнозирование образования аббревиационных структур на синхронном срезе языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов (рукопись).

A.A. Reshtanenko

MODELS OF FORMAL EQUIVALENCE IN ABBREVIATION GROUP “KINO”

The article presents the model of formal equivalence in abbreviation group “kino”. Goal of this research is to highlight a regularity of using the formal models of formation equivalence phrase for abbroconstruct “kino”. Relevance of this topic is caused by a necessity to substantiate and motivate the using of these models in specific pairs “abbroconstruct – semantic equivalence”. Models of formal equivalence in abbreviation group “kino” were developed and classified in the research.

Keywords: decryption motive, abbroconstruct, equivalence.

УДК 81'373.611

В.И. Теркулов, И. И. Крамаренко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(научн. рук. д. филол. н., проф. В.И. Теркулов)

ПАРАЛЛЕЛЬНОСТЬ СЛОГОВОЙ И ЧАСТИЧНОСОКРАЩЁННОЙ АББРЕВИАТУР

Статья посвящена описанию параллельности слоговой и частичносокращённой аббревиатур. Синхронный анализ признаётся наиболее адекватным поставленным задачам. Уточняются определения слоговой и частичносокращённой аббревиатур в методике описания Лаборатории. Избирается последовательность анализа с опорой на особую структуру гнезда эквивалентности, включающего как частичносокращённую аббревиатуру, так и слоговую. Охарактеризованы две ситуации появления лакун в гнезде: когда отсутствует слоговая аббревиатура и когда отсутствует частичносокращённое слово. Трактуются формальное соотношение слоговых аббревиатур с их текстовыми эквивалентами. Выделены презентативные и модификационные соответствия слоговым аббревиатурам, в рамках которых часто осуществляется структурно-семантическая генерализация ономастического базиса.

Ключевые слова: *слоговая аббревиатура, частичносокращённое слово, текстовая параллельность, лакуна, гнездо эквивалентности.*

Слоговая аббревиатура. *Аббревиатурное слово, состоящее из абброконструктов, равных части основы, например автобат = автомобильный батальон.*

Частичносокращённое слово, ЧСС. *Гибридное аббревиатурное слово, включающее в свой состав помимо абброконструкта первичный конструкт (или базис), например, автодорога (= автомобильная дорога).*

Говоря о параллельности слоговой и частичносокращённой аббревиатур, следует сразу отметить, что такая характеристика, как **параллельность**, устанавливается, детерминируется (объясняются причины) и классифицируется при помощи **синхронного** анализа аббревиации. Другими словами, понятие *параллельность* понимается как *текстовая параллельность*. Примечательно, что центральным понятием синхронного описания сложносокращённых слов признаётся понятие **текстовой эквивалентности** – то есть способность деривационно связанных с аббревиатурой словосочетаний выступать абсолютными синонимами аббревиатуры в тексте, заменять её без существенных семантических трансформаций.

В интересах нашего анализа данный принцип интерпретируется так: наряду с частичносокращённой аббревиатурой (*продмагазин*) и всеми соответствующими ей словосочетаниями (*продовольственный магазин, продуктовый магазин, магазин продовольствия* и т. д.) в одних или разных текстах появляется слоговая аббревиатура (*продмаг*), составляющая с ССС и его синтаксическими коррелятами одно гнездо эквивалентности.

Одним из принципиальных вопросов анализа слоговых аббревиатур является **сама возможность их к параллельному использованию в текстах или как минимум словарному существованию наряду с частичносокращённой аббревиатурой**. Иначе говоря, если отправной точкой считать слоговую аббревиатуру, то дальнейший анализ в первую очередь направлен на поиск соответствующего ей частичносокращённого слова, поскольку наличие хотя бы одного синтаксического эквивалента (словосочетания) признаётся априори, поскольку отражает принципиальную характеристику любой синхронной аббревиатуры: существование на актуальном срезе языка деривационно связанного с ней *синтаксического эквивалента*.

Таким образом, описание слоговых аббревиатур избирает особую последовательность анализа: верификации (проверке) и комментированию текстовой эквивалентности «аббревиатура – словосочетание» предшествует поиск частичносокращённого слова, которое является обязательным для параллельного функционирования со слоговой аббревиатурой. Избранная последовательность кажется нам оправданной, поскольку в ряде случаев для слоговых аббревиатур на актуальном срезе языка не отмечается частичносокращённое слово.

Например, слоговой аббревиатуре *завкаф* реально соответствует (и это подтверждается во множестве текстов) частичносокращённое слово *завкафедрой*, а также для данного гнезда эквивалентности констатируется словосочетание *заведующий кафедрой*. Значит, можно говорить о факте параллельности между слоговой и частичносокращённой аббревиатурами.

В другом случае слоговой аббревиатуре *колхоз* соответствует только словосочетание *коллективное хозяйство*, частичносокращённая аббревиатура *колхозийство*, искусственно продуцируемая по модели выше, в текстах **не отмечается**. То есть в триаде «слоговая аббревиатура – частичносокращённое слово –

словосочетание» для вторая позиция образует лакуну, которая не позволяет говорить о параллельности слоговой аббревиатуры частичносокращённой.

Конечно, актуален вопрос о причинах такой лакунарности. И логично предположить, что он должен разрешаться при помощи деривационно-этимологического анализа. В его целях представляется продуктивным обращение к сервису Google Ngram, позволяющему масштабировать актуальность лексики на широкий промежуток времени, в том числе возможно констатировать отсутствующие сейчас частичносокращённые слова в языке начала и середины XX века, когда аббревиатуры возникали и видоизменялись. Тем не менее подобный анализ не предусмотрен данным исследованием, поскольку не может быть исчерпан средствами синхронного описания.

Первый вывод может быть сформулирован так: параллельность слоговой и частичносокращённой аббревиатур констатируется в том случае, когда оказываются заполнены три позиции в ряду «слоговая аббревиатура – частичносокращённое слово – словосочетание». Такая параллельность отмечается для следующих примеров: «*партком – парткомитет – партийный комитет*», «*автобат – автобатальон – автомобильный батальон*», «*исполком – исполкомитет – исполнительный комитет*», «*обком – обкомитет – областной комитет*», «*спецкор – спецкорреспондент – специальный корреспондент*», «*радиофак – радиофакультет – радиотехнический факультет*», «*профком – профкомитет – профессиональный комитет*», «*местком – месткомитет – местный комитет*», «*завхоз – завхозийством – заведующий хозяйством / хозяйственной частью*», «*сельхоз – сельхозийство – сельское хозяйство*», «*сельмаг – сельмагазин – сельский магазин*» (мало употреблений).

Такая параллельность не обеспечивается в случаях, когда вместо триады констатируются только пары «слоговая аббревиатура – словосочетание»: «*универмаг – универсальный магазин*» (*универмагазин* – окказиональный вариант, к тому же – оним). К интегральным случаям, видимо, следует отнести названия факультетов, поскольку частичносокращённые варианты этих названий с разной степенью освоены языком и реализованы в текстах, о чём свидетельствуют, например, графическая и орфографическая вариантность (слитное, раздельное, точечное написание): «*матфак – матфакультет, мат.факультет*», «*филфак – филфакультет, фил факультет, фил.факультет*». Квантитативная картина тоже разнится. В номинативе: *экономфакультет* (400), *филфакультет* (90), *матфакультет* (140), *истфакультет* (40), *биофакультет* (510), *физфакультет* (300), *химфакультет* (340).

Ещё одним актуальным вопросом является трактовка формального соотношения слоговых аббревиатур с её текстовыми эквивалентами. В этом отношении следует уточнить, что словосочетания, деривационно эквивалентные аббревиатуре вообще и слоговой аббревиатуре в частности, могут с разной степенью реализовывать (повторять*) её структуру и семантику. Чтобы это объяснить, А. Бровец разделил дешифровальные стимулы на презентативные и интерпретативные. В дальнейшем классификация уточнялась, однако в сущности сводится к следующему: презентативное словосочетание дублирует структуру аббревиатуры, структурно и семантически не распространяет её, в то время как интерпретативное модификационное словосочетание всегда формально сложнее аббревиатуры и обнаруживает в своей структуре дополнительные корневые морфемы.

Из истории в т. ч. слоговых аббревиатур известно, что такие сокращения издавна применялись на письме у многих народов, обладающих письменным языком. Целью сокращений были экономия места на носителе текстовой информации (бересте, керамических табличках, пергаменте и т. д.) и быстрота написания часто

употребляемых слов и выражений. Одними из первых аббревиатуры появились в античных надписях, позднее получили распространение и в рукописях. Используя начальные буквы слов, римляне сокращали сначала имена собственные (C.— Gaius, Q.— Quintus), а в дальнейшем и другие слова (cos.— consul, v. c.— vir clarissimus, «светлейший муж»). Повторение одной и той же буквы обозначало множеств, число (coss.— consules, vv. cc.— viri clarissimi). Аналогичные аббревиатуры встречаются в греческих курсивных папирусах и надписях на монетах. Аббревиатуры использовались также для сокращения единиц меры и веса. Римские юристы так часто прибегали к суспензии, что были составлены своды сокращений (Notae iuris) и системы (правила) сокращений букв, которые дошли впоследствии до средневековья. Одной из таких систем стала система «Тироновых значков», являющихся основой римской тахиграфии (быстрописи). Древние римские аббревиатуры, или тиротанские отметки, перешли вместе с латинским языком в Средние века, где они встречаются прежде всего в надписях и на монетах, а затем в рукописях, особенно начиная с XI века, также и в грамотах, из которых они не исчезают до XVI века включительно. Встречающиеся в позднейших латинских рукописях и грамотах аббревиатуры состоят, обыкновенно, из пропусков, а ещё чаще — из соединений букв.

С тех пор, как вошли в употребление прописные греческие и латинские буквы, появились настоящие сократительные знаки для слогов, двойных согласных, двойных гласных и целых слов. В греческих рукописях встречается множество подобных знаков, отчасти перешедших и в печатные издания греческих писателей, из которых совершенно исчезли лишь в новейшее время. Поэтому в старинных греческих грамматиках можно найти перечень употребительнейших аббревиатур. Метод контрактуры, то есть сокращение слова с помощью его начальных букв и окончания, греки использовали вначале для сокращённого написания так называемых Nomina sacra («священных имен»), например $\theta\varsigma$ вместо $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ («бог»). Римляне заимствовали эту систему и применяли её и для обозначения обычных понятий (frs — fratres, брат, gra — gratia, благодарность). Условное обозначение сокращения, черта над аббревиатурой, сменила примерно в III веке нашей эры обычную ранее точку. Аббревиатуры были заимствованы также и из скорописи, например = «esse» («быть»), — «est» («есть»). (См. также Надписи на иконах).

Уже в позднем римском курсиве использовались почти все виды аббревиатур. В средние века аббревиатуры получили дальнейшее распространение, в особенности в юридических, медицинских и богословских текстах.

Параллельное сосуществование слоговых и частичносокращённых слов объясняется тем, что в обыденной жизни, когда требуется сбережение места и времени, довольствуются употребительными простыми сокращениями. Последние состоят или из сокращения фраз, или из сокращения слов. Сокращения фраз, состоящие в пропуске несущественных членов речи, без труда воспроизводимых из общей её связи (вспомогательных глаголов, отдельных частиц речи и проч.) Сокращения слов состоят частью в пропуске отдельных букв и слогов и опущении значительной части или даже всего слова, за исключением начальных букв, частью в определённых знаках, заменяющих слова.

Существование модификационных словосочетаний особенно важно для слоговых аббревиатур, поскольку нами отмечается довольно частое текстовое соответствие между ними. Например, для слоговой аббревиатуры *завхим* предполагаются эквиваленты *заведующий химической службой*, *заведующий химической лабораторией* (*завхимлабораторией*), *заведующий химической частью*. По всей видимости, это вторичная аббревиатура, в которой осуществлена структурно-семантическая

генерализация. В слоговой аббревиатуре опущен ономаσιологический базис, что может свидетельствовать о его факультативности (нерелевантности) для номинации. Подобная генерализация отмечается и для уже звучавших примеров: «*радиофак – радиофакультет – радиотехнический факультет*» – здесь дополнительный ономаσιологический признак *технический* представлен лишь в структуре словосочетания, а в слоговой аббревиатуре отсутствует. Сравните также: «*завхоз – завхозьяством – заведующий хозяйственной частью*», «*гидрофак – гидротехнический факультет*». Возможно, формант *технический*, редуцированный в двух примерах выше, стимулирует генерализацию, поскольку исчерпывается формантами *гидро* и *радио*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д.И. Стилистические особенности буквенных аббревиатур и сложносокращённых слов / Д. И. Алексеев // Вопросы стилистики : тезисы докладов на межвузовской научной конференции. – Саратов, 1962. – С. 44-59
2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. / В. В. Борисов. М.: Воениздат, 1972. – 320 с.
3. Бровец А.И. Аббревиатуры с аббревиационным конструктом «электро» / А.И. Бровец // Конкурсная работа. – 2015. – 46 с.
4. Емельянова К.Ю. Оказиональные развёртывания абброаффиксоидов в эквивалентных текстах / К.Ю. Емельянова // I Республиканская научно-практическая интернет-конференция студентов и молодых учёных «Славистика: новые имена в науке» (8 декабря 2017 г.) – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017.
5. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3 (29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13–25.
6. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания / В. И. Теркулов / научн. редактор М. В. Пименова. – Горловка: ГГПИИЯ, 2010. – 306 с. (Серия «Знак – Сознание – Знание»). – Вып. 1.
7. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Рукопись. – 2017. – 25 с.
8. Теркулов В. И. Типология сокращённых компонентов аббревиатур / В.И.Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127-134.
9. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.
10. Теркулов В. И. К типологии эквивалентности «сложносокращённое слово – словосочетание» / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: IX Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2015 г.) / отв. ред. Е.Я.Титаренко: Сб. науч. ст. В 2-х частях. I часть. – Симферополь : ООО «Антиква», 2015. – С. 6-18.
11. Теркулов В. И. Гнезда эквивалентности сложносокращённых слов в аббревиационной группе с абброконструктом БИО / В. И. Теркулов, А. А. Сыроватская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежеквартальный научный журнал. – № 3 (19). – Владикавказ, 2015. – С. 99-105.

THE PARALLELISM OF SYLLABIC AND PARTLY CONTRACTED ABBREVIATION

The parallelism of syllabic and partially contracted abbreviation. The article is devoted to the description of syllabic and partially contracted abbreviations' parallelism. Synchronous analysis is recognized as the most adequate for the assigned tasks. The definitions of syllabic and partially contracted abbreviations in the methodology of Laboratory description are specified. The analysis sequence is selected with the help of the special structure of word family equivalence, which includes as well the partially contracted abbreviation as the syllabic one. Two situations of accidental gap's appearance in the word family are characterized: when there is no the syllabic abbreviation and when there is no the partially abbreviated word. The formal syllabic abbreviations' correlation is interpreted with its textual equivalents. The presentational and modificational correspondences to the syllabic abbreviations are highlighted, within the framework of which the structural and semantic generalization of onomasiological basis is often carried out.

Key words: *syllabic abbreviation, partially abbreviated word, text parallelism, accidental gap, equivalence word family.*

УДК 81'373.611

В.И. Теркулов, К.Ю. Емельянова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Научн. рук. д. филол. н., проф. В.И. Теркулов)

НОМИНАТЕМНОЕ НЕСООТВЕТСТВИЕ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ ФОРМАЛЬНО ПРЕДПИСЫВАЕМЫМ ИМ ЭКВИВАЛЕНТАМ

Статья посвящена описанию случаев, когда сложносокращённое слово и формально предписываемый ему текстовый эквивалент относятся к разным номинатам, что формирует отношения псевдоэквивалентности. В работе описаны причины возникновения псевдоэквивалентности, а также рассмотрены процессы формирования гнезда псевдоэквивалентности.

Ключевые слова: *сложносокращённое слово, текстовый эквивалент, гнездо эквивалентности, номината, псевдоэквивалентность, гнездо псевдоэквивалентности.*

Работа Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации («ЭЛИТА») предполагает два подхода к анализу сложносокращённых слов – диахронный и синхронный.

Диахронный подход предусматривает определение деривационного статуса аббревиатуры. Она может быть первичной (отсутствие словосочетания-источника, появление сложносокращённого слова вследствие **квазиунивербализации** – образование единиц, имитирующих структуру универбатов [3]) или вторичной (наличие словосочетания-источника, образование слова путём **универбализации** – процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово [3]). Например, сложносокращённые слова *авиазвено, авиаинженерия, авиаформирование* возникли в результате процесса универбализации, то есть являются вторичными по отношению к таким словосочетаниям, как *авиационное звено,*

авиационная инженерия, авиационное формирование. Напротив, сложносокращённые слова *авиадесант, авиалиния и авиапарк* являются первичными, а словосочетания *авиационный десант, авиационная линия и авиационный парк* возникли в результате действия процесса **псевдоунивербализации** – развёртывания аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением [3]. Направление деривации между сложносокращённым словом и эквивалентным ему словосочетанием устанавливается благодаря методике, включающей четыре приёма: хронологический, количественный, семантический и ономастический.

В данной работе сложносокращённые слова рассматриваются с точки зрения синхронного подхода, который сводится к описанию отношений между сложносокращённым словом и эквивалентным ему словосочетанием. При работе с текстами было отмечено, что часто сложносокращённому слову соответствует не один текстовый эквивалент, а несколько. Множество текстовых эквивалентов образуют **гнездо эквивалентности** (гнездо, объединяющее номинативные единицы, связанные эквивалентными отношениями с одним ССС [5]). «Между компонентами гнезда в синхронии устанавливаются отношения эквивалентности, под которыми подразумевается функционально-семантическое тождество и мотивационная соотносительность аббревиатуры и её конструкторов с соответствующими словосочетаниями и входящими в них словами» [5, с. 15]. Например, гнездо эквивалентности сложносокращённого слова *автосервис* образуют такие текстовые эквиваленты: *автомобильный сервис, сервис для автомобилей, сервис автомобилей, сервис для автомобилистов, сервис для грузовых автомобилей, сервис для автомоек, сервис для автолюбителей*; в гнездо эквивалентности аббревиатуры *аллергопроба* входят эквиваленты: *аллергическая проба, аллергологическая проба, проба на аллергию, проба на аллергены, аллергенная проба, проба аллергической реакции, проба на аллергическую реакцию, проба на аллергические реакции*.

Возникновение синтаксических коррелятов аббревиатуры объясняется фактом существования регулярных стереотипных моделей расшифровки **абброконструкта** (сокращённый компонент аббревиатуры), называемых **дешифровальными стимулами**. Например, дешифровальные стимулы *авиационная, авиапромышленная, авиакосмическая, авиатехническая, авиационной промышленности, авиaperевозок, по авиаперевозкам, авиапроизводителей* формируют синтаксические эквиваленты сложносокращённого слова *авиакомпания*. Подобным образом каждый абброконструкт развёртывается в дублеты с тождественным значением, которые могут выполнять различные синтаксические функции.

Каждое сложносокращённое слово можно представить в виде развёрнутого эквивалента. Но, во-первых, не всегда этот формальный дублет может замещать аббревиатуру: часто встречаются окказиональные эквиваленты, встречающиеся в единичных текстах (в данном случае имеются в виду **абброаффиксоидные квазиаббревиатуры**, которые по аналогии развёртываются в словосочетания: *авиарасследователь – авиационный исследователь* (14 употреблений), *авиапрополка – авиационная прополка* (10 употреблений), *авиахимнападение – авиационное нападение с использованием химического оружия* (8 употреблений)), а во-вторых, были обнаружены случаи, когда сложносокращённое слово и формально предписываемый ему текстовый эквивалент относятся к разным номинатам. Данная особенность была отмечена при анализе абброаффиксоидных квазиаббревиатур.

Абброаффиксоидные сложносокращённые слова возникают в результате квазиунивербализации (см. выше). Сокращённым компонентом в таких аббревиатурах выступает **абброаффиксоид**, то есть «упрощённый» вариант абброморфемы,

практически не способный разворачиваться в слова и не имеющий текстовых эквивалентов. Например, данный тип абброконструкта отмечается в таких сложносокращённых словах, как *авиапутешественник*, *астробиология*, *еврорубероид*.

Главная особенность абброаффиксоидных квазиаббревиатур – **отсутствие текстовых эквивалентов**. На первый взгляд, эта черта должна полностью аннулировать возможность рассмотрения абброаффиксоидных сложносокращённых слов на синхронном срезе языка, т.к. синхронный подход предполагает наличие синтаксических эквивалентов у аббревиатуры. Почти во всех случаях абброаффиксоидные квазиаббревиатуры действительно не рассматриваются на синхронном срезе. Несмотря на то что регулярная стереотипная модель (дешифровальный стимул) для образования эквивалентов все же возникает при попытке развернуть сложносокращённое слово, все появляющиеся варианты либо вообще не встречаются в текстах, либо являются окказиональными: «они существуют лишь в пределах малочисленных, обычно просторечных, текстов, а их появление объясняется действием корреляционного стереотипа: «каждому сложносокращённому слову соответствует эквивалентное словосочетание», то есть происходит заполнение «деривационной лакуны» [2]. Так, например, можно обнаружить синтаксический эквивалент сложносокращённого слова *астроархеология* – *астрономическая археология*, но данное словосочетание является окказиональным (ср.: *астроархеология* – 5821 употребление, *астрономическая археология* – 297 употреблений). Значение окказиональных словосочетаний в текстах все же совпадает со значением сложносокращённого слова, то есть они являются глоссами одной номинатемы – языковой единицы, объединяющей формально взаимосвязанные единицы, глоссы, осуществляющие номинацию в пределах одного концепта [1].

Номинатемное тождество глосс можно показать на примере абброэквивалентных аббревиатур и абброморфемных квазиаббревиатур. В первом случае происходит универбализация, то есть «ситуация, когда слово, замещающее словосочетание, выступает в качестве его дублета в пределах тождества номинатемы» [4]. Например, словосочетание *дифференциальное уравнение* трансформировалось в сложносокращённое слово *диффур*, которое является функционально-семантически эквивалентным словосочетанию (*дифференциальное уравнение* и *диффур* имеют тождественное значение: «уравнение, связывающее значение производной функции с самой функцией, значениями независимой переменной, числами (параметрами)» (<http://helpiks.org/4-78149.html>)). «Между словосочетанием и его словесным эквивалентом здесь реализуются внутренние словообразовательные межглоссовые мотивационные отношения. Получившаяся лексема является наряду со словосочетанием дублетом номинатемы, включающей в свой состав оба эти компонента» [4]. У абброморфемных квазиаббревиатур вследствие псевдоунивербализации (см. выше) возникают вторичные словосочетания, которые являются глоссами той же номинатемы, что и сложносокращённое слово. Например, абброморфемная квазиаббревиатура *авиаконструктор* приобретает вторичное словосочетание *авиационный конструктор*, которое дублирует значение сложносокращённого слова: «конструктор летательных аппаратов и авиационных двигателей» (<https://wordparts.ru/crossword/129104/>).

При работе с аббревиатурной группой *евро* были отмечены случаи, когда сложносокращённое слово и формально предписываемый ему текстовый эквивалент относятся к разным номинатамам. Например, сложносокращённому слову *евроциит* формально соответствует словосочетание *европейский щит*, которое только в номинативе употребляется 2660 раз. На первый взгляд, обнаруженный эквивалент

должен приписать сложносокращённому слову статус либо абброэквивалентной аббревиатуры, либо абброморфемной квазиаббревиатуры. Но этому препятствует тот факт, что значение сложносокращённого слова не соответствует значению словосочетания: *еврощит* определяется как «вид строительного материала, изготовленного из древесины путём специальной технологии склеивания реек или брусков, применяемый для изготовления мебели или отделочных работ» (<http://otvetof.org/questions/485504>), в то время как *европейский щит* – это «название типа щитов, применявшихся западноевропейскими рыцарями с XIII по XVI век, по другим данным с XIV по XV» ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Тарч_\(европейский_щит\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тарч_(европейский_щит))). В связи с этим мы относим сложносокращённое слово *еврощит* к абброаффиксоидным квазиаббревиатурам, учитывая тот факт, что иных эквивалентов обнаружено не было. Данное явление («фиктивное» тождество аббревиатурных слов соответствующим эквивалентам, основывающееся на номинативном несоответствии глосс (формально взаимосвязанные единицы, несущие номинацию в пределах одного концепта [1])) приобретает статус **псевдоэквивалентности**, а «фиктивные» дублеты – **псевдоэквивалентов**. Анализ сложносокращённого слова *еврощит* также показал, что возможно существование не одного псевдоэквивалента, а нескольких – тогда формируется **гнездо псевдоэквивалентности**. Например, в гнездо псевдоэквивалентности сложносокращённого слова *еврощит* входит не только псевдоэквивалент *европейский щит*, но и *щит Европы*, который свидетельствует о существовании третьей номинативной единицы (*щит Европы* – человек, которого считают защитником территорий, или страна, которая защищает определённые территории).

Приведём другой пример формирования псевдоэквивалентности у абброаффиксоидных квазиаббревиатур. Псевдоэквиваленты сложносокращённого слова *евромарки* (*европейские марки*, *марки Европы*) формируют гнездо псевдоэквивалентности. Абброаффиксоидная квазиаббревиатура *евромарки* определяется как «денежные средства в немецких марках, размещённые на счетах в европейских банках за пределами Германии и используемые банками для осуществления кредитных операций» (https://complex_words.academic.ru/858/евромарки). Со словосочетаниями *европейские марки* и *марки Европы* иная ситуация, чем со словосочетанием *европейский щит*. Оба псевдоэквивалента предполагают наличие второго ономазиологического признака: *европейские марки автомобилей* (в текстах интернет-пространства является наиболее употребительным это словосочетание, в отличие от *европейские марки часов*) и *почтовые марки Европы*. Как видно из этих словосочетаний, второй признак объясняет формирование псевдоэквивалентности, что даёт возможность не уточнять значение этих словосочетаний, в отличие от псевдоэквивалентов сложносокращённого слова *еврощит*. Таким образом, можно говорить о **презентативных и интерпретативных дешифровальных стимулах** абброаффиксоидных квазиаббревиатур (см. Бровец А.И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращённого слова): презентативные – *европейский щит*, *щит Европы*, интерпретативные – *европейские марки автомобилей*, *почтовые марки Европы*.

Псевдоэквивалентность обнаруживается в сложносокращённых словах *евролиния* и *евронота*. *Евролиния* – кредитная линия в валюте европейской страны (<https://sokrasheniya.academic.ru/29927/евролиния>). Словосочетание *европейская линия* имеет несколько значений: в одном появляется второй признак – *европейская линия волос* (тонкие, но объёмные и немного пушистые волосы (<http://www.bellicapelli.ru/component/k2/item/38-evropejskaya-liniya.html>)), второе значение не предполагает никаких уточнений – *европейская линия* (политическая

направленность). Значение словосочетания *линия Европы* также является многозначным: первое значение не предполагает уточнений – это политическая направленность, другое значение предполагает второй признак – *береговая линия Европы*. Другой пример псевдоэквивалентности: *евронота* – среднесрочная кредитная бумага на европейском валютном рынке (<https://sokrasheniya.academic.ru/42773/евронота>), *европейская нота* – некая особенность чего-либо (например, «в заведении выдержана европейская нота, но при этом есть наше родное гостеприимство») (<https://www.tripadvisor.ru/>)).

Формирование гнезда псевдоэквивалентности объясняется тем, что значение базиса является многозначным: в данном случае возникает полисемия. Например, каждое из значений лексемы *линия* является ее лексико-семантическим вариантом. Являясь базисом сложносокращённого слова *евролиния*, оно реализует одно значение (первая номинатема), в словосочетании с атрибутом – другое (вторая номинатема), в композите – третье (третья номинатема).

Таким образом, опираясь на данные исследования, можно сделать такие выводы:

- 1) **псевдоэквивалентность** – это «фиктивное» тождество аббревиатурных слов соответствующим эквивалентам, основывающееся на номинатемном несоответствии глосс (см. выше);
- 2) возникновение псевдоэквивалентности позволяет рассматривать **абброаффиксоидные квазиаббревиатуры** на синхронном срезе языка;
- 3) **гнездо псевдоэквивалентности** предполагает наличие не одного псевдоэквивалента у аббревиатуры, а нескольких.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А.И. Аббревиатуры с аббревиационным конструктом «электро» / А.И. Бровец // Конкурсная работа. – 2015. – 46 с.
2. Емельянова К.Ю. Оказиональные развёртывания абброаффиксоидов в эквивалентных текстах / К.Ю. Емельянова // I Республиканская научно-практическая интернет-конференция студентов и молодых учёных «Славистика: новые имена в науке» (8 декабря 2017 г.) – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017.
3. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3 (29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13–25.
4. Теркулов В.И. Номинатема : опыт определения и описания / В. И. Теркулов / научн. редактор М. В. Пименова. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 306 с. (Серия «Знак – Сознание – Знание»). – Вып. 1.
5. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Рукопись. – 2017. – 25 с.

K.Y. Yemelyanova

NOMINATHEME DISMATCH OF COMPOUNDED-ABBREVIATED WORDS WHICH ARE FORMALLY PRESCRIBED TO EQUIVALENTS

This article is dedicated to the description of the occasions, when a compounded-abbreviated word and the text equivalent, which is formally prescribed to it, is referred to different nominathemes, which form the relations of faked equivalence. In the given work the

reasons of appearance of faked equivalence are described, and also the processes of formation of the nest of the faked equivalence are observed.

Key words: *compounded-abbreviated word, text equivalent, the nest of the equivalence, nominatheme, faked equivalence, the nest of the faked equivalence.*

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 821.161.1-1(477.6)

С.С. Нередкова, Д. Г. Епифанцев

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени В. Даля»

(Научн. рук.к. филол. н., доц. С.С. Нередкова)

ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ДОНБАССА

В статье была осуществлена попытка рассмотреть репрезентацию концепта «страх» в поэтическом дискурсе Донбасса. Были проанализированы лексические единицы вызывающие эмоцию страха, основные ядра концепта «страх», основные источники, которые вызывают эмоцию, среди которых выявлены такие: страх перед смертью, страх перед войной, страх перед неизвестностью, страх перед безысходностью, страх перед неразделенной любовью и др.

Ключевые слова: *концепт, эмоция страх, ядро концепта, картина мира.*

Чувство «страх» детерминруется не только биологическими, но и социально-общественными факторами, это чувство своеобразно отображает особенности социальной жизни. Политическая ситуация, военные действия, миграция, особенности быта – стали причинами изменения сознания социума и изменения картины мира жителей Донбасса. Именно в поэзии, через вербализацию концептов, в первую очередь отображается картина мировоззрения данного общества, а концепт «страх» является одним из доминирующих концептов в современной поэзии.

Концепт «страх» изучали такие ученые, как Ю.С. Степанов, Ю.В. Рагузова, В.З. Демьянков, З.Д. Попова, В.А. Маслова, С.Г. Воркачев, В.А. Ефремов, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, И.Ю. Никишина, Е.С. Кубрякова и др.

К сожалению, в поэтическом дискурсе авторов Донбасса концепт «страх» не был предметом отдельного исследования. В связи с этим становится **актуальным** изучение в текстах выражения данного концепта.

Цель исследования – выявить основные ядра концепта «страх» в произведениях молодых поэтов Донбасса, проанализировать языковую репрезентацию эмоции страха.

Страх – очень сильный испуг, сильная боязнь [3, с. 618].

Ученые языковеды рассматривали страх как отдельную эмоцию, которая позволяет определить влияние страха на когнитивные процессы и поведенческие акты, а также выявить особенности его взаимодействия с другими эмоциями. В каждом конкретном эпизоде текста, где имеется эмоциональное пространство страха, последнее включает один из возможных вариантов описания модели эмоциональной ситуации. Проблема отражения эмоции «страх» в художественном тексте может ограничиться только номинацией этой эмоции, а может иметь более комплексное описание, содержащее иные способы объективации этой эмоции [5].

Нами были проанализированы стихотворения молодых поэтов Донбасса (до 30 лет), которые являются членами таких литературных, литературно-музыкальных клубов и объединений: «Coffeelife» (г. Луганск), «Забой» (г. Горловка), «Донецкий Клуб Поэтов» (г. Донецк), «Вдохновение» (г. Алчевск). Всего, исходя из предпочтений писательской молодежи, для статистического анализа было выбрано 120 текстов, рассмотрев которые, мы пришли к выводу, что концепт «страх» выражен в 36 из них, что составляет 43,2%.

В поэтическом дискурсе Донбасса наряду с употреблением лексем, *страх*, *страшно*, а также словосочетаний, например: *страшная война; не страшно умирать; страшнее выжить; не страшно за себя; страшней за близких; рисовал страх*, поэты, на основе тематической и смысловой общности, образуют ассоциативный ряд актуализирующих в сознании читателя разные грани эмоций страха, целью чего является как передача собственных пережитых эмоций, так и нагнетание этих эмоций у читателя. По словам И.А. Вотяковой страх – это одна из «напряженных и неприятных эмоций, так как дает ощущение дискомфорта... главной особенностью является чувство стресса, беспокойство и неуверенность в собственной безопасности и угроза здоровью, что, как правило, сопровождается чувством потери контроля» [1, с. 179]. В поэтическом дискурсе фиксируем: *Залпы орудий и слёзы стекла / Бьются о землю кричащей рекой/ Снова невинная кровь потекла – Мать прижимает ребенка рукой... / Ни залпы пушек нас пугают / И не кремешной силы мгла/ А то, что матери рыдают / У хаты черного угла* (В. Казмин) [6].

Ученые З.Д. Попова, И.А. Стернин, опираясь на весь опыт предыдущих исследований, обозначили, что концепт описывается словами, отдельно – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Когнитивные признаки, выделенные и распределенные по полевым зонам в структуре концепта, ранжируются по степени их яркости в структуре концепта [4, с.113].

В анализируемых поэзиях основными источниками эмоции страха являются: страх перед смертью – 44,5% от общего числа стихотворений, в которых зафиксирована эмоция страха; страх перед войной (военными действиями) – 22,75%; страх перед неизбежностью – 13,75%; страх перед лишениями – 7%; страх перед реализмом (действительностью) – 3%; страх перед снами – 3%; страх перед безответной любовью – 3%; страх перед ложью – 3% (детальнее см. рис. 1.1.).

Основным ядром концепта «страх» является война, страх перед войной и военными действиями фиксируем почти у всех поэтов Донбасса, например: *День и ночь стреляют бойко / Летят мины по домам / Бьются стекла в окнах звонко / И в подвалах страшно нам // И вся улица кровью залила // А по ней всюду трупы лежат* (Л. Лазор) [6]. *Так будет он проклят / Тот грязный сапог / что горем прошел по просторам дорог / По древним столицам / По древним бульварам / Где пролита кровь / За поруганный кров / Где пролита дружбы / Горячая кровь* (В. Гринчуков) [6].

Вербально страх перед войной реализуется в оппозициях добро : зло. Зло – это все негативное плохое, разрушающее, безжизненное, по словарю С.И. Ожегова – это

«...нечто, дурное и вредное, противопоставляется добру....Беда, несчастье, неприятность» [3, с. 197], добро – положительное теплое светлое, стремящееся к жизни, «...что-то хорошее, полезное, доброе, противопоставляется злу» [3, с. 147], например: *пашня : минное поле, весна : страх, май : страх, лето : война (красно-черный цвет)*. Подобные оппозиции фиксируем в таких стихотворениях: *В этот город пришла война / Я боюсь ей смотреть в лицо // Господи Иисусе / Как же страшно / Стало минное поле, была пашня // Я не помню весны страшней / Я не помню чернее мая* (А. Ревякина) [6]; *Мой ребенок рисовал войну / Очень ярко / в красно-черном цвете // Мой ребенок рисовал свой страх / Вместо лета / как другие дети* (Е. Ромашук) [6].

Особым видом страха перед войной является страх перед боевыми орудиями, например: *Вдруг загремела канонада / Так страшно с нашей стороны / И на такие звуки ада / Слабо ответили они* (В. Даренский) [7]; *Мины свист и все застыли дружно / Словно смерть нам прокричала: "Хальт" // Крепко бутылки обняв руками / К маме прибежал домой с водой / Мама с изумлёнными глазами // Ты ж сыночек стал совсем седой* (М. Некрасовский) [6]. Как видим из примера, поэт Марк Некрасовский использует метод, который до этого придумал Г.Ф. Лавкрафт. Ядром в этом стихотворении является страх перед войной, периферией – косвенное выражения страха главного героя посредством описания седины его волос. Также периферией можно назвать отождествление войны 2014 года и Великой Отечественной 1941-1945 гг. посредством использования немецкого слова «хальт», которое имеет значение «стой».

Понятийная составляющая ядра *война* формируется из таких лексем: *мины, кровь, смерть, разруха, лишения, боль, плач, тело, ранение, сны, взрывы, развал, крах, ужас*. Также, мы зафиксировали использование таких региональных лексических единиц характеризующих ядро *война*: *ураган, град*, отметим, что для жителей Донбасса они ассоциируются с боевыми орудиями, например: *До боли сжимаю руки / В окно прогремел раскат / Сканирую кожей звуки / Гроза // "Ураганы" // "Град"?* (А. Вечкасова) [6].

С эмоцией страха пред войной тесно связан страх перед смертью. В научной статье «Концепт война в современном медиатексте» доктор филологических наук И.В. Ерофеева рассматривала множественность и вариативность объективизации концептуальной сферы «война» [2]. Автор подчеркивает, что «...противоположный коннотативный уровень войны насыщен негативной энергией распада, разрушения, ада... Мистическая лексика облегчает описания пространства страха, ничто, мрака... Образы смерти вызывают неподдельный ужас и связаны с чувством страха [2].

Страх перед смертью является одним из основных страхов, выраженных в послевоенном поэтическом дискурсе Донбасса, например: *Нынче смерти в городе привольно // Нарастает канонады грохот // Спрашивает маленькая кроха // «Мамочка / а умирать не больно? / Это словно кровь из пальца брать?»* (И. Нечипорук) [6]; *Кажется, от горя воздух звонок / Польша окутало мой край / Над убитой женщиной ребёнок горько плачет // Мамочка, вставай!* (А. Медведенко) [6]; *Это чьи ребята ноги? // Без сомненья, это Томка // После взрыва на дороге // Только ноги и воронка* (М. Некрасовский) [6]; *Старый дом разрушил шальной снаряд // Там погибли дочь моя и сынок* (А. Бениаминов) [6]; *Выхрастый хлопчик не встает / Ему июль уже не нужен / он выпил смерти до краев / до ложка мягкого из стружек / до каменеющий в слезах / отца и матери над сыном* (Ю. Беридзе) [6]; *Пушки бьют / как шаманы в бубен / Предвещая кому-то смерть* (С. Зарвовский) [6]; *Ты хочешь быть там / Я хочу, чтобы ты был здесь / Пусть это спешно / Но убьют тебя // я умру* (М. Матвеева) [6]; *Кварталы бездомных квартир / Слезятся глазами окошек / И воеет под грохот мортир*

/ Кортёж провожающих кошек (В. Дунин) [6]; Нет ни конца / ни начал / Всепоглощающей боли / А не окраине поля / Раненный ландыш молчал (И. Горбань) [6]; Люди / пережившие войну / Обозначив жизнь свою пунктиром / Каждый день у Бога просят мира / Чтобы увидеть новую весну (В. Мирошниченко) [6]; Да, мы не герои / Сидели / дрожали / Под звуки разрывов / Куда-то бежали (С. Сеничкина) [6]; Ты говоришь мне / что у вас спокойно / И выстрелы пока что не слышны / И умирать / наверное / не больно / Ты говоришь / у вас там соловьи / И степь ковыльная колышется / как море / А я читаю хроники в Сети / Тот ранен / тот убит / тот похоронен / И счастье / не успевшее войти / В мой дом / готово обернуться горем / И я твержу любимые стихи / На свете счастья нет // А есть покой и воля (Е. Заславская) [6]; А «скорая» меня не довезла / Напрасно била об асфальт колёса / В единый миг я стала безголоса / Среди руин и битого стекла / Подумайте // молчать! А что осталось?! / Не видеть мир / не трогать и не слышать / Как бисер-дождь рассыпался по крышам // Опять не повезло / какая жалость (А. Вечкасова) [6]; Я помню звон разбитого стекла / Свист мины траекторию полета / Хотелось мне бежать подобно Лоту / Смерть пощадила // рядышком прошла (А. Шталь) [6].

Нередко фиксируем оппозицию жизнь: смерть, например: Смерть витала где-то с жизнью рядом / Несся плач и стон со всех сторон / И ревели в воздухе снаряды / Заглушая колокольный звон (В. Полупан) [6]; День был такой погожий // Не умирать бы / а жить // Телом своим прохожий / Младенца успел закрыть (М. Некрасовский) [6]; Не страшно умирать, страшнее выжить / Калекой без руки или ноги // Дотла сгорают свечи-обелиски / У всех икон / чтоб не попал снаряд / Не страшно за себя / Страшней за близких / Которых боль сильнее во сто крат (Е. Ромащук) [6]; Боль потерь поглотила души / Диссонансом звучат молитвы / Слушай музыку ада! Слушай! / Только выйди живым из битвы (И. Горбань) [6]; Его звали Максим // Ему было тридцать / Меньше года / Он продержался / Недолго / Под Чернухино / Он вывозил гражданских / Его накрыло осколком (А. Долгорева) [6].

Для придания текстам большей экспрессии и эмоциональной насыщенности поэты используют тропы, метонимию, метафоры, неологизмы, персонификации, например: Из руин достаю игрушки // По кускам собирают сына // Что ж ты делаешь / **Украина?** / А в ответ // канонадой пушки / На престол возвратился **Ирод** / И **пилатствует** без разбора / И растут у нас трупов горы / Что ж ты делаешь, **Украина?**! (В. Даренский) [7]; Слышал здесь я и правду и враки / Видел здесь и **Христа** и **Иуду** / Но глаза половины собаки / Я навряд ли когда-то забуду (А. Морозов) [6]; Только будет утро, и наступит вечер / Сосчитает небо всех своих бойцов / Но уже не верим фразе «время лечит» / ведь над степью **радуга ранена свинцом** (Л. Гонтарева) [6]; А ещё лучшие застегни на все пуговицы / фатальность встречи // **Луна сутулится** / в бесцветном и бесполезном саване / Придумай меня / пожалуйста / заново (Л. Гонтарева) [6].

В редких случаях фиксируем каламбур: Останется ли время для броска / Чтобы спасти наш **мир от миротворцев** (Л. Гонтарева) [6].

Страх смерти представлен такими лексемами: смерть, умирать, руины, горе, взрыв, плач, стон, куски, ад.

Еще одним ядром концепта «страх» является *неизбежность*. По словарю Ожегова неизбежность – это что-нибудь плохое, тяжёлое: такое, что невозможно избежать, предотвратить [3, с. 334]. В поэзии фиксируем: Да в небе летит самолет / Гадаю // в кого попадет? / С тоской понимаю // бомбить // (А. Вечкасова) [6]; какая странная война / и в длинный перечень трагедий / утрат / разрух / внесет она междоусобицу соседей / Развал семей и крах надежд и нескончаемость разлуки (И. Черненко) [6];

Счастье так быстро / стремительно / взрывом / Стало звездой, что тобою открыта / Стало немым оглушающим криком / Как же о счастье мне петь / безъязыкой? (С. Сеничкина) [7]; *Нас убьют сегодня рано / Тихим утром, на рассвете // Смерть в окошко постучится / Мы спросонок ей поверим // Милой / ласковой волчице / Распахнём / как душу // двери. // Ухмыльнётся Смерть щербато / И войдёт // имён не спросит // С милосердным автоматом* (А. Товберг) [6]. В этом стихотворении для полной передачи страха автор используют оксюморон *с милосердным автоматом*, персонификацию *милой, ласковой волчице*, метафору *распахнём, как душу // двери // Это последний шаг / К спасенью? // К полной разрухе / пожалуй / Мой лучший друг / или скорее враг / Острыми копьями лжи напоследок побалуй / Последний наш танец // ни жизни / ни смерти нет! / Все отступают / видя твой грозный оскал // Из-под ключиц твоих каплями льётся свет // Я // последнее / что ты во тьме искал* (Т. Дашкевич) [7], поэт использует гиперболы *к полной разрухе*, метафоры *острыми копьями лжи напоследок побалуй*, каплями льётся свет эпитеты *грозный оскал*, оксюморон *мой лучший враг*.

Мы зафиксировали стихотворение, в котором автор сравнивает цветущий, индустриальный Ворошиловград с неведомым Кадатом – город, который описал Г.Ф. Лавкрафт: *Хребты и бездны над голодным дном / Откроют лабиринты для кого-то / Таинственный / неведомый Кадат / Индустриальный Ворошиловград* (А. Сигида) [6]. Как видим из приведенного примера, ядром страха здесь является неизбежный страх перед потерянным городом, который нельзя вернуть.

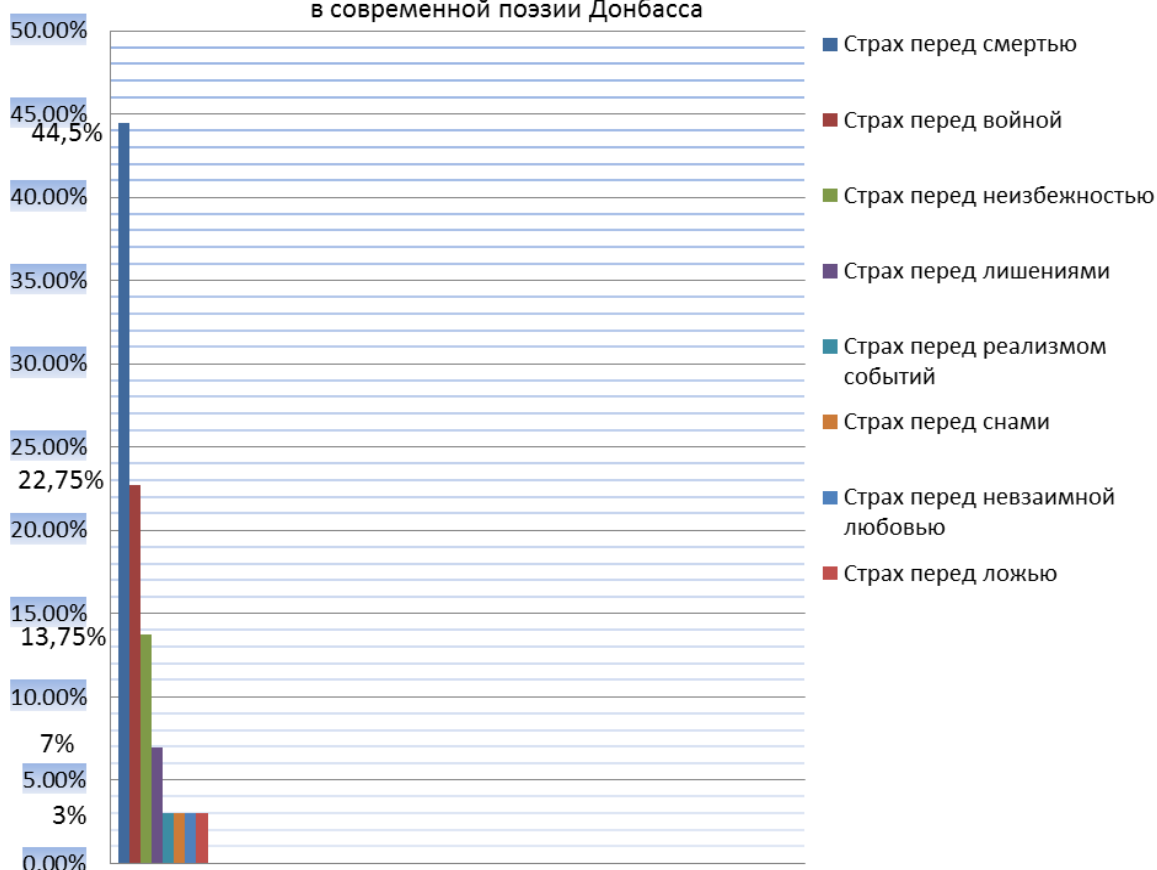
В поэтическом дискурсе Донбасса мы заметили страх перед лишениями, именно эти страхи являются ядром концепта в следующих стихотворениях: *Начинается голод // настоящий // как жив? // Облицовочной плиткой / от удушья дрожа / (пекло сделалось пыткой) в пятки входит душа* (А. Сигида) [6]; *Но снова в который раз // Обрывается связь мобильная // Остается сердечная связь* (Е. Заславская) [6]; *Небо рушилось на дома / камни брызгали алло* (А. Савенков) [6]; *Нас гонят из дома / Ракетами / минами / Блокадой / разрухой / Наветами / «сливами»* (С. Сеничкина) [6].

Сны всегда считались побегом от реальности, но автор В. Мирошниченко подчеркивает, что даже во снах люди, которые пережили войну, будут помнить все ужасные события, которые были с нею связаны. В этом стихотворении ядром выражения концепта «страх» являются сны, а война здесь отходит на периферию *А сны страшны и тяжелы // И в них упорно // Грядет безумие война // Штандартом черным* (В. Мирошниченко) [6].

Изредка, в поэзиях фиксируем эмоцию «страх» перед невзаимной любовью, отметим, что выражение подобной эмоции характерно прежде всего для женской поэзии, что объясняем гендерными особенностями, например: *любовь быть может не взаимной????? // Почему????? // Вы голову вскружили мне // Забыть я Вас, поверьте, не сумею // Наверно, пролетят года // Наверно // Вы приснились мне* (К. Кошка) [7].

На основании анализа поэзий мы выявили что концепт «страх» имеет такие характеристики: *красный, черный, горький, неизбежный, жалкий, печальный*.

Рис. 1.1. Основные ядра концепта страха, выраженные в современной поэзии Донбасса

Как видим на рис. 1.1., в поэтическом дискурсе Донбасса смысловое поле концепта «Страх» имеет такую ядерную основу: *война, смерть, неизбежность, лишения, реализм событий, сны, невзаимная любовь, ложь*.

Итак, художественные тексты воспроизводят эмоциональную жизнь людей, поэты через вербальные знаки создают эмоциональный контакт с читателем. Эмоция страха, как непроизвольная эмоция, грозящая реальными или предполагаемыми неприятностями или бедами, в произведениях молодых поэтов Донбасса в большинстве случаев выражается вербально перед войной, смертью, неизвестностью, безысходностью, обреченностью, лишениями, ложью, снами, невзаимной любовью такими лексемами: *голод, мины, кровь, разруха, смерть, боль, обреченность, безумие, холод, ложь, крах, одиночество, потеря, страдание, боязнь, удушье, пекло, таинственность, грозный, красный, черный, штандарт, ад, куски, камни, обрывается, седой, горе, звон, фатальность, трупы, воронка, копы, пыля, каменеющий, волчица, стон*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вотякова И.А. Концепт страх в русском языке / Вотякова И.А // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2014. – Вып. 4. – С. 179-180
2. Ерофеева И.В. Концепт «война в современном медиатексте: репрезентация традиционных моделей / И.В.Ерофеева – Режим доступа: <https://>

cyberleninka.ru/article/v/kontsept-voyna-v-sovremennom-mediatekste-reprezentatsiya-traditsionnyh-modeley

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 1000000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов – М.: АСТ: Мир и Образование, 2017. – 736 с.

4. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2е изд., перераб. и доп. – В.: Истоки, 2007. – С. 113-115

5. Рагузова Ю.В. «Эмоциональный концепт «Страх» и его объективизация в художественном тексте» / Материалы международной заочной научно-практической конференции «филология, искусствоведение и культурология в современном мире» – Новосибирск, 2011 г. // Рагузова Ю. В. – Режим доступа: <https://sibac.info/conf/philolog/v/27651>

6. Союз писателей ЛНР и ДНР. Выбор Донбасса / Литература народных республик. Альманах. – Луганск: Большой Донбасс, 2017. – 210 с.

7. Coffeelife «Литературная среда. Лучшее 2016-2017» // ООО «ЛМО «Мир творчества» – Режим доступа: https://vk.com/doc-129791522_456872573?dl=1b21068a1ea1130dac

D. G. Epiphantzev

THE EXPRESSION OF THE CONCEPT “FEAR” IN MODERN DONBASS’ POETRY

In the article expression of fear in the works of modern Donbass poetry is discovered. In the theoretical part of the work the research of both lexicological and stylistical connotations, as well as the investigation of the word “concept” itself. In the practical part of the work it was set up that the main fear is the fear of death, another bases of the concept “fear” are investigated according to definition of concept, made by Z. D. Popova.

Key words: *concept, classifications, fear.*

УДК 82.091

А.А. Кораблёв, Д. Н. Гатаулина

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д-р филол.н., проф. А.А. Кораблёв)*

Ф. И. ТЮТЧЕВ КАК ПОЭТ «КОСМИЧЕСКОЙ РАДОСТИ»

В статье рассматривается один из центральных мотивов поэзии Тютчева – путь к гармоничному мироощущению через принятие всех сторон бытия, осознания его целостности, родства всех элементов. Актуальность темы заключается в необходимости многоаспектного изучения поэтического наследия Тютчева, с учётом прежних подходов, не следуя какой-либо узконаправленной концепции, а стараясь обращаться к мировоззрению автора. В ходе исследования было выявлено, что в стихотворениях Тютчева объединение космического и хаотического начала, как и прочих противоположностей, способствует выстраиванию разносторонней, а, следовательно, более полной картины мира.

Ключевые слова: *гармония, целостность, хаос, порядок, человек.*

В поэзии Тютчева стремление к гармонии и согласованности жизни человека с бытием природы сочетается с постоянным ощущением непрочности мироздания в целом, и положения каждого из его элементов в частности. Лирический герой окружён «пылающей бездной», прекрасной и ужасной одновременно, но и собственный внутренний мир – закономерное продолжение внешнего – составляет для него не меньшую опасность:

В душе своей, как в бездне, погружён,
И нет извне опоры, ни предела... [16, с. 162]

В. С. Соловьёв говорит об оппозиции «хаос-космос» в лирике Тютчева, где космос представляет собой ограничение, стройную систему, а хаос – всё, находящееся за границами, сущность мира, которая не угрожает разрушить порядок, а наполняет его энергией и движением [14, с. 113]. Это два не столько противоборствующих, сколько дополняющих друг друга начала, что непостижимо с точки зрения человеческого сознания, но существует как основа устройства мира:

И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнаёт наследье родовое [16, с. 162].

Символисты видели в Тютчеве прежде всего поэта «мирового хаоса», того, кто признаёт главенство стихийного, не подвластного воле человека. Согласно этой концепции, Тютчев ещё испытывает страх перед непознанным и грозными силами природы [12, с. 111]. Но, скорее всего, первоначальный ужас перед вдруг открывшейся беспредельностью не остаётся чем-то постоянным. Он продолжается поисками смутно знакомого, и даже отчасти родственного человеку, ведь здесь – его истоки и тайна происхождения:

О страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой! [16, с. 119]

А. Белый отмечает: «Художник не хочет видеть окружающего, потому что в душе его поёт голос вечного, но голос – без слова, он – хаос души» [4, с. 387]. Он настаивает на отречении Тютчева от реальности в пользу создания собственного мира. возражением против подобного одностороннего взгляда будет утверждение, что Тютчев старается рассмотреть отражение вечности в повседневности, в едином миге откровения – истину, приходящую как внезапное просветление и разрушение прежнего строя мыслей: «Есть слова, которые мы всю нашу жизнь употребляем, не понимая... и вдруг поймём..., и в одном слове, как в провале, как в пропасти, всё обрушиться» [15].

Каждое явление в произведениях Тютчева порождает свою противоположность, притом оба состояния принадлежат одной системе и взаимозависимы [5, с. 434]. Контрастное сопоставление вещей позволяет обнаружить их существенные черты и увидеть ранее пугающее частью бытия. Сам принцип постоянного раздвоения, единства противоположностей у Тютчева перекликается с натурфилософией Ф. Шеллинга и романтической традицией [2, с. 28]. По замечанию К. Г. Исупова, система образов Тютчева «не монолитный континент романтизма, но архипелаг различных культур: антично-ренессансная аллегорика, барокко, классицизм, сентиментализм – вплоть до неоромантической символики и импрессионизма» [6, с. 11]. То есть, поэт сопоставляет в своём мировоззрении различные точки зрения на искусство, место человека во Вселенной и его взаимоотношения с природой, на способы познания. Тютчев не занят установлением границ во имя определённой концепции – он ищет объединяющее начало в каждом случае столкновения противоположных сил:

Певучесть есть в морских волнах
Гармония в стихийных спорах... [16, с. 220].

Р. Грэгг отрицает распространённую теорию о «лирическом фрагменте» у Тютчева, указывая на абсолютную структурную завершённость его стихотворений [8]. В этом поэт продолжает традиции Классицизма, стремление увидеть мир как целостную картину, где любой элемент находится на своём месте, что не всегда может быть объяснимо, но является законом мировой гармонии.

Согласно Аристотелю, гармония представляет собой соотношение частей в целом и обязательное присутствие противоположностей [9, с. 57]. Там, где присутствует какой-то предмет, всегда есть по крайней мере два разных представления о нём. Красота бытия может проявляться бесконечным количеством форм и их сочетаний, и в этом заключается гармония жизни – во множественности вариантов [13, с. 205]. И каждый раз рождается новая возможность ощутить случайное мгновение как отрезок из вечного течения времени, неотъемлемую часть устройства мира:

Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту?.. [16, с. 129]

Притом понятие о гармонии может толковаться и в качестве изначального и неизблемого состояния мира в сознании человека, и в виде «прекрасного мгновения», ощущения полноты бытия и приобщения к нему, определённый момент в настоящем, преходящем существовании [13, с. 206].

Тютчев исходит из непосредственного впечатления о мире, передаёт целостность предмета, потому его стихотворения, по мнению И. С. Аксакова, характеризуются краткостью, простотой и точностью [12, с. 28]. Поэт улавливает в мимолётном, в некотором лирическом настроении отражение вечности:

Мотылька полёт незримый
Слышен в воздухе ночном.
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всём!.. [16, с. 127]

Тематика полного слияния со всем окружающим постоянно присутствует у Тютчева как обращённость человека к своим истокам. Растворение в природе – это и часть восточной философии, присущей русскому человеку, который знает, что его жизнь скоротечна и положение в мире слишком ненадёжно, и ощущение родства со всем сущим, знание о себе как о части чего-то более значимого:

Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, -
Сольются с бездной роковой!.. [16, с. 173]

Образы бездны, хаоса, ночи на первый взгляд предстают только отрицательными величинами, угрожающими «отрадной» дневной стороне. Есть «пропасть тёмная», источник постоянных страхов человека, беспредельность и неизвестность, и единственная защита от неё – «покров, накинутый над бездной», то есть, светлое время суток, когда всё вокруг предстаёт знакомым и близким. С другой стороны, человек, проходя испытание этой тёмной стороной, сталкиваясь с ней лицом к лицу, переходя установленные границы, внезапно ощущает себя частью и прежде враждебного:

И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнаёт наследье родовое [16, с. 162].

Момент «узнавания» личностью себя в стихийном, непонятном сталкивается с ощущением той же «бездны» и в собственной душе, где «нет извне опоры, ни предела...». Человеку открывается не сама тайна, каким образом его существование связано с бытием всего мира, но знание о том, что эта тайна есть. Постигание устройства мироздания равносильно познанию собственной души. Загадка внутренней жизни личности находится именно в «ночной» стороне бытия [7, с. 165]. Это время тишины и созерцания, когда человеку может открыться тайное знание, ведь искусственно возведённые границы, «покров златотканый» и отвлекающий «наружный шум» с приходом ночи устраниаются:

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами –
Вот отчего нам ночь страшна! [16, с. 146]

Тематика взаимоотношений космического и человеческого, общего и личного у Тютчева связана с их постоянным противопоставлением, и одновременно с поиском пути снятия этих противоречий [17]. С другой стороны, поэт видит, что истинное знание и раскрытие всех тайн ждёт человека только за порогом его земного существования, за «последней чертой». Смерть здесь синонимична наступлению ночи и области хаоса, то есть, переходу в область совершенной неизвестности, где нет и не может быть «я» в его привычном понимании. В то же время, окончание земного пути означает переход в новое состояние – полного единения с изначальным:

Поочерёдно всех своих детей,
Свершающих свой облик бесполезный,
Он равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной [16, с. 261].

В лирике Тютчева место неожиданного события, приводящего к крушению тщательно выстроенного мира, занимает уверенность в изначальной хрупкости этого замысла, по крайней мере – в ненадёжности его элементов. Постоянство катастрофического мироощущения здесь связано с сознанием трагичности самой жизни, неизбежного чередования расцвета и увядания:

Пройдёт оно, как всё прошло,
И канет в тёмное жерло
За годом год [16, с. 129]

Из-за частого присутствия мотивов смерти, уничтожения, хрупкости человеческого бытия, существует также мнение, что Тютчев – поэт абсолютно трагический, воспринимающий жизнь только как череду утрат, и «ему не дано было умение смотреть на витальное пространство поверх своей гибели и славить Жизнь» [11, с. 79]. Так обычно противопоставляется поэтический мир Пушкина – гармоничный и полный душевного покоя, и тютчевский, где царит тревожность, а счастье видится автору лишь в прошлом, уже давно пережитом и навсегда ушедшем. Признавая постоянство печального настроения лирики Тютчева, всё же отметим: драматизм ситуации и знание о неизбежности конца не отменяет значимость моментов радости, ощущения вечного обновления и ценности жизни:

Но подо льдистою корой
Ещё есть жизнь, ещё есть ропот –
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шёпот [16, с. 118].

По словам Ю. Н. Чумакова, в стихотворениях Тютчева раскрывается катастрофический мир любви [14, с. 165]. Космос всегда находится на грани гибели, в

его границах происходят столкновения многих непримиримых сил. Так и в человеческой душе развёртывается непрекращающаяся борьба противопоставленных элементов:

Он к свету рвётся из ночной тени,

И, свет обретши, ропщет и бунтует [16, с. 179].

И. Гёте считал, что искусство должно взывать к целому человеку, другими словами, и к чувственному, и к рациональному началу [3]. И только поэзия могла бы рассказать о тайнах, которые невыразимы в прозе и обыденной речи, потому как заключены в противоречиях. В поэтическом творчестве не ставится цель дать общее единое для большинства случаев определение предмета, в нём собирается множество дополняющих друг друга заключений, и их количество не поддаётся исчислению. Чем больше приведено определений, тем точнее описание явления. С другой стороны, простое многословие лишает предмет обсуждения его настоящей ценности, потому слово должно существовать в таком контексте, где оно наиболее полно реализует свой смысловой потенциал и найдёт себе отклик:

Скажи заветное он слово –

И миром новым естество

Всегда откликнуться готово

На голос родственный его [16, с. 151].

Слово поэта направлено на поиск взаимопонимания с каждым из числа потенциальных читателей. Это стремление видеть целостность мироздания, не отрекаясь от собственного «я», а находя в себе родство всем прочим элементам Универсума [1]. Стремление понять «другого», как и обнаружить своё родство с космическими силами, соотносится с желанием познать и самого себя, тайны собственной души. Временное отречение от своего «я», растворение в стихийном позволяет прочувствовать гармоничное устройство мира, его всеобщий настрой:

Чувства – мглой самозабвенья

Переполни через край!...

Дай вкусить уничтоженья,

С миром дремлющим смешай! [16, с.127]

Справедливо, на наш взгляд, замечание, что лирический герой Тютчева, в отличие от авторов романтического направления, хотел бы отринуть собственное «я», а не людей и окружающий мир [18, с. 80]. Главная опасность для личности таится в ней самой, в замкнутости на себе, невозможности целиком отдаться течению жизни, постичь бытие ближнего, природы и всего Космоса. Человек занят прежде всего переживанием конечности своего существования, и видит с этой точки зрения мир враждебным и полным опасностей, отчего приходится всегда быть в крайнем напряжении душевных сил, борясь и с собой, и с непостижимой волей судьбы:

О вещая душа моя!

О, сердце, полное тревоги,

О как ты бьёшься на пороге

Как бы двойного бытия!.. [16, с.192].

Человек, однако, не полностью беззащитен: как часть космического и вечного, он наделён и необходимой энергией для противостояния. В. Шубарт пишет, что русский человек – метафизический оптимист, ведь он чувствует свою защищённость, доверяя силе взаимосвязей в мире [19, с. 87]. Уверенность в единстве всех явлений жизни позволяет личности воспринимать каждый момент своего существования привязанным к вечности.

Поэт уже следующего столетия, О. Э. Мандельштам, замечает: «...Тютчев, то есть, источник космической радости, податель сильного и стройного мироощущения, мыслящий тростник и покров, накиннутый над бездной» [10]. В этой фразе концентрируются все существенные черты восприятия мира, которые мы обнаруживаем в поэзии Тютчева: он смотрит на устройство Вселенной, которое заключает в себе величественную тайну, каждый раз изумляясь, насколько все её элементы взаимосвязаны и родственны друг другу.

В стихотворениях Тютчева противопоставленные силы составляют единое целое, потому что они не взаимоисключают друг друга, а только подчёркивают разнообразие мира. Хаотическое начало явлений становится такой же данностью, как и космический порядок. Поэт, погружаясь в созерцание и желая воспринимать мир во всей его полноте, не отвергает ни одной стороны бытия, хотя и признаёт несовершенство человеческого сознания в постижении тайн мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, В. И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В. А. Жуковского к К. К. Случевскому : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.01.01. / В. И. Абрамова. – М., 2007. – 233 с.
2. Балоян, М. А. Натурфилософия Шеллинга в поэзии Тютчева / М. А. Балоян // Международная научная конференция, посвященная 200 - летию со дня рождения Ф. И. Тютчева (22 – 23 октября 2003 г.). Тезисы докладов. – Ереван : Лингва, 2003. – С. 28 - 30.
3. Басин, Е. Я. Немецкая классическая эстетика. И. В. Гёте // Искусство и коммуникация: очерки из истории философско-эстетической мысли / Басин Е. – М. : МОНФ, 2012. – 240 с. (Серия «Учебная литература, выпуск 6).
4. Белый, А., Символизм как миропонимание / А. Белый; Сост. вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай – М.: Республика, 1994. – 528 с.
5. Вайман, С. Т. Тютчевское // Неевклидова поэтика: работы разных лет. / Вайман Семён Теодорович. – М. : «Наука», 2001. – 479 с.
6. Исупов, К. Г. Ф. И. Тютчев : поэтическая онтология и эстетика истории / К. Г. Исупов // Ф. И. Тютчев : pro et contra ; сост., вступ. статья и коммент. К. Г. Исупова. – СПб. : РХГИ, 2005. – 10 37 с.
7. Калашникова, А. Л. «Душевный микрокосм» в художественном мире Ф. И. Тютчева: и «Silentium!» «Душа моя, Элизиум теней...» / А. Л. Калашникова // Вестник КемГУ. – 2012. - №1 (49). – С. 163 - 167.
8. Лейбов, Р. Г. Проблема лирического жанра Тютчева : рецепция и прагматика [Электронный ресурс] // «Лирический фрагмент» Тютчева : жанр и контекст. / Лейбов Роман Григорьевич – Тарту, 2000. <http://www.ruthenia.ru/document/533834.html>
9. Лосев, А. Ф. Гармония и душа // История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. / Лосев Александр Фёдорович. – М. : Искусство, 1994. – 7 т.
10. Мандельштам, О. Э. Эрфуртская программа [Электронный ресурс] // Шум времени. – Мемуарная проза. Письма. Записная книжка. / Мандельштам Осип Эмильевич. — М.: Вагриус, 2006. — 320 с. — (Мой 20 век). <https://www.twirpx.com/file/1161954/>
11. Проданик, Н. В. Лирика Ф. И. Тютчева: экзистенциальная позиция лирического героя и авторский диалог с поэтами пушкинской поры / Н. В. Проданик //

Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. №1 (14). – С. 79 - 82.

12. Сарычева, К. В. Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х–1900-х : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.01.01. / К. В. Сарычева. – Тарту, 2016. – 173 с.

13. Саяпова, А. М. Художественная система Ф. И. Тютчева как тип резонансных отношений с лирикой Г. Гейне / А. М. Саяпова // Филология и культура. – 2014. - №1. С. 204 - 207.

14. Соловьёв, В. С. Ф. И. Тютчев // Философия искусства и литературная критика. / Соловьёв Владимир Сергеевич. – М. : Современник, 1990. – 121 с.

15. Тютчев, Ф. И. Письма // Стихотворения; Письма / Тютчев Фёдор Иванович. - М : Гослитиздат, 1957. – 625 с.

16. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев ; Вступ. ст. Н. Я. Берковского ; Сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. — Л. : Сов. писатель, 1987. — 448 с. : ил. — (Б-ка поэта. Большая серия).

17. Чумаков, Ю. Н. Гений русской безличности / Ю. Н. Чумаков // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2012. – Вып. 4. – С. 159 - 166.

18. Чумаков, Ю. Н. Точка, распространяющаяся на всё: Тютчев // Пушкин. Тютчев: опыт имманентных рассмотрений. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 416 с.

19. Шубарт, В. Изначальный страх и изначальное доверие // Европа и душа Востока ; Пер. с нем. З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. / Шубарт Вильгельм. – М. : Рус. идея, 1997. – 448 с.

D. N. Gataullina

F. I. TYUTCHEV AS A POET OF COSMIC JOY

The article discusses one of the central motifs of the poetry of Tyutchev – the path to a harmonious worldview through the adoption of all sides of existence, the awareness of its integrity of relationship of all the elements. The relevance of the topic is the need for a multifaceted study of the poetic heritage of Tyutchev, taking into account previous approaches, not following any narrowly focused concept, and trying to turn to the author's worldview. The study revealed that in Tyutchev's poems the Union of cosmic and chaotic origin, as well as other opposites, contributes to the formation of a versatile, and therefore a more complete picture of the world.

Key words: *harmony, integrity, chaos, order, man.*

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА

В статье рассматривается природа жанровой специфики произведения Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника», выявляются жанровые, стилевые и композиционные особенности произведения. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью произведения, а также его важной ролью в литературном процессе России последней трети XVIII века. В ходе исследования была определена природа жанрового синкретизма «Писем...», а также роль произведения в дальнейшем становлении русской прозы.

Ключевые слова: *литературный процесс, проза, эпос, роман, синтез жанров, стиль.*

Известно, что литературный процесс последней трети XVIII века стал качественно новым периодом в развитии русской литературы и ознаменовался торжеством такого направления в искусстве как сентиментализм. Сентиментализм – художественное направление, исповедующее культ чувствительности, утвердившийся в последней трети XVIII в.

Этимология слова восходит к французскому [*<sentimental* чувствительный]. Надежды на возможности разума корректируются в нём упованиями на чувство, чувствительность. Чувство, согласно эстетике сентиментализма, не противостоит разуму, но дополняет его. Как и разум, способность к чувствительности является врождённой для человека: природа дала ему и то, и другое. Как и разум, чувство противится предрассудкам неправильно устроенного общества – политическим, религиозным, сословным.

Сентиментализм, как известно, связывают с критикой равнодушного общества, часто пренебрегающего нравственными ценностями, с прославлением частного, семейного, идиллического быта, утверждением достоинства простой жизни. Чувствительность как особая восприимчивость к тончайшим движениям души и способность сострадать возведена этим художественным направлением в нравственный и эстетический принцип. При этом поступать правильно человека побуждает не долг, как это было в эстетике классицизма, а веление сердца. Счастье же состоит в том, чтобы следовать такому велению, тяге к добродетели. Сентиментализм уходит от изображения величественных потрясений в среде власть предержащих к будничному быту простых людей. Именно такие люди предстают «чувствующими», становятся средоточием лучших, природных качеств, от рождения заложенных в их сердце. Акцентируется в сентиментализме естественное – таковым является внешний мир природы, и внутренний мир человеческой души, которые созвучны и сопричастны друг другу.

Закономерно, возникает интерес к новым жанрам: стремление личного индивидуального начала утвердиться в творческом процессе побудило авторов обратиться к жанрам, в основу которых положена установка на излияние чувств – таких как песня, идиллия, элегия, повесть. Как следствие, художественную ценность приобретают ранее игнорируемые классицистическим искусством душевные

переживания, вызванные простыми радостями человеческой жизни: созерцанием природы, дружбой, чувством привязанности и любви.

Главными акцентами становятся: личность и общество, человек и природа, человек и искусство. Очень важной особенностью литературного процесса конца XVIII века является разрушение сложившейся системы жанров, разрушение риторического слова. Автор же больше не переводчик «вечных истин», он - творец новой действительности.

Как видно, сентиментализм повлѣк за собой существенные изменения в художественном сознании. Однако процесс перехода к новому художественному методу был постепенным. Произведением, отражающим особенности данного периода, являются «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина. В силу этапного характера, «Письма...» отличаются сложностью и многообразием. Исследовательский интерес к данному произведению обусловлен, прежде всего, тем, что оно не только наглядно демонстрирует особенности литературного процесса последней трети XVIII века, но также открывает перспективы для дальнейшего развития, как лирики, так и эпоса в русской литературе.

Важной особенностью «Писем русского путешественника» является совмещение эпистолярного жанра с традицией путешествия. Обе они связаны с личными переживаниями главного героя, акцентируют внимание на частной жизни и способствуют развитию личностного начала в литературе. Эпистолярный жанр, как известно, всегда придаѣт «интимность», связан с чувствами и переживаниями личности, что усиливает лирический компонент, а путешествие, положенное в основу сюжета, отвечает за эпический пласт повествования.

Существенно, что в «Письмах...» автор по-новому открывает для русского читателя жанр путешествия. Если в древнерусской литературе и повестях времѣн Петра I оно осуществлялось как паломничество, либо имело практические цели, то Карамзин смещает акцент в пользу личностного саморазвития и познания героем самого себя. Известно, что при написании романа Н.М. Карамзин обратился к опыту английского писателя Лоренса Стерна, которого неоднократно вспоминает в самих «Письмах...». Тем не менее, основа для творческого эксперимента Карамзина была и в русской литературе.

Существенно, что жанр путешествия был знаком русскому читателю, проявившись ещѣ в фольклоре. Напомним, что для нашей культуры привычна традиция хождения, однако оно неразрывно связано с мощнейшим влиянием на литературу церкви.

Во время правления Петра I меняется психологическое восприятие процесса путешествия, добавляются просветительские мотивы - странствие с целью получения образования. Однако в творческой деятельности Карамзина исключительно важное место занимало осмысление и восприятие путешествия, как самоцели, как пути личности к самой себе.

Следует заметить, что предшественником Н.М. Карамзина в русской литературе был В.К. Тредиаковский с переводным романом П. Тальмана «Езда в остров Любви». В данном произведении внимание также акцентируется на чувствах и личности главного героя, однако В.К. Тредиаковский лишь закладывает фундамент для дальнейшего развития личностного начала. Если у него путешествие носит аллегорический характер, а чувства часто выражены готовыми словесными конструкциями, основанными на заимствовании, то герой Карамзина изображѣн глубже, подчѣркивается его индивидуальность: речь героя выражает чувства частного

человека, а изменение реальных временных и пространственных координат соответствует эпическому жанру.

На путешествие в целях саморазвития и поиска душевной гармонии писатель указывает прямо в тексте: «Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!» [8, с.77]. Следует особо подчеркнуть большую популярность «Писем...» у широкого круга читателей. Эта популярность была обусловлена не только высокой степенью информативности текста, но и необычайной открытостью чувств героя, его наивностью. Привлекал «восторг» открытий, увиденное проходило «через призму автора». И это обстоятельство определяло значимость произведения в глазах читателя.

Н.М. Карамзин имел собственный подход к описанию действительности: писатель призывает «не выдумывать, а примечать и описывать», стараясь охватить её во всём многообразии чувств и быта изображаемых героев. Автор хорошо осознавал свою задачу – развитие прозы, в частности, романного жанра в русской литературе. Н. Карамзин, как известно, призывал наблюдать и описывать реальную жизнь, которая «проходит, по большей части, на высоких чердаках, в тесном уголке, в неизвестности... Вот обширное поле, на котором можно собрать тысячу любопытных анекдотов...».

Однако, несмотря на все попытки писателя максимально охватить действительность, ему не удалось до конца реализовать одно требование – «не выдумывать, а описывать и примечать». Автор осознаёт эту необходимость, но реализовать данное требование в определённой степени, Н.М. Карамзину не удалось. Весь событийный ряд, прежде всего, пропущен через призму души «уединённого искателя». Для романа же, как убеждён сам писатель, необходим коллективный опыт. Так, заметно, что сильно развитая лирическая доминанта, акцент на душевных переживаниях главного героя и его полная погружённость в себя не дали писателю реализовать замысел написать роман: лирический пласт произведения перекрывает собой эпический, что для романного жанра является непреодолимым. Таким образом, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина – многоплановое этапное произведение, включающее в себя возможности для дальнейшего развития разных жанров.

Особого внимания заслуживает стиль повествования. Напомним, что «Письма русского путешественника» необычны в жанровом и композиционном плане, а также сложен сам образ рассказчика, изображённый в «Письмах...». М.Ю. Лотман замечает: «Образ повествователя в «Письмах русского путешественника» очень сложен: он распадается на целую гамму отличных друг от друга и порой взаимоисключающих проявлений. В целом ряде эпизодов это — чувствительный юноша..., - однако, как добавляет автор, - из-за плеча повествователя показывалось лицо модника и щеголя, дамского вздыхателя, любителя щегольнуть французским словом или знанием светских обычаев» [12, с.17].

В жанровом отношении «Письма русского путешественника» - сложное произведение, вбирающее в себя различные традиции. Жанровый синтез является основной особенностью произведения и обуславливает исследовательский интерес к его изучению. На основе этого синтеза «травелога» и эпистолярия выделяют три пласта повествования:

1).эмоционально-выразительный: «Отчего сердце моё страдает иногда без всякой известной мне причины? Отчего свет помрачается в глазах моих, тогда как лучезарное

солнце сияет на небе? Как изъяснить сии жестокие меланхолические припадки, в которых вся душа моя сжимается и хладеет? Неужели сия тоска есть предчувствие отдалённых бедствий? Неужели она есть не что иное, как задаток тех горестей, которыми судьба намерена посетить меня в будущем?...» [8; с.339]),

2).очерковый: «Кенигсберг, столица Пруссии, есть один из больших городов в Европе, будучи в окружности около пятнадцати верст. Некогда был он в числе славных ганзейских городов. И ныне коммерция его довольно важна. Река Прегель, на которой он лежит, хотя не шире 150 или 160 футов, однако ж так глубока, что большие купеческие суда могут ходить по ней. Домов считается около 4000, а жителей 40 000 – как мало по величине города! Но теперь он кажется многолюдным, потому что множество людей собралось сюда на ярманку, которая начнётся с завтрашнего дня» [8; с. 46]),

3).Аналитико – публицистический: «Говорить ли о французской революции?...Можно ли было ожидать таких сцен в наше время от зефирных французов, которые славились своею любезностию и пели с восторгом от Кале до Марсели, от Порпиньяна до Стразбурга ...История не кончилась, но по сие время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона» [8;с. 320].

Таким образом, логично сделать следующие выводы: во - первых, «Письма...» явились своеобразной «лабораторией», в которой создавался новый тип произведения (сентиментальный стиль, новый герой, совмещение различных форм произведения).

Во-вторых, автор «Писем...» стремился создать жанр романа. Вспомним, что Н.М. Карамзин призывал «не выдумывать, а примечать и описывать...». Но эта попытка в силу многих причин не была реализована до конца.

В-третьих, «Письма русского путешественника» отделяет от романа то, что объективность повествовательного эпоса не смогла преодолеть лиризм и субъективизм, которые навсегда остались творческой манерой Карамзина - сентименталиста. Однако, открытия, сделанные Н.М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника», несомненны.

В-четвёртых, в «Письмах русского путешественника» реально осуществился переход от фиксации увиденного (поездка) к жанру путешествия, который предполагает особое душевное состояние путешественника, дающего ему возможность вызвать у читателя способность стать очевидцем, сопереживать, искать смысл в мелькающих деталях и ... жизни.

В-пятых, Писатель начал качественно новую сентиментальную линию в русской литературе, двигаясь в разных направлениях и используя все имеющиеся возможности. Именно в «Письмах русского путешественника» в полной мере отразилась тенденция поисков писателем новых путей для развития русской прозы. Карамзин экспериментировал с жанром, стилем, с манерой повествования, пробовал новое, искал разнообразные пути движения русской литературы. Данные искания автора нашли отражение в структуре произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А.К. О Крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: НЛЮ, 2006.
2. Гладкова О.В. Хождение / О.В. Гладкова // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – С. 1168-1169.
3. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах. М., 1978.
4. Гуминский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: Дис...канд.филолог.наук. –М., 1979. –184с.

5. Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С.314-315.
6. Загидулина Т.А. Трансформация путевых жанров в России. Древнерусская литература, литература Нового времени. Центр-периферия
7. Канунова Ф.З. Карамзин и Стерн / Ф.З. Канунова // Русская литература XVIII века и её международные связи. – Л.: Наука, 1975. – С. 258-264.
8. Карамзин Н.М. «Письма русского путешественника. // Н.М. Карамзин Письма русского путешественника Л.: Наука, 1987. С – 338.
9. Кочеткова Н.Д. Карамзин Николай Михайлович / Н.Д. Кочеткова / Русские писатели XIX в. Библиографический словарь. Ч1. -- М.: Просвещение, 1996. – С. 314-323.
10. Кулакова Л.И. Эстетические взгляды Н.М. Карамзина // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. – М. – Л., 1964. – С. 146-175.
11. Кусков В.В. История древнерусской литературы. –М.: Высшая школа, 2002. – 336с.
12. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987.—336с.
13. Методические указания к изучению «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина в курсе истории русской литературы XVIII века. – Могилев, 1997. – С.3-12.
14. Павлович С.Э. Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII в. Издательство Саратовского университета, 1974. – 223с.
15. Панофски Герда «Н. Карамзин в Германии. Вымыслы и факты»./ Герда Панофски . – 2010.
16. Пауткин А.А. Хождение за три моря / А.А. Пауткин // Энциклопедия мировой литературы. – СПб.: Невская книга, 2000. –С. 531.
17. Прокофьев Н.И Литература путешествий XVI-XVII веков // Записки русских путешественников XVI-XVII вв. М., 1988. – С. 5-20.
18. Прокофьев Н.И. Хождение: путешествие и литературный жанр // Книга хождений. Записки русских путешественников XI-XV вв. М., 1984. – С.5-20.
19. Романова. Е.И. Любовь и самосознание личности в русской литературе. Монография./ Е.И. Романова. – Днепрпетровский нац.ун-т им.О.Гончара. – Д.: Нов.идеология, 2012. – 286 с.
20. Сентиментализм. Николай Михайлович Карамзин (1766-1826) // Энциклопедия для детей. Т9. Русская литература. Ч1. От былин и летописей до классики XIX в. – М.: Аванта+, -- С. 285-296.
21. Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». – СПб, 1889
22. Фёдоров В.И. Письма русского путешественника / В.И. Фёдоров // Энциклопедия Мировой литературы /под ред. С.В. Стахарского. – СПб: Невская книга, 2000. – С.367.
23. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории / В.А. Шачкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2008. –2008. - №3. –С. 277-281.
24. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840, СПб.: Академический проект, 2004. – 272с.
25. Юган Н.Л. Художественная интерпретация характера в творчестве Н.М. Карамзина: от «Писем русского путешественника» к «Чувствительному и холодному» / Н.Л. Юган // Гуманітарні науки. –2007. - № 2. –С.172-178.

THE GENRE SPECIFICITY OF "THE LETTERS OF THE RUSSIAN TRAVELER" BY N.M. KARAMZIN

In the given article it is researched the nature of the genre specificity of the work of N.M. Karamzin "The Letters of the Russian Traveler", it is revealed the genre, style and composition features of the work under consideration. The relevance of the study is substantiated by the insufficient scrutiny of the work and its important role in the literary process of Russia in the last third of the 18th century. In the course of the study it was determined the nature of the genre syncretism of "The Letters ...", as well as the role of the work in the future formation of Russian prose.

Key words: *literary process, prose, epos, novel, synthesis of genres, style.*

УДК 82.0

Е.Н. Красикова

ГОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., доц. Э.П. Лаврик)

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА, ОПИСЫВАЮЩАЯ ПРИРОДУ КРЫМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ О КРЫМЕ)

В статье рассматриваются колоративная лексика в поэтических произведениях о природе Крыма. Автор анализирует 200 стихотворений и выделяет поля и микрополя 6 основных цветов. В ходе исследования были классифицированы цветообозначения по тематическим зонам. Актуальность темы является бесспорной ещё и потому, что данная работа даёт возможность не только определить особенности цветовой картины мира в поэзии о Крыме, но также и углубить существующее представление о колоративной лексике.

Ключевые слова: колоративная лексика, поэзия о Крыме, цветопись, поле цвета, цветообозначений

Колоративная лексика, описывающая природу в поэзии о Крыме в русском языке образует лексико-семантическое поле цвета. Цветообозначения поля могут быть рассмотрены в различных аспектах: формальном, функциональном, семантическом и т.д. Колоративная лексика претерпевает постоянное развитие и изменения в языке.

Результатом семантического развития цветковых слов явилось сосуществование в языке их прямых, переносных и символических значений, что активно использовалось и используется в различных видах словесного художественного творчества. В конструировании мира художественного произведения существенную роль играет подбор цветообозначений и их использование, так как характер функционирования цветковых слов в произведении отражает своеобразие стиля автора, его творческую индивидуальность и неповторимость видения мира. Поэтому не случайно усилия многих исследователей художественной речи направлены на изучение цветового видения мира писателей.

Цветопись активно используется во всех жанрах литературы как яркое и многофункциональное изобразительное средство, но по смысловой сгущенности и эмоциональной насыщенности даже в минимальном контексте главное место занимает поэзия.

Наш исследовательский интерес особенно привлекает поэзия о Крыме, данное направление заинтересовало ученых сравнительно недавно, однако отдельных работ связанных с проблемой изучения колоративная лексики, как нам известно, пока ещё нет, хотя поэзия даёт богатейший и разнообразнейший материал для исследования.

Путём сплошной выборки мы проанализировали 200 стихотворений о Крыме, в 110 из них содержалась колорированная лексика. Мы выявили состав и структуру поля цвета в поэзии о Крыме. Оно включает 356 цветообозначения и состоит из 6 микрополей (синий, зеленый, белый, золотой, черный, красный). Из ряда хроматических цветов доминантами микрополей являются цветообозначения синий, зелёный, так как обладают важнейшим признаком доминантных лексем — невозможностью определения их лексического значения через другие цветообозначения. Их словарная дефиниция имеет схему: «имеющий окраску одного из основных цветов спектра...» + «похожий цветом на...» (ср.: «Зелёный — имеющий окраску одного из основных цветов спектра, цвета травы»; «Синий — имеющий окраску одного из основных цветов спектра, цвета синьки»).

Особенностью поэзии о Крыме является то, что в его поле цвета, в отличие от общеязыкового, в котором доминирует прилагательное синий, наиболее активной и частотной является колорема голубой. Цветообозначение голубой образует собственный словообразовательный ряд (голубой — небесно-голубой, голубоватый), а также включается в словарную дефиницию цветообозначения синий и является самой употребительной колоремой в лирике о Крыме. Поэтому мы можем включить это цветообозначение в микрополе голубого цвета в качестве доминанты.

Кроме того, в лексико-семантическом поле цвета русского языка выделяется ещё одно микрополе, члены которого объединяются вокруг колоремы зеленый, которая обладает всеми релевантными признаками доминантных лексем.

Среди слов, обозначающих ахроматические цвета, семантическим критериям, предъявляемым доминантным лексемам, удовлетворяют слова белый и чёрный («Белый — цвета снега, молока или мела»; «Чёрный — цвета сажи, угля»).

Выделяется ещё одно микрополе с доминантой серый. Хотя данное цветообозначение и не удовлетворяет основным требованиям, предъявляемым к доминантным лексемам («Серый — цвет, получающийся при смешении чёрного с белым, цвет пепла»), но вокруг него группируется ряд синонимов, составляющих микрополе с доминантой серый (серый — седой, пепельный).

Таким образом, вокруг лексем синий, зелёный, голубой, белый, группируются микрополя, периферийные члены которых толкуются через соответствующие ядерные лексемы и имеют дополнительные уточняющие (конкретизирующие) семы.

Мы выявили количество оттенков в каждом микрополе. Самым объёмным является **микрополе синего цвета**. Оно включает 51 цветообозначений. Доминанта — синий (19). Ближняя периферия: голубой (12), лазурный (8). Дальняя периферия: бирюзовый (5), васильковый (4) и лиловый (3).

Микрополе **зелёного цвета** включает 34 цветообозначений и 2 оттенка. Доминанта — зелёный (23). Периферия: изумрудный (4), бирюзовый (7).

Микрополе серебряного цвета является частью микрополя **белого цвета**. Оно содержит 15 цветообозначений и 3 оттенка (серебряный — серебристый, белоснежный). Периферия: мраморный (4), снежный (4), белоснежный (2), снеговой (1), молочный (1).

Микрополе **золотого цвета** включает 12 цветообозначений и 3 оттенка. Доминанта — золотой (10). Периферия: жёлтый (4), солнечный (3), золотистый (2).

Микрополе **красного цвета** включает 26 цветообозначения и 3 оттенка. Доминанта — красный (16). Периферия: ало-золотой (2), алый (4), розовый (4).

Нами были выявлены **самые частотные цветообозначения**: белый (15), голубой (12), зелёный (23), серебряный (15), синий (19), золотой (12).

Особенностью поэзии о Крыме является отсутствие сложных цветообозначений-прилагательных.

Цветообозначения в поэтических текстах часто служат для изображения некоторых повторяющихся классов объектов, соотносясь, таким образом, с определёнными тематическими зонами, которые описываются с помощью цветообозначений.

Рассмотрим классификацию цветообозначений по тематическим зонам и особенности их функционирования. Исследовав поле цвета в поэзии о Крыме, мы выделили основные тематические группы, включающие объекты, описываемые с помощью цветообозначений. В соответствии с данной классификацией, мы распределили цветообозначения по следующим тематическим зонам:

1. цветообозначение водных пространств, воды, водоёмов;
2. цветообозначение небосклона и небесных объектов;
3. цветообозначение метеорологических объектов;
4. цветообозначение времени суток;
5. цветообозначение элементов ландшафта;
6. цветовые характеристики флористических объектов растительного мира, сообществ растений и их составных частей.

Рассмотрим зоны и приведем примеры.

Цветообозначение водных пространств, воды, водоёмов является наиболее репрезентативной зоной. В физическом смысле вода является бесцветной и прозрачной, но в зависимости от окружения и характера водоёма может приобретать в языке тот или иной цвет или оттенок.

Море. В русском языке синий цвет воды является эстетическим идеалом, а в художественной литературе на русском языке синее море — это прототипический цветовой образ моря. Обратимся к поэзии о Крыме. Образ моря чаще всего связан с синим и его оттенками:

И вдруг, и пеной, и дождем
Свергаясь в **черный водоем**,

Пылают горы-горны,
и **море синеблужится**.

Струйки солнечного света,
Бухты синее стекло...

Праздник цветов и прибоя!
В черной воде - золотое руно,

Цветообозначения серый, черный связаны с состоянием моря во время плохой погоды, выдаёт настроение печали, тревоги:

За что же ты черным слывешь у людей?...
Нет, грозное имя ты носишь напрасно,
Черно ты в день черный, в день ясный ты ясно.

Лексема светло-зеркальное тоже обозначает образ моря:
И сень волнистую бросают
По светло-зеркальным водам.

Волна. Обычно колористическая амплитуда волны значительно отличается от амплитуды моря, хотя явно является его частью:

Море Чёрное — большое:
Утром серо-голубое,
Днём оно **зелёное**,
Пенное, солёное.
Ну, а ночью, при луне,
Золотым казалось мне!

Лазурное море жемчужной волной
Подножья скалистых вершин омывает

Пеной украшены
Гребни лазурные,
Плещут у берега
Волны ажурные.

Играя, волна за волной набегают
И, с шумом ударясь о берег крутой,
Катится назад, серебристой каймой

За волною несется волна,
И утеса хребта обнаженный
Наконец достигает она.

Кипарисов высоких коренья
Пеной белой она обдает

Люблю, облокотясь на скалу
Аюдага,
Глядеть, как борется волна с седой
волной,

Как, вдребезги летя, бунтующая
влага
Горит алмазами и радугой живой,

И, шумя, на берег волны
Брызжут пеною жемчужной.

Волны лазурной рябью
Пусть наберутся силы!
Море - ты снова рядом,
Море - ты так красиво!

Синеет ширь морская, чернеет
Аюдаг.
Теснится из-за Моря, растет,
густеет мрак.

Средь садов в дали окружной,
И, шумя, на берег волны
Брызжут пеною жемчужной.

2. Цветообозначение небосклона и небесных объектов

Небо, прежде всего, синее или голубое. Обратимся к языку поэзии о Крыме. При описании неба чаще всего используется белый и синий (его оттенки):

Хожу, гляжу в окно ли я цветы
да небо синее, то в нос тебе
магнолия,

Бушует влагою хрустальной...
А горы в синей вышине!

В рассветно-закатную пору небо может получать оттенки красного, жёлтого цветов:

Чудесная розовость неба
Ласкает и душу и взор!

Особенностью поэзии о Крыме является цветообозначение золотой, используемое для характеристики неба:

Над морем рассвет золотится
И красок меняет тона.

Цветообозначение светил. В поэзии солнце обычно желтое, реже золотое:
Жёлтое солнце Крыма
Летом палит нещадно,
В море его закину
Золотом Ариадны!

Отчего так солнце блещет,
Златом даль озарена,

Звёзды обычно в русском языке золотые, голубые, белые.
Звезда мелькает золотая

В зеленом небе, в облаках.
Кому горит она, блистая?

Севастопольская осень -
Малахит и бирюза.
Севастопольская осень,
Золотистые глаза.
И так радостно трепещет
Моря синяя волна?

Где кипарисов ряд, как великаны,
Бросают тени длинные кругом,
Где цвет мимозы солнышко ласкает,
Перед закатом, розовым лучом,

Безмолвие ей шепчет, что дню
пришел конец,

И звезды ей сплетают серебряный венец.

Необычны в языке поэзии о Крыме и цветообозначения месяца:

Там высоко в звездном море,

Словно лебедь золотой,

На безоблачном просторе

Ходит месяц молодой,

3. Цветообозначение метеорологических явлений

Снег — прототип белого цвета снег получает цветовую характеристику серебряный:

Без нас зима. Года, как белый снег.

Растут, растут сугробы, чтоб растаять.

Синеет снеговой простор,

Померкла степь. Белее снега

Мерцает девственная Вега

Над дальним станом крымских гор.

Тучи в русском языке обычно описываются при создании картины плохой погоды. Это чёрные, сизые тучи, но в поэзии о Крыме тучки белые или жемчужные:

Ветер в листьях шелестит.

Белой птичкой-канарейкой

Тучка по небу летит.

Все реже, реже влажный звон;

кой-где светлеет небосклон;

отходят тучи грозовые,

жемчужным краем бороздя

Облака чаще всего белые:

Белы до боли облака,

Ручей звездой в овраге высох,

И, как на бархате мука,

Седеет пыль на кипарисах

Туман описывается имеет не обычные, традиционные в русском языке характеристики:

С трех сторон седые горы,

В синем бархатном тумане

Так отрадно тонут взоры.

4. Цветообозначение времени суток

В целом цветовые характеристики вечера и ночи в поэзии вполне традиционны. Следует отметить, что особая картина создаётся сочетанием нескольких цветов. Цветообозначения золотой и пурпурный при характеристике дня — особенность поэзии о Крыме:

Степных стрижей сверкающий полет

И синий день, струящийся от зноя.

Черно ты в день черный, в день
ясный ты ясно.

5. Цветообозначение элементов ландшафта

Цветообозначение скал, утёсов, гор:

В широком пурпуре Авроры

Восходит солнце. Предо мной

Тавриды радужные горы

Волшебной строятся стеной.

Синеет ширь морская, чернеет
Аюдаг.

Теснится из-за Моря, растет,
густеет мрак.

У наших ног обрыв крутой,

А впереди - неизмеримый,

Безбрежный, необозримый,

Лазоревый простор морской.

Феодосия — Богом данная

Красота земли первозданная.

Золотым песком к ногам стелется,

Цветообозначение морского берега (песок, камни):

Серый восход – хмурое утро,
Мокрый песок – треск перламутра.

Песок искрился перламутром,
Счастливое плескалось детство,
Визжало дружно по соседству,

6. Цветообозначение растительного мира, сообществ растений и их составных частей

Цветовая характеристика — неперменный атрибут цветка, один из главных его признаков, имеющий огромную функционально-символическую нагрузку. Этот вопрос довольно сложен, он включает также понятие характеристик-модификаторов, что послужит темой отдельного параграфа.

Здесь же мы просто перечислим случаи цветообозначений цветов, функционирующие в поэзии о Крыме. Для обозначения цветов вообще чаще всего используются оттенки красного и белый:

О странный отблеск меловой
расщелин древних, где у края
цветут пионы, обагрят
чертополоха чешую,

и лиловеет орхидея...

Уютно здесь, как в доме у друзей.
Цветы на клумбах ало-золотые,
Стоит под солнцем Гриновский музей.

Из конкретных наименований цветов следует выделить: магнолии и орхидеи:

Тополь и клёны, Белая скала,
Красные пионы – вестники тепла.

Ботанические сообщества — леса, сады, луга, поля, травы и т.д. Лес — обычно зелёный, чёрный, осенью — золотой. Деревья (тополь, ива). Цветовая характеристика тополя вполне традиционна. Сад — чаще всего зелёный. Цветообозначения листьев, травы, плодов вполне традиционны:

Скопление синиц здесь свищет на
рассвете,
Тяжелый виноград прозрачен здесь и
ал.

Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса,
И струй и тополей прохлада...

И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-дага...

Итак, мы выявили состав и структуру поля цвета в поэзии о Крыме. Оно включает 356 цветообозначения и состоит из 6 микрополей (синий, зеленый, белый, золотой, черный, красный) и выделили основные тематические группы, включающие объекты, описываемые с помощью цветообозначений. В соответствии с данной классификацией, мы распределили цветообозначения по шести тематическим зонам. Первая и вторая группы оказались самыми репрезентативными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. - М., 1972. - С. 73-104.
2. Вежицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996. - 412 с.
3. Шемякин Ф. Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его значение) // Мышление и речь. Известия АПН РСФСР. - М., 1960. - Вып. 13. - С. 5-48.
4. Электронная библиотека <http://rubook.org>

E. N. Krasikova

COLOR LEXIS USED TO DESCRIBE CRIMEA NATURE (BASED ON CRIMEA POEMS ANALYSIS)

This article discusses color lexis in the poems about Crimea nature. The author analyses 200 poems and distinguishes macro and micro color frames. This topic relevance gives opportunity not only to determine the peculiarities of color worldview about Crimea in concrete, but also improve general knowledge about color lexis.

Key words: Color lexis, poems about Crimea, colorgraphy, color frame, color denotation.

УДК 82-1

В.В. Лантух

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. к. филол. н., доц. Л.Т. Сенчина)*

ЖАНР ПСАЛМА В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. ЛОМОНОСОВА

Жанр стихотворного переложения псалмов сыграл большую роль в процессе становления и развития русской литературы XVIII века. В данной статье прослеживаются истоки и история переложений псалмов в русской литературе XVIII века. Рассмотрены особенности переложений библейских псалмов в контексте творчества М. Ломоносова. Отмечается, что жанр стихотворных переложений псалмов давал возможность для воплощения и развития индивидуального начала в поэзии. Сделана попытка определить место и роль переложений псалмов в русской литературе XVIII века.

Ключевые слова: псалмы, переложение псалмов, духовная ода.

Популярный в XVIII веке жанр оды был представлен несколькими разновидностями. К числу таких жанровых разновидностей относятся духовные оды – стихотворные переложения псалмов. Традиция переложения псалмов имеет особое значение в истории русской литературы.

Слово «псалом» происходит от греческого «псалмос», что означает «хвалебная песня», исполнение которой сопровождалось игрой на музыкальном инструменте. Псалмы – это священные молитвенные песнопения, собранные в одну книгу – Псалтирь. Всего в Псалтирь входит 150 псалмов, написанных главным образом царем Давидом.

Книга псалмов, Псалтирь, на протяжении многих веков оставалась одной из важнейших книг. Такое значение Псалтирь имела не только потому, что была церковно-религиозным произведением, но и потому, что одновременно с этим являлась образцом восточной лирики.

Переложения псалмов являются таким типом произведений, который «впитал» в себя черты различных жанров. До сих пор одной из нерешенных проблем остается жанровая природа стихотворных переложений. Поисками жанра для такого рода сочинений занимались еще сами поэты – авторы переложений. Так, М. Ломоносов называл свои произведения «парафрастическими одами», в то время как А. Сумароков издает свои сочинения под названием «Духовные стихотворения» и т.д.

Стихотворные переложения псалмов в западноевропейской литературе были популярны еще в период Реформации, однако на русской почве они появились позже. Первым поэтическим переводом Псалтири в русской литературе считается «Псалтирь рифмотворная» С. Полоцкого (1680 г.). Отметим, что данное произведение является подражанием стихотворной Псалтири польского поэта Я. Кохановского. С. Полоцкий использовал для своих переложений 11-сложный и 13-сложный силлабический стих с парной рифмовкой, но иногда использовал и более короткие стихи.

Следует подчеркнуть, что «Псалтирь рифмотворная» не была простым стихотворным переложением ветхозаветного текста. С. Полоцкий выступил в роли поэта, для которого псалмы являлись опорным текстом для выражения нового, индивидуально-личного содержания.

Произведение С. Полоцкого получило широкую популярность и имело большое культурное и литературное значение для своего времени. «Псалтирь рифмотворная» положила начало русской псалмодической традиции в литературе. На переложения С. Полоцкого опирались поэты конца XVII – XVIII веков.

В своей «Псалтири рифмотворной» автор смог точнее передать содержание псалмов, поскольку силлабический стих давал возможность укладываться в размер, используя те же слова и выражения, что и в псалмах. Силлабо-тоническая система требовала от поэтов XVIII века тех слов и выражений, которые будут соответствовать стихотворному размеру и ритму произведения.

Отметим, что в русской литературе парафрастические оды (переложения псалмов) выполняли различные функции. В частности, с помощью переложений поэты решали стилистические вопросы и проблемы стихосложения. Достаточно вспомнить поэтическое состязание Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского. В 1743 году выходит книга «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные через трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо», с помощью которой поэты стремились решить спор о художественных возможностях разных стихотворных размеров. Так, М. Ломоносов и А. Сумароков полагали, что наиболее подходящим размером для парафрастических од является ямб. В. Тредиаковский же выполнил свое переложение хореем, однако считал, что «ни которая из сих стоп сама собою не имеет как благородства, так и нежности, но что все сие зависит токмо от изображений, которые стихотворец употребляет в свое сочинение» [7, с. 421].

Это поэтическое состязание подтолкнуло к осуществлению стихотворного перевода Псалтири и В. Тредиаковского. Несмотря на то, что книга поэта была

одобрена Святейшим Синодом, полностью ее так и не опубликовали. При жизни поэта были напечатаны только десять переложений.

В своих переложениях Тредиаковский стремился приблизить текст Псалтири к сознанию современного читателя. С этой целью перед каждым переложением поэт поместил своеобразное предисловие, в котором указал основную идею псалма. В своем «Предуведомлении» В. Тредиаковский написал, что, добиваясь ясности в переложении Псалтири, «каждого псалма literalную силу кратко изъяснил, и положил такие описания перед всяким...» [2, с. 7]

Переложения В. Тредиаковского были более объемными, чем тексты псалмов. В своих произведениях автор развивает каждую строчку псалма, продолжает, уточняет мысль, содержащуюся в строчке псалма. Например, в переложении псалма 81 библейской строке: «Измите нища и убога, из руки грешници избавите его» – соответствует целая строфа:

Вы страждущих напасть измите
Из сильных и теснящих рук;
От человеков злых спасите,
Их избавляйте и от мук. [2, с. 9]

Однако лексически В. Тредиаковский старается соответствовать оригиналу.

Для переложений поэта характерны сложные словесные конструкции, отсутствие прямого порядка слов. По этой причине произведения поэта трудно воспринимались читателями.

Именно в духовных одах авторское начало получило большее развитие по сравнению с торжественными одами. Строгая система литературных жанров классицизма не позволяла писателю выразить все те чувства, которые волновали поэта. Если торжественные оды были строго ограничены в тематическом плане, то «в переложениях псалмов вполне уместно развитие любой темы – от самой отвлеченно-философской до глубоко личной, частной» [5, с. 59].

Традицию переложения псалмов перенял и М. Ломоносов. В жанре переложений М. Ломоносов опирался на традиции не только русской литературы («Псалтирь рифмотворная» С. Полоцкого), но и западноевропейской (переложения псалмов немецких и французских поэтов: Опица, Гюнтера, Малерба, Расина).

В своих переложениях, в отличие от С. Полоцкого и В. Тредиаковского, М. Ломоносов не стремился выполнить стихотворные переложения всей Псалтири, а выбирал те тексты, которые тематически были ему близки. Так, псалмы 1 и 14 – произведения нравоучительного характера, псалмы 26, 34 и 70 – жалобы на постигнувшие автора беды и напасти, 103-й и 145-й псалмы – благодарственные гимны, восхищение величием Творца, а псалом 143 представляет собой жалобу от лица народа.

Переложения В. Тредиаковского изобилуют трудными словесными конструкциями, тогда как М. Ломоносов в своих парафрастических одах старается выдержать определенный порядок слов, стремится к простоте и краткости своих произведений. Так, строка из псалма 14: «Уничижен есть пред ним лукавнууй, боящия же ся Господа славят, кленыйся искреннему своему и не отменяся» – у В. Тредиаковского приобрела такой вид:

Лукавнуующий всяк пред ним
Презрен во всяко время злится:
Он честь отдать повсюду тщится
И прославление таким,
Которы страх имеют к богу
И к господу любовь премногу. [2, с. 9]

В переложении М. Ломоносова читаем:

Презирает всех лукавых,
Хвалит Вышнего рабов
И пред Ним душою правых,
Держится присяжных слов. [4, с. 186]

Парафразисы М. Ломоносова отличаются лаконичностью, они лишены той метафоризации и гиперболизации, которая была свойственна торжественным одам поэта.

Восприятие ветхозаветного текста начиналось с осмысления образа Бога. Для М. Ломоносова Бог – это прежде всего Творец, Создатель вселенной, восхищение Которым начинается с восторга перед природой, красотой Его творения.

Несмотря на то, что М. Ломоносов твердо верил в существование Бога как «всемогущего двигателя» природы, мудрой силы мироздания, он считал, что сущность этого явления можно объяснить только из самой природы. Бог у М. Ломоносова проявляет себя только через природу. Наиболее ярким примером таких взглядов поэта может служить переложение псалма 103. М. Ломоносов в своем произведении восхищается величием Творца:

Да хвалит дух мой и язык
Всесильного Творца державу,
Великолепие и славу.
О Боже мой, коль Ты велик! [4, с. 194]

Далее поэт последовательно описывает явления природы, подчеркивая при этом подчиненность природы божественной воле:

Ты повелел водам парами
Всходить, сгущаясь над нами,
Где дождь рождается и снег. [4, с. 194]
Ты свыше влагу льёшь горам,
Плодами землю насаждаешь,
И все народы насыщаешь,
Свидетелей Твоим делам [4, с. 195]

Но основное внимание в переложениях уделено человеку, проблеме несовершенства человеческой жизни, противостоянию человека и общества. Известно, что М. Ломоносов переложил девять псалмов: один – в 1743 году, три – в 1747, один – в 1749 и четыре – в 1751 году. Тематика большинства псалмов так или иначе связана с личной жизнью самого поэта. Опираясь на факты биографии поэта, мы можем сказать, что 1747 и 1751 годы были для поэта чрезвычайно трудными, омраченными недоброжелательным отношением со стороны руководителей Академии наук.

В связи с этим М. Ломоносов выбирает для своих переложений те псалмы, которые больше всего соответствовали его душевному состоянию. Поэт ощущал себя одиноким человеком, окруженным злыми врагами, обидчиками, гонителями. Так, в переложении 34-го псалма поэт обращается к теме зла. Эта тема проходит через все его произведение. Автор использует при этом различные словоформы существительного «зло»:

- 1) прилагательное «злой»
Да сильный гнев Твой *злых* восхитит,
Как бурным вихрем лёгкий прах... [4, с. 188]
- 2) существительное «злоба»
Наносят мне вражду и *злобу*,
Чтоб тем мне за добро воздать... [4, с. 189]

3) существительное «злодей»

Глубокий, мрачный ров *злодею*

В пути да будет сокровен... [4, с. 189]

4) существительное «злость»

Доколе, Господи, без гневу

На *злость* их будешь Ты взирать? [4, с. 190]

5) глагол «злиться»

И на меня согласно *злятся*,

Готовя ров, где мне упасть. [4, с. 189]

С темой зла и борьбы с врагами тесно переплетается тема защиты, которую поэт просит у Бога. В переложении псалма 70 читаем такие строки:

Поборник мне и Бог мой буди

Против стремящихся врагов,

И брэнной сей и тленной груди

Стена, защита и покров... [4, с. 191]

О Боже мой, не удалися,

Покрой меня рукой Своей

И помощь ниспослать потщися

Объятой злом душе моей. [4, с. 192]

Кроме центральной темы зла, характерной для большей части ломоносовских переложений, еще одной значительной темой становится тема веселья, радости.

В своей «Риторике» М. Ломоносов приводит определение радости, а также характеризует три степени этого чувства: «Радость есть душевное услаждение в рассуждении настоящего добра, подлинного или мнимого. Сия страсть имеет три степени. В самом начале производит немалое, однако свободное движение и играение крови, скакание, плескание, смеяние. Но как несколько утихнет, тогда прменяется в веселие, и последует некоторое распространение сердца, взор приятный и лице веселое. Напоследи, как уже веселие успокоится, наступает удовольствие мыслей и перестают все чрезвычайные в теле перемены» [3, с. 171].

Следует подчеркнуть, что тема веселья имеет у М. Ломоносова двоякое значение. Веселятся в переложениях поэта враги, злорадно посмеиваясь над неудачами и несчастьями, постигшими М, Ломоносова. Так, в переложении псалма 34 мы видим строки:

Они, однако, *веселятся*,

Как видят близ мою напасть... [4, с. 189]

Не дай врагам возвеселиться

Неправедной враждой своей... [4, с. 190]

В переложении псалма 70 читаем:

Враги мои чюдясь *смеются*,

Что я кругом объят бедой... [4, с. 192]

Этому «низкому» веселью, злорадному смеху М. Ломоносов противопоставляет искреннее душевное веселье, светлую радость, которая дарует поэту силы:

Душа моя *возвеселится*

О Покровителе своём,

И *радостью* ободрится

О заступлении Твоём. [4, с. 189]

Во храме возведу великом

Преславную хвалу Твою,

Весёлым гласом и языком

При тьмах народа воспою. [4, с. 190]

Темы зла и веселья, как мы видим, уравниваются в переложениях поэта. «Ломоносов темой веселья дает понять, что противостоять злу человек может, для этого он должен найти в себе внутренние силы, способность к веселью прежде всего» [5, с. 64], - пишет исследователь И.З. Серман.

Известно, что эти темы присутствуют и в текстах самих псалмов, но у М. Ломоносова они получают иное звучание благодаря тому, что основываются на фактах биографии поэта.

В произведениях М. Ломоносова возникает и образ храма. Храм в понимании поэта не архитектурное сооружение, не просто церковь, а убежище, пристанище скорбящих душ, мир красоты и добра – конечная и высшая цель человеческого существования:

Я только от Творца прошу,
Чтоб в *храм* Его вселиться;
И больше в свете не ишу,
Как в оном веселиться [4, с. 187]

Несмотря на автобиографичность ломоносовских переложений, такие «личные» темы его парафрастических од «правильнее было бы интерпретировать не как выражение в слове собственных неповторимых переживаний, но как размышление над внутренними событиями человеческого бытия вообще» [1, с. 150].

На переложениях М. Ломоносова традиция стихотворного перевода Псалтири в России не оканчивается. К этому жанру обращались и М. Херасков, и Г. Державин, и поэты XIX века.

Таким образом, переложения псалмов сыграли особую роль в развитии русской поэзии XVIII века. В период строгих литературных канонов и иерархии жанров ярче всего личность автора могла проявить себя в переложениях псалмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухаркин П.Е. Михаил Васильевич Ломоносов в истории русского слова / П. Е. Бухаркин; отв. ред. Н. Н. Казанский. – СПб.: Нестор-История, 2011. — 172 с.
2. Венок Тредиаковскому. Из неопубликованных сочинений. Тредиаковский и родной край. Вклад в развитие языка и литературы. Читатели и ценители. Из краеведческой хроники / отв. ред.: Н.С. Травушкин; Волгоградский пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. – Волгоград, 1976. – 104 с.
3. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. – М.; Л., 1950-1983. – Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 89 – 378.
4. Ломоносов М. В. Избранные произведения / Вступ. ст., сост., примеч. А. А. Морозова; Подгот. текста М. П. Лепехина и А. А. Морозова. — Л.: Сов. писатель, 1986. — 558 с.
5. Серман И.З. Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира / И. З. Серман. – Л.: Наука, 1973. – 284 с.
6. Тредиаковский В. К. Избранные произведения / В.К. Тредиаковский; вступ. ст. и подготовка текста Л.И. Тимофеева, примеч. Я.М. Строчкова. – М.; Л.: Сов. писатель, 1963. - 577 с.

THE GENRE OF THE PSALM IN THE WORKS OF M.V. LOMONOSOV

The genre of poetic arrangement of Psalms played an important role in the process of formation and development of Russian literature of the XVIII century. This article traces the origins and history of interpretations of the Psalms in Russian literature of the XVIII century. The features of the interpretations of the biblical Psalms are described in the context of creativity of M. Lomonosov. It is noted that the genre of poetic interpretations of Psalms gave an opportunity for the embodiment and development of the individual beginning in poetry. An attempt is made to determine the place and role of Psalm interpretations in Russian literature of the XVIII century.

Key words: *Psalms, the interpretations of the Psalms, a spiritual ode.*

УДК 821.161.1.0

А.И. Овчаренко

*Республиканский многопрофильный лицей-интернат при ДонНУ
(Научн. рук. Кайдаш Н.Н.)*

БУНИНСКАЯ ДЕТАЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются художественные детали (в т.ч. сакральные) в прозе И.А. Бунина и их анализ современными учёными, сопровождаемый необходимыми уточнениями.

Ключевые слова: *И.А. Бунин, сакральная деталь, нравственная оценка*

Данная работа продолжает тему, начатую докладом о сакральной детали в рассказе «Лёгкое дыхание» [8]. Художественная деталь в прозе И.А. Бунина становилась предметом рассмотрения целого ряда учёных, как отечественных (см. далее), так и зарубежных (например, Р.Саркисян /Армения/). Однако они не выделяли тот тип детали, которую мы называем сакральной. Понятие сакральной художественной детали впервые употреблено в работе И.А. Жаворонок «Художественная деталь и её функции в творчестве Л.Е. Улицкой»: «Выделенные нами художественные детали - сакральные, „чеховские“, детали ментальной характеристики героев - имеют в пьесах Улицкой особую значимость в контексте дешифровки авторских смыслов» [4, с. 6]. К этому типу следует отнести икону, картину или скульптуру духовного содержания, название религиозного объекта и другое, имеющее отношение к вере (в данном случае христианской).

По словам О.В. Сливичкой, Бунин видит детали словно «кадр сквозь линзу бинокля – ... укрупнённые, конкретнейшие, сфокусированные и как бы обрамлённые рамкой, неслиянные» [11, с. 170]. Это сравнение вызвано тем, что герой рассказа «Руся» смотрит в бинокль на журавлей. Исследовательница пишет, что в «Русе» «из 10 страниц одна занята описанием журавлей, которые вспомнились почему-то. Они не имеют никакого отношения к событиям, ничего не проясняют в психологии героя, и никакого символического значения в них увидеть невозможно. Просто вспомнились, вот и всё – такова прихоть памяти» [Там же].

А Т.В. Марченко считает огорчительным «когда столь тонкий интерпретатор бунинской прозы, как О.В. Сливичкая, не просто проходит мимо многозначной символики бунинской детали, но старательно доказывает, что все „избыточные“

подробности вводятся Буниным в повествование „просто так“. Определенная бессознательность в акте творчества, безусловно, присутствует, но все же не настолько, чтобы отказывать писателю в осмысленности создаваемого им» [6, с. 125-126]. Т.В. Марченко, сравнивая автограф рукописи и издания «Руси», приходит к выводу, что «журавли были введены в текст рассказа» позднее (не в 1940, а в 1942г.), и анализирует семантику этой детали: «Журавли появляются на „прибрежье болота“ время от времени, „благоклонные“ только к Русе; ее одну они „подпускают“ к себе..., а герой любит ими издали... Бунин подчеркивает их внешнее сходство с Русей, словно это люди-журавли из старинных книг (у худой высокой Руси „выступают под тонкой... кожей кости“, у птиц „трости ног не в меру длинны и тонки“... Сама Руся уподобляется птице, когда она „мягко и легко разбежавшись к ним в своих разноцветных чунках, вдруг садилась перед ними на корточки, распутивши на влажной и теплой зелени прибрежья свой желтый сарафан“. Бунин этого подобия добивался сознательно: в рукописном автографе сохранился другой глагол, не так выразительно передающий сходство с разгоняющейся для взлета крупной птицей, – „подбежавши / подбежав“ (л. 17). Но главное сходство – это глаза журавлей и самой Руси. Герой наблюдает (по-прежнему в бинокль) „прекрасные и грозные черные зрачки“ журавлиной пары, а позже, словно происходит многократное увеличение и одновременно отражение, сама Руся „блестела ему в глаза радостными черно-зеркальными глазами“» [6, с. 127-128]. Таким образом, чета журавлей – это образ пары, которой могли стать, но не стали герой рассказа и Руся-журавлиха.

К этому же рассказу, говоря о детали, обращается и А.Г. Соколов. Цитируя строки о последнем перед развязкой свидании героев, он пишет: «Этот эпизод в рассказе о любви сам по себе несуществен. Но увиденная глазами влюблённых птица как бы воплощает в себе весь внешний мир, преображённый их чувством. Появившийся „в большой огненной короне“ петух изображён как бы крупным планом; гребень превращается в корону, экспонирован даже стук коготков, услышанный сквозь шум дождя, радужные перья хвоста. Художественная деталь как бы рассыпалась на наших глазах в подробностях, порождая всё новые и новые детали» [12, с. 100]. Исследователь подчёркивает: «Художественная деталь Бунина всегда „миниатюрна“, как бы замкнута в себе, но в то же время это подчас и определяющая всё произведение система. Она рождается в процессе описания человека, ситуации, картины природы, и сама порождает новое описание и новые детали, более частные» [Там же].

О символическом значении детали у Бунина писала З.И. Трусова в статье на материале рассказа «Господин из Сан-Франциско». «Название корабля, на котором путешествует Господин – „Атлантида“, это деталь – символ, дающая представление о приближающейся гибели. На использовании одной изобразительной детали „Атлантида“ построен страшный мир буржуазного общества с его чудовищными контрастами, фальшью, мертвенностью и глухотой к тому, что совершалось вокруг» [14, с. 94]. По словам учёной, в рассказе «детали даны в противопоставлении, „споре“ друг с другом, поэтому разделение имеет характер антитезы: противопоставляются отдых, беззаботность, танцы и работа, „непосильное напряжение“, „сияние ... чертога“ и „мрачные и знойные недра преисподней“, „господа“ во фраках и смокингах, дамы в „богатых“, „прелестных“ „туалетах“ и „облитые едким, грязным потом и по пояс голые люди, багровые от пламени“. Постепенно выстраивается картина рая и ада» [14, с. 96].

Если З.И. Трусова противопоставляет художественные детали, то О.В. Богданова видит в рассказе иную картину: «противопоставления между „вышними“ и „низшими“ Бунин снимает. Но идет и дальше: он стирает даже возможные внешние

границы между социальными слоями, растушевывая те детали, которые могли бы быть сигналом принадлежности персонажа к тому или иному классу <...>. Эти полуобнаженные истопники, так же как и полуобнаженные декольтированные пары, „изгибающиеся в танго“, – часть общей, единой „адской“ картины. И неважно, что „белые“ и „чистые“ находятся на верхней (первой) палубе, а „черные“ и „грязные“ на нижней (девятой) – всё равно это круги ада, будь то первый его круг или девятый. Неслучайно для воспроизведения ресторанной пышности и роскоши Бунин дважды использует слово „чертог“, в котором прочитывается корень „черт“» [7]. (Это пример народной этимологии, слово в действительности родственно с *чердак*).

Как пишет И.Г. Минералова, «икона и портрет часто не просто перекликаются в прозе Бунина, они взаимоотражаются. Одним из таких показательных примеров является икона Меркурия Смоленского в „Суходоле“, икона „родовая“ у Хрущевых, отражающаяся в судьбе каждого: „И жутко было глядеть на суздальское изображение безглавого человека, держащего в одной руке мертвенно-синеватую голову в шлеме, а в другой икону Путеводительницы, – на этот, как говорили, заветный образ дедушки, переживший несколько страшных пожаров, расколовшийся в огне...“. В этом описании иконы „сжат сюжет“ всей повести. Напомним, что тетя Тоня проходит через „умопомрачительную любовь“, дедушка „убьется“, ударившись виском об острый угол стола, Петр Петрович „прикажет остричь, обезобразить ее (Наталью), сурьмившую брови перед зеркальцем“, страшная смерть настигнет и самого Петра Петровича: лошадь „все лицо раздавила“» [7, с. 22].

О.Г. Талалаева обращает внимание на роль колоколов в рассказе «Над городом»: они «олицетворяют собой некую сторону вечного, неподвластного обыденному течению жизни, сравниваются писателем с божественным голосом, способным преодолеть притяжение земного пространства» [13, с. 15-16]. Колокольный трезвон, на наш взгляд, даёт возможность смягчить фундаментальное противоречие между жизнью и смертью «и напомнить людям, что „бог не есть бог мертвых, но живых“!»

[2, II, с.181].

Следующая деталь, несомненно являющаяся сакральной, рассмотрена Е.В. Капинос в диссертационном исследовании «Формы и функции лиризма в прозе И.А. Бунина 1920-х годов». В рассказе «Грамматика любви», по мнению исследовательницы, «конечно же, самой значимой деталью являются венчальные свечи у божницы: „Передний угол весь был занят божницей без стекол, уставленной и увешанной образами; среди них выделялся величиной и древностью образ в серебряной ризе, и на нем, желтым воском, как мертвым телом, лежали венчальные свечи в бледно-зеленых бантах.

– Простите, пожалуйста, – начал было Ивлев, превозмогая стыд, – разве Ваш батюшка...

– Нет, это так, – пробормотал молодой человек, мгновенно поняв его. – Они уже после ее смерти купили эти свечи... и даже обручальное кольцо всегда носили».

Из слов сына, из прикосновения к таким убедительным вещам, как „свечи в бледно-зеленых бантах“, возникает не только образ болезненных грез покойного помещика, но и картина венчания с мертвой, с призраком, со смертью. „Мертвая невеста“, „девушка и смерть“, гибель и гибельность женского начала – это константный набор бунинских тем. У Бунина венчальные свечи мертвой Лушки наводят на мысли о бледной элегической живописи в стиле Батюшкова... Элегический образ мертвой невесты поддержан „шуршащими под ногами“ мертвыми пчелами, которые по законам лирической ассоциативности продлевают тему воска, тему мертвого тела. В другом

рассказе Бунина, по времени близком к „Грамматике любви“, – в „Казимире Станиславовиче“ 1916 г. тоже описываются венчальные свечи, они фигурируют, как и положено, в торжественной сцене венчания: „И за все время венчания только одно было перед его глазами: склоненная в цветах и фате, голова и маленькая до боли в сердце милая, прелестная рука, с дрожью державшая горящую свечу, перевитую белой лентой с бантом“. Венчание идет по периферийной линии „Казимира Станиславовича“, а главная тема рассказа – мучительное раскаяние, едва не приведшее героя к самоубийству. Красота венчального таинства лишь усугубляет трагические смыслы, их величественное торжество и в „Казимире Станиславовиче“, и в „Грамматике любви“» [5, с. 120-121]. Нужно отметить, что, несмотря на трагичность первого рассказа, значение эпизода венчания в церкви здесь гораздо большее, чем может показаться. Ведь перед тем, как совершить самоубийство, главный герой пришел в церковь, в которую не входил уже более тридцати лет. И, может быть, именно это посещение храма в момент венчания и не дало совершиться задуманному. Также помешало герою наложить на себя руки и пугающее пламя горящей свечи, хоть уже и не венчальной, но ассоциативно напоминающей горящие церковные свечи.

Исследователи С.Н. Пяткин и Д.Б. Кудряшова употребляют понятие «символическая деталь». По их мнению, «Бунин, в основном, использовал символическую деталь, в произведениях она выступает как самостоятельный художественный образ. Например, в рассказе „Антоновские яблоки“ запах самих яблок – символ прошлого, памяти. В рассказе „Солнечный удар“ имя главной героини – Марья Маревна – символ мечты, сказки, чудесного и заветного. Также в этом рассказе ... шпилька – символ женственности, красоты, высоких и светлых чувств» [10, с. 16]. В рассказе «В Париже» их внимание «остановилось на небольшой, вскользь упомянутой детали гардероба – шинели» [Там же]. Учёные пришли к выводу, что «летняя серая шинель на красной подкладке» «с одной стороны – символ несбывшихся надежд Ольги Александровны, героини рассказа. Это символ неосуществленной мечты о счастливой жизни, о продолжении той высшей любви, которую она испытала. С другой же стороны эта деталь – символ всей жизни Николая Платоновича, так как его жизнь в Париже, в дали от Родины, была инертной и бесцельной до встречи с Ольгой Александровной, которая появилась в его жизни внезапно, а может быть, и всегда с ним была, как красная подкладка у серой шинели» [10, с. 17]. Однако не со всеми выводами Пяткина и Кудряшовой можно согласиться. Они пишут, что «первое появление Ольги Александровны в жизни Николая Платоновича ознаменовано «освящённым углом». «Вдруг его угол осветился, и он увидел безучастно-вежливо подходящую женщину лет тридцати, с черными волосами на прямой пробор и черными глазами, в белом переднике с прошивками и в черном платье». Так как на Руси угол в доме – место для икон, то можно предположить, что Ольга Александровна явилась к Николаю Платоновичу как нечто неземное, божественное, как знак свыше. Таким образом, можно сказать, что провидение помогло встретиться главным героям, что Судьба не обошла их стороной» [Там же]. Дело в том, что этот угол был не в доме, а в магазине (нежилом помещении) и угол освЕтился, а не освЯтился, он не «красный». Т.о., его нельзя отнести к сакральной детали.

Художественная деталь, связанная с Девой Марией, есть и в рассказе «Господин из Сан-Франциско» (1915): «На полпути они замедлили шаг: над дорогой, в гроте скалистой стены Монте-Соляро, вся озаренная солнцем, вся в тепле и блеске его, стояла в белоснежных гипсовых одеждах и в царском венце, золотисто-ржавом от непогод, мать божия, кроткая и милостивая, с очами, поднятыми к небу, к вечным и блаженным обителям трижды благословенного сына ее. Они обнажили головы - и

полились наивные и смиренно-радостные хвалы их солнцу, утру, ей, непорочной заступнице всех страждущих в этом злом и прекрасном мире, и рожденному от чрева ее в пещере Вифлеемской, в бедном пастушеском приюте, в далекой земле Иудиной...»

[2, IV, с. 69]. Это пример того, как, по словам А.Г. Соколова, художественная деталь «сама порождает новое описание и новые детали, более частные» [12, с. 100]. Вот как этот фрагмент комментирует О. Богданова: «Бунин изображает действительно красивую сцену преклонения горцев перед скульптурой Богоматери. <...> Однако описание неоднозначно. Если Бунин действительно хотел выразить восторг (свой и героев), то зачем ему нужно уточнять, что белоснежные одежды мадонны „гипсовые“ - указание на гипс привносит черты искусственности и недолговечности. Тот же вопрос в связи с изображением „царского венца“: „золотисто-ржавого“. Несомненно, что герои и сам рассказчик должны были в тот восторженный момент взглянуть в главное, в образ мадонны, и „не заметить“ ржавчины, но Бунин упоминает ее, да еще и в соседстве с золотом, и, со всей очевидностью, делает это осознанно. Он, в отличие от наивных простолюдинов, не видит в Богоматери заступницу и спасительницу. Но даже если бы и видел, он не позволяет себе забыть о злобе и зависти, горе и слезах, постигших ее, по сути - тоже не защищенную и одинокую». Неслучайно, говоря о месте рождения Бога Сына, Бунин избирает из возможных наименований „землю Иудину“, хотя и здесь он мог использовать синоним (например, „земля Иудейская“). Однако он акцентирует имя Иуды - и хотя речь идет не об Иуде-предателе, но маркированное в христианском сознании имя пробуждает ассоциацию именно о „тридцати сребрениках“, а не о колене Израиля» [1].

Исследовательница не определилась (видел – не видел) Бунин (точнее повествователь) заступницей Богородицу, но здесь речь идёт не о ней самой, а о её скульптуре, подверженной, как и всё материальное, тлению. Сама же Богоматерь - «Дева нетленная» (из канона Богородице пред иконой «Всецарица» и других церковных текстов). О. Ерёмкина, например, видит в этом фрагменте посрамление гордыни персонажа: «Господин из Сан-Франциско в свете электрическом словно к венцу готовился – но увенчана царским венцом и солнечным светом оказалась кроткая и милостивая Мать Божия» [3].

Если в «Лёгком дыхании» нравственную оценку задаёт название монастыря (святого места) [8], то в рассказе «Стёпа» (1938) из сборника «Тёмные аллеи» подобную функцию выполняет икона свт. Николая Чудотворца, т.е. тоже святыня. «Повернув голову, он видел зеленовато белеющий за окнами восток и уже различал в сумраке угла над столом большой образ угодника в церковном облачении, его поднятую благословляющую руку и непреклонно грозный взгляд» [2, V, с. 269]. Здесь взгляд святого противопоставляется «зоркому взгляду» грешника. Святой на добрые дела благословляет, а на злые смотрит грозно (грозным воспринимает взгляд Красильщиков*). В рассказе говорится о соблазнении 15-летней девушки, при этом если в первый раз близость происходит в темноте (Стёпа хочет зажечь лампу, Красильщиков не даёт), ещё до его встречи со взглядом святого, то во второй раз – засветло, буквально перед ликом, что характеризует героя совершенно недвусмысленно. Из жития свт. Николая известно, что он предотвратил распутство трёх девиц, и в рассказе «Стёпа» согрешившая могла обратиться ко святому со слезами покаяния и молитвой (от Красильщикова этого ожидать не приходится) и отвергнуть его новые притязания, однако этого не происходит. С рыданием и стоя на коленях (!), Стёпа обращается «за-ради Христа... за-ради самого царя небесного» [2, V, с. 270] к Василь Ликсеичу с просьбой стать фактически его последней работой, тем самым отрекаясь быть рабой Божьей.

Сакральные детали есть и в других рассказах сборника «Тёмные аллеи». О.Г. Уманская предполагает, что предметы религиозного культа имелись практически у каждого «честного христианина», описываемого Буниным в исследуемом цикле. Так, эксплицитно представленные предметы религиозного культа – «новый золотистый образ в левом углу» («Тёмные аллеи»), «в углах, перед золочеными и серебряными окладами икон, зажигали лампы и свечи» («Баллада»), «в сумраке угла над столом

большой образ угодника в церковном облачении» («Степа»), «в углу, перед черной доской иконы Богородицы Троеручицы, горела лампадка» («Чистый понедельник») и другие – не нуждаются в пояснениях; подобного рода сочетания слов свидетельствуют об исповедании персонажами христианской религии, почему именно в «красных» или

«левых углах» расположены иконы, лампы, свечи и пр. [15, с. 196]. Можно ли утверждать, что персонажи исповедуют ту или иную религию, это отдельный вопрос, но перечисленные детали безусловно принадлежат христианской картине мира. В целом, вслед за Л.А. Остапенко можно утверждать, что «деталь у Бунина обычно обнаруживает авторский взгляд на мир, острую художественную наблюдательность и свойственную Бунину утончённость видения» [9, с. 156]. Исследование сакральных деталей в других произведениях И.А. Бунина является, несомненно, перспективным.

* Персонаж рассказа «Натали» В. Мещерский предпочитает не встречаться взглядом с ликами в красном углу: «Я поспешил отвести глаза от этого угла...» [2, V, с. 393].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О. Самый чеховский рассказ Бунина («Господин из Сан-Франциско») / О. Богданова. – Режим доступа: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2244>.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах / И.А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1987-1988.
3. Ерёмина О. Столкновение культуры и цивилизации в рассказе И.А.Бунина «Господин из Сан-Франциско» в контексте идей Освальда Шпенглера / О.Ерёмина. – Режим доступа: <http://erema-o.livejournal.com/219670.html>.
4. Жаворонок И.А. Художественная деталь и её функции в творчестве Л.Е. Улицкой: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / И.А. Жаворонок – Тверь. – 2012. – 24 с.
5. Капинос Е.В. Формы и функции лиризма в прозе И.А. Бунина 1920-х годов: диссертация ... докт. филолог. наук: 10.01.01 / Е.В. Капинос. – Новосибирск, 2014. – 332 с.
6. Марченко Т.В. Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: К интерпретации поздней бунинской прозы / Т.В. Марченко // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/06-Marchenko.pdf>.
7. Минералова И.Г. Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма: учеб. пособие / И.Г. Минералова. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 256 с.
8. Овчаренко А.И. Экклезиопозитивизм как сакральная деталь в рассказе И.А. Бунина «Лёгкое дыхание» / А.И. Овчаренко // III Международные ономастические

чтения им. Е.С. Отина... – Режим доступа: http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2017/09/3-Cht_Obcharenko.doc.

9. Остапенко Л.А. Жанровая специфика произведений И.А. Бунина и В.М. Шукшина (на примере рассказов «Кукушка», «Чистый понедельник» И.А. Бунина и «Волки» и повести-сказки «До третьих петухов» В.М. Шукшина) / Л.А. Остапенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 7(18): в 2-х ч. – Ч. I. – С.155-158.

10. Пяткин С.Н., Кудряшова Д.Б. Об одной детали в рассказе И.А. Бунина «В Париже» / С.Н. Пяткин, Д.Б. Кудряшова // Молодой учёный. – Казань, 2014 – № 21.1 (80.1). – С.15-18.

11. Сливицкая О.В. Повышенное чувство жизни: мир Ивана Бунина / О.В. Сливицкая. – М.: РГГУ, 2004. – 270 с.

12. Соколов А.Г. Заметки о художественном мастерстве И. Бунина / А.Г. Соколов // Русский язык за рубежом. – 1971. – №1(17). – С.95-100.

13. Талалаева О.Г. Религиозно-библейские и готические мотивы в прозе И.А. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / О.Г. Талалаева. – Тамбов. – 2013. – 24 с.

14. Трусова З.И. Художественная деталь и её символическое значение (рассказ И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» / З.И. Трусова // Наука и современность. – 2012. – № 15-2. – С. 89-99.

15. Уманская О.Г. Виды информации, тематически мотивированные конфессиональными классификационными фрагментами (на материале цикла рассказов И.А. Бунина «Тёмные аллеи») / О.Г. Уманская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 9 (51): в 2-х ч. – Ч. II. – С.194-198.

A.I. Ovcharenko

BUNIN'S DETAIL IN MODERN RESEARCH

The article deals with artistic details (including sacral) in the prose of I.A. Bunin and their analysis by modern scientists, accompanied by the necessary refinements.

Key words: I.A. Bunin, sacral detail, moral assessment.

УДК 82.01

А.А. Слюсаренко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Науч. рук. д. филол. н., проф. А.А. Кораблёв)

«ПРЕКРАСНОЕ» И «КРАСИВОЕ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

В статье проанализированы образы Льва Мышкина и Настасьи Филипповны – главных героев романа Достоевского «Идиот» – сквозь призму идеи красоты. Установлено, что «положительно прекрасный» князь Мышкин в Настасье Филипповне узрел истинную красоту, которая формируется посредством страдания. Прекрасный герой испытывает потребность в красоте и находит её, поскольку, находясь в разладе с действительностью, нуждается в обретении гармонии.

Ключевые слова: красота, Идиот, прекрасное, красивое.

Ф.М. Достоевский – писатель и мыслитель, чьё творчество было и остаётся объектом пристального внимания научного мира. Среди проблем, затрагиваемых великим классиком, – идея красоты, ставшая одной из важнейших в достоевсковедении, интерес к изучению которой актуализировался с 90-х гг. XX в. и не угасает по сей день, что и обуславливает *актуальность нашей работы*.

Весьма перспективным и убедительным нам представляется тема осмысления эстетических констант Достоевского в философии В.С. Соловьёва, в идеологии которого важное место занимает о тождественности добра и красоты и, как следствие, формирование представления об искусстве как о некой мощной силе воздействия на сознание человека, направленной на формирование его нравственных идеалов. Однако эта философия имеет строго определённый вектор, а потому узконаправленность такого взгляда на красоту у Достоевского не даёт нам возможности опираться в своей работе исключительно на труды В.С. Соловьёва.

К проблеме красоты у Достоевского обращались многие исследователи (Г.С. Померанц, Т.Г. Касаткина, Л.И. Сараскина, Е. Новикова и др.). Однако тема красоты у Достоевского в современной критике до сих пор недостаточно изучена. Предлагаемое исследование – наш посильный вклад в разработку этой проблемы.

Наиболее достоверными при изучении идеи красоты нам представляются не только работы по этой теме, излагающие разные точки зрения на проблему, но в первую очередь – текст произведений Достоевского. Точнее – смыслы, порожаемые самим текстом.

В романе «Идиот» Достоевский был намерен изобразить «положительно прекрасного человека». Такой герой нашёл воплощение в образе Льва Николаевича Мышкина, названного Достоевским в черновых набросках «князем Христом». Именно этот роман стал первоисточником афоризма «красота спасёт мир», определившего вектор развития русской религиозно-философской мысли XX в. Впоследствии эти слова глубоко проникли в массовое сознание, а в связи с не менее знаменитой мыслью о двойственности красоты из романа «Братья Карамазовы» дали почву для разнообразных трактовок. Фраза «красота спасёт мир» зачастую приписывается князю Мышкину, а нередко – и самому Достоевскому, хотя сказана она была в требующем особого внимания контексте, исключающем вообще какое-либо однозначное толкование.

Именно неоднозначность, а порой и противоречивость суждений относительно ключевых для философии и творчества Достоевского идей, нашедших своё воплощение в «Идиоте», послужила причиной выбора этого романа и главных его героев *в качестве объекта нашего анализа*.

Научная новизна нашей работы заключается в намерении при сопоставлении образов князя Мышкина и Настасьи Филипповны использовать концепты «прекрасный» и «красота» соответственно с целью более тщательного контекстного анализа образов.

Цель работы – дать представление о реализации идеи красоты в романе Достоевского «Идиот» путём сопоставительного анализа образов Льва Мышкина и Настасьи Филипповны.

Задачи работы:

1. Дать представление о сущности красоты у Достоевского, опираясь на работы исследователей, занимавшихся разработкой данной проблемы, на философско-критические статьи Достоевского, а также непосредственно на текст самого романа.

2. Дать представление о том, какое отображение находит идея красоты у Достоевского, проанализировав образы центральных героев романа «Идиот» сквозь призму этой проблемы.

3. Сопоставить центральные образы романа «Идиот», опираясь на концепты «прекрасное» и «красота», что позволяет произвести тщательный контекстный анализ.

4. Установить, соответствуют ли образы князя и Настасьи Филипповны выбранным концептам, а также сделать выводы о том, как реализуют себя данные персонажи в рамках этих концептов.

Методы исследования:

1) *герменевтический* – направлен на понимание и интерпретация произведения согласно его абсолютной художественной ценности;

2) *психологический* – его привлечение обусловлено необходимостью изучения внутренней жизни персонажей (характера героя, эволюции его как личности, духовного и этического выбора);

3) *сравнительного литературоведения* – поиск универсальных проявлений идеи красоты в философии и творчестве авторов, упомянутых нами при анализе романа Достоевского (к примеру, сопоставление образом князя Мышкина и Дон Кихота).

По Достоевскому, душа человека *испытывает потребность в красоте*, в обретении утраченной гармонии («Красота полезна, потому что она красота, потому что в человечестве - всегдашняя потребность красоты и высшего идеала ее» [2, с. 102]). *Сила красоты непосредственна*: «Человек жаждет ее, находит и принимает красоту без всяких условий, а так, потому только, что она красота...» [3, XVIII, с. 94]. Красота способна направить человека к свету, не ограничивая его свободу.

Духовная потребность в красоте «развивается наиболее тогда, когда человек в разладе с действительностью, в негармонии, в борьбе, то есть когда наиболее живёт, потому что человек наиболее живёт именно в то время, когда чего-нибудь ищет и добивается; тогда в нём и проявляется наиболее естественное желание всего гармонического, спокойствия, а в красоте есть и гармония и спокойствие» [3, XVIII, с. 94]. Гармония для писателя являлась разрешением противоречий, которые раздирали действительность и души людей. Эти мучительные противоречия стали основным содержанием художественного творчества Достоевского.

Разрываемый в борьбе добра и зла, преображаемый посредством этой борьбы, убеждённый в своей самоценности и значимости для мира, испытывающий меру своей свободы, и оттого страждущий – таков человек Достоевского, который в своём жизненном пути стремится к обретению красоты и гармонии. Именно испытание красотой становится для такого человека показателем ценности его как личности.

Достоевский верил в то, что именно красота способствует возрождению человеческой души, ведь впечатления от красоты, по Достоевскому, проникают «в самое сердце, в самую суть и формируют человека» [4, с. 168].

Если искусство является обителью прекрасного, то в литературе должны быть образы, воплощающие этот идеал. Так, Достоевский писал: «...из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот» [3, XXVIII, с. 251]. Он утверждает, что такие герои прекрасны потому, что смешны, они неизбежно находятся в противоречии с объективной действительностью, что выражается в неприятии их обществом, отторжении таких персонажей. Акцентируя внимание на комической природе образа, Достоевский указывает на важнейшее свойство прекрасного – *противопоставление его действительности*. Отсюда вытекает стремление такого героя оказать воздействие на окружающий мир в соответствии с законами прекрасного. Однако, не смотря на это стремление, такой «положительно прекрасный» герой, как

князь Мышкин, оказывается противопоставлен миру, он находится с ним в противоречии, что мы наглядно рассмотрим в нашей работе.

Это не единственное противоречие, вызванное многообразием трактовок идей великого классика. Г.С. Померанц говорит о творчестве Достоевского: «Мелькает мысль, что рай и ад как-то очень тесно связаны, они, может быть, совсем не разделены» [6, с. 258-259]. Подобного рода контраст, порождающий в определённой степени слияние добра и зла, необходимое для их сосуществования, уходит корнями в само понимание Достоевским красоты.

Достоевский прекрасно осознавал, что красота не может толковаться однонаправленно. Достоевский, комплексно осмысляя проблему красоты, выявил её *двойственную природу*. «Первое открытие (Достоевского) заключалось в том, что в развитии эстетической жизни можно начать с Мадонны и кончить Содомом, в котором сердце тоже усматривает красоту» [1, с. 420].

Используя эту формулу, было бы логично выделить в романе «Идиот» два полярных образа, воплощающих такую разную красоту: образ князя Мышкина и образ Настасьи Филипповны. Однако такое номинирование, нередко имеющее место быть в работах, посвященных анализу идеи красоты в романе «Идиот», представляется нам не вполне корректным и даже сужающим понимание каждого из этих образов до выполнения им набора определённых функций. Как именно можно обозначить сущность каждого из образов, нам подсказывает сам роман, а также та направленность авторской мысли, которая воплощается в нём.

Достоевский в одном из писем делился своими мыслями относительно замысла романа «Идиот»: «Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. <...> Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы ещё далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос» [3, XXI, с. 135]. В свете этого высказывания важно вспомнить, что в черновых набросках Достоевский называет князя Мышкина, центрального героя романа «Идиот», «князь Христос» [3, XXI, с. 113].

Примечательно, что именно принадлежащую князю мысль, которая связана с центральной для романа проблемой красоты, автор доносит до нас в насмешливом пересказе Ипполита: «...Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет "красота"? Господа, - закричал он громко всем, - князь утверждает, что мир спасет красота! А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблен. Господа, князь влюблен; давеча, только что он вошел, я в этом убедился. Не краснейте, князь, мне вас жалко станет. Какая красота спасет мир?» [3, III, с. 380]

«*Красота спасёт мир*». Это утверждение и поныне вызывает споры и является основой для глубоких размышлений, а вне контекста может трактоваться едва ли не как угодно. М. Дунаев весьма точно подметил главный недостаток этого тезиса: «мир спасёт только Тот, Кто и назван Спасителем, и Которого никто из христианских мыслителей не называл словом «красота», во всяком случае, без соответствующего определения» [5, с. 145]. Можно ли сказать, что Бог красив? Бог несомненно прекрасен, как некая высшая идеальная сущность. Однако, упоминание о красоте заставляет нас взглянуть на проблему под другим углом. Разумеется, возникает вопрос, который был задан князю в романе: «Какая красота спасёт мир?» [3, VIII, с. 317]. Князь оставляет его без ответа.

Таким образом, мы считаем более целесообразным использовать по отношению к двум центральным героям романа «Идиот» Льву Мышкину и Настасье Филипповне концепты «прекрасный» и «красота» («красивый») соответственно. Князь Мышкин,

выступая в черновых набросках «князем Христом» и в самом романе – человеком чистых убеждений и помыслов, соответствует скорее не «красоте» той самой Мадонны, а именно образу «прекрасного» человека. В то время как Настасья Филипповна в тексте прямо называется роковой красавицей, чья красота порой воспринимается в качестве губительной силы, способной перевернуть мир.

В качестве доказательной базы для подобного утверждения мы тщательно изучили употребление слов «прекрасный» и «красота» в романе. Анализ проделанной нами работы мы намерены представить ниже. Слово «прекрас(ный)» в романе «Идиот» употребляется 61 раз в различных контекстах, а «красот(а)» – 35 раз. Если слово «красота» целенаправленно употребляется при характеристике Настасьи Филипповны, словно она и красота неразделимы, то «прекрасным» в «Идиоте» может быть едва ли не всё: это и «прекрасное утро», «прекрасная ваза» и т.д. Однако есть ряд отрывков, в которых употребление слова «прекрасный» нам представляется значимым, что и следует более подробно разъяснить далее.

Прямо не говорится, что сам князь прекрасен, что он – *«положительно прекрасный человек»*, однако прекрасное будто само мелькает вокруг этого образа, да и всё то, что видит князь – является прекрасным. Как говорится, красота открывается в глазах смотрящего. И действительно, князь, как воплощение прекрасного в романе, во всём, что его окружает, видит именно «прекрасное» (мы намеренно не говорим в данном случае о «красоте», чтобы разграничить эти два концепта). «Околокняжеские» явления «прекрасного» мы можем условно разделить на несколько групп (без учёта «случайных» употреблений, не являющихся идейно важными для понимания романа):

1) прекрасным является княжеское слово. К примеру, слова генеральской жены Лизаветы Прокофьевны: «Расскажите, как вам понравилась Швейцария, первое впечатление. Вот вы увидите, *вот он сейчас начнёт и прекрасно начнёт*» [3, VIII, с. 45] (здесь и далее курсив наш – С. А.); «Чего ты все смеёшься, Аглая? И ты, Аделаида? *Князь прекрасно рассказал об осле*» [3, VIII, с. 46]; «*Князь прекрасно говорит*, только немного грустно. Зачем ты его обескураживаешь?» [3, VIII, с. 51];

2) по оценке других героев, прекрасными являются мысли и поступки князя. Об этом говорит Аглая: «А если я *осмелилась обратить в насмешку ваше прекрасное... доброе простодушие*, то простите меня как ребенка, за шалость...». На обещание князя просидеть «весь вечер ни слова не говоря» Аглая отвечает: «*Прекрасно сделаете*» [3, VIII, с. 430]. Отдельно следует отметить, что дважды происходит употребление словосочетания «прекрасное сердце», что нам представляется весьма значительным в связи с образом князя Мышкина (так, князь III. отмечает, что «рай вещь трудная, князь, гораздо труднее, чем кажется *вашему прекрасному сердцу*» [3, VIII, с. 282]);

2) князь наделяет людей, предметы и явления прекрасными качествами, характеризует их целостно как прекрасные: «Я потому заговорил, что *вы так прекрасно на меня глядите; у вас прекрасное лицо!*»; «О, я только не умею высказать... *а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными?* Посмотрите на ребенка, посмотрите на божью зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...» [3, VIII, с. 460].

Отметим, что «прекрасное» употребляется по отношению к князю с некой иронией, насмешкой. Окружающие не воспринимают князя всерьёз и нередко укоряют его за его простоту и прямодушие, за что князь необоснованно винит себя. Тут возникает двоякая ситуация: ведь сам князь говорит о прекрасном не кривя душой, с полной серьёзностью и воодушевлением, свойственным его чистому сердцу. Он в

растерянности, он не может понять, почему же другие видят «прекрасное» в искажённом свете.

Совершенно иная ситуация с употреблением слова «красота» в тексте. Именно употребление «красоты» в непосредственной связи с образом Настасьи Филипповны представляется нам идейно значимым. Как и в случае со словом «прекрасное», без какого-либо отрицательного восприятия человек наделяется «красотой» только князем Мышкиным. Князю дано видеть и «прекрасное», и «красоту» в их неподдельном, первозданном облике. Восприятие князя не обезображено разрушительными, пагубными чувствами и негативным жизненным опытом. Князь, отвечая генеральше на вопрос «Так вы такую-то красоту цените?», будто бы в разговоре с самим собой отмечает, что «в этом лице... страдания много...», и именно за то его сердцу столь близка подобная красота. Действительно, для него именно *страждущая* красота стала чем-то особенным, «эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!» [3, VIII, с. 65-66].

В свою очередь Епанчины, за исключением Аделаиды, видят красоту Настасьи Филипповны в негативном свете, так жена генерала Лизавета Прокофьевна рассматривает её портрет «молча и с некоторым оттенком пренебрежения», в свою очередь Аглая «взглянула на портрет только мельком, прищурилась, выдвинула нижнюю губку, отошла и села к стороне, сложив руки». Отдельного внимания заслуживает эпизод, в котором в гостиной Епанчиных в очередной раз рассматривался портрет Настасьи Филипповны. После явно не удовлетворивших генеральшу слов князя о страдании, которым искажено лицо красавицы, посмотреть на портрет и вынести свой вердикт пришли и остальные члены семейства. Тогда Аделаида и сказала: «Такая красота - сила, <...> с такою красотой можно мир перевернуть!» [3, VIII, с. 66].

Автор, описывая красоту Настасьи Филипповны, воздерживается от субъективной оценки, однако упоминает о том, что дамы её «вкусу, красоте и экипажу завидуют» [3, VIII, с. 255], таким образом указывая на то, что свет употребляет ту же святую для Мышкина красоту в одном ряду со столь приземлёнными вещами.

Интересно, что «красота» не употребляется по отношению к Настасье Филипповне в разговоре непосредственно с нею, о её красоте говорится всегда за глаза. Совершенно противоположная ситуация с «прекрасным» и князем Мышкиным, ведь каждый считает необходимым сказать князю о его «прекрасном» поведении и видении мира. «Прекрасная» душа князя не вызывает отторжения, скорее насмешку, ведь все видят в нём всего лишь идиота, наивного по своей душевной доброте и чистоте. В то время как «красота» Настасьи Филипповны, наряду с неким отвращением и пренебрежением, вызывает у обитателей дома Епанчиных и у всего высшего света неподдельный страх, граничащий с восторгом. Красота – загадка, это та губительная сила, которая вселяет некий ужас. Как будто герои подсознательно чувствуют ту самую великую силу, которая заключена в ней и потенциально способна изменить мир.

Нам представляется важным также отметить, что в тексте прямо называется эта красота *демонической*: Евгений Павлович заявляет Мышкину, что он «околдован её красотой, фантастическою, демонической красотой» [3, VIII, с. 484].

Итак, истину видит лишь князь Мышкин. Как воплощение «прекрасного», он способен своим «прекрасным сердцем» узреть «прекрасное» и «красоту» такими, какими они есть. Для него «прекрасное» – чисто, светло, непорочно, а «красота» – нечто выстраданное, разрываемое противоречиями, порой наделённое совершенно противоположными качествами. Таким он видит и лицо Настасьи Филипповны: «Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же

самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты» [3, VIII, с. 65]. Страдания для Мышкина – неотъемлемое свойство красоты, стоящее в самой его основе, а сострадание – то впечатление, которое такая красота вызывает. Именно умение видеть позволяет князю среди всех женщин выбрать именно Настасью Филипповну. Она и становится в романе воплощением «красоты».

Попробуем дать ответ на вопрос, который не напрасно был задан «зрячему» князю: «Так какая красота спасёт мир?» Многими исследователями упоминается, что князь был намерен спасти Настасью Филипповну от репутации содержанки, женившись на ней и обеспечив ей честное имя. Однако попытка спасения князем демонической красоты претерпевает неудачу. Исследователи, используя некорректные формулировки, смешивают понятия «прекрасного» и «красоты» и ошибочно воспринимают князя как силу красоты, то самое активное начало, которое намерено преобразовывать мир. В итоге, красота становится не спасительной силой, а силой, которая нуждается во спасении, что также является не совсем точным утверждением. По отношению к князю выражение «красота» как сила, способная «мир перевернуть» не употребляется. Такой красотой в романе наделена именно Настасья Филипповна.

Мы можем предположить, что именно она в романе выступает как активное начало и как сила, способная к преобразованию и «спасению» мира, в частности – князя Мышкина. Князь, как человек, разрываемый мучительными сомнениями, сам нуждается во спасении. Таким образом, Мышкин соответствует образу личности в творчестве Достоевского, который был описан в начале нашего анализа. Князь нуждается в красоте, и он нашёл бы её при любых обстоятельствах и в любом человеке. Логика художественного повествования такова, что нашёл он эту красоту в Настасье Филипповне. «Красота» призвана спасти «прекрасное», которое по своей природе является хрупким и частично нежизнеспособным.

Сделаем выводы о проделанной работе.

Путём анализа частоты употребления слов «прекрасный» и «красота» в романе «Идиот» Достоевского, нами была доказана целесообразность использования по отношению к главным героям романа князю Мышкину и Настасье Филипповне концептов «прекрасный» и «красота» соответственно.

Князь Мышкин способен сердцем увидеть сущность «прекрасного» и «красоты»: для него «прекрасное» – нечто искреннее и не запятнанное испытаниями судьбы, в то время как истинное лицо «красоты» проступает для него сквозь страдание. Представителем такой «красоты» в романе выступает Настасья Филипповна, которая потенциально способна спасти «положительно прекрасного героя», стремящегося к обретению гармонии с собой и миром.

Аспекты, обозначенные в нашей работе, дают основание для более глубокой и плодотворной разработки проблемы в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. – М.: Государственная академия художественных наук, 1925. – 192 с.
2. Достоевский Ф.М. Г-н – бов и вопрос об искусстве // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. – СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 47–87.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
4. Достоевский Ф.М. «Свисток» и «Русский вестник» // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. – СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 163–176.
5. Касаткина Т.А. Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Роман Ф.М.

Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения : Сб. работ отечественных и зарубежных ученых / под ред. Т.А. Касаткиной. – М.: Наследие, 2001 . – С. 60–99.

6. Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. – М.: Советский писатель, 1990. – 384 с.

A. A. Slyusarenko

**"BEAUTIFULNESS" AND "WONDERFULNESS" IN THE NOVEL OF
F. M. DOSTOYEVSKY "IDIOT"**

In the article the images of Lev Myshkin and Nastassya Filippovna - the main characters of the Dostoyevsky's novel "Idiot"- are analised. It was found that "positively wonderful" prince Myshkin beheld the real beauty in Nastassya Filippovna that is formed through suffering. The wonderful character requires the beauty and finds it, because being in discord with reality, he needs the harmony.

Key words: *beaty, Idiot, wonderfulness, beautifulness.*

СОДЕРЖАНИЕ

Словообразование и грамматика

В.И. Теркулов, Е.А.Акулич (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Презентативные, модификационные и релятившие дешифровальные стимулы аббревиатурной группы вело	4
Т. А. Бондарчук (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») К вопросу о лексико-семантических группах шахтерской лексики (в произведении Б. Л. Горбатова «Донбасс»)	10
Л. П. Борисова, Д. И. Борозенец (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Об использовании синхронно-диахронного метода в процессе изучения эволюции словообразовательных гнезд русского языка	15
Н.В. Лешкова, Егорова А.А. (ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков») Дешифровальные стимулы в ономасиологическом классе «топливо»	21
В.И. Теркулов, Е.С. Крестьянинова (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Иерархия дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности: к постановке проблемы	27
В.И. Теркулов, Е.Н. Михайлова (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Ономосаиологические особенности релятивного дешифровального стимула сложносокращённого слова	33
В.И. Теркулов, А.А. Рештаненко (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Модели формальной эквивалентности в абброгруппе «кино»	38
В.И. Теркулов, И. И. Крамаренко (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Параллельность слоговой и частичносокращённой аббревиатур	44
В.И. Теркулов, К.Ю. Емельянова (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Номинатемное несоответствие сложносокращённых слов формально предписываемым им эквивалентам	49

Литература и лингвистический анализ художественного текста

С.С. Нередкова, Д. Г. Елифанцев (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени В. Даля») Выражения концепта «страх» в современной поэзии Донбасса	54
А.А. Кораблёв, Д. Н. Гатауллина (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Ф. И. Тютчев как поэт «космической радости»	60
М.А. Губарева (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Жанровое своеобразие «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина	67
Е.Н.Красикова (ГОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет») Колоративная лексика, описывающая природу Крыма (на материале поэзии о Крыме)	72
В.В. Лантух (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Жанр псалма в творчестве М.В. Ломоносова	78
А.И. Овчаренко (Республиканский многопрофильный лицей-интернат при ДонНУ) Бунинская деталь в современных исследованиях	84
А.А. Слюсаренко (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») «Прекрасное» и «красивое» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»	90

CONTENTS Derivation and Grammar

V.I. Terkulov, E.A.Akulich Presentative, modification and relatively decephroling stimulus of the abbreviory group	4
T. Bondarchuk To the question of lexical-semantic groups mining vocabulary (in the work of B. L. Gorbatov "Donbass»)	10
L.P. Borisova, D.I. Borozenets On the prospects of using the synchronic and diachronic method in the study of word families evolution in the Russian language	15
N.V. Leshkova, A.A. Egorova Decryption motives in the onomasiological class "fuel"	21

V.I. Terkulov, E.S. Krestyaninova	The hierarchy of the deciphering stimulus that log in to the socket equivalence: formulation of the problem	27
V.I. Terkulov, E.N. Mikhaylova	Onomasiological features of relative designificant style of complex-reduced word	33
V.I. Terkulov, A.A. Reshtanenko	Models of formal equivalence in abbreviation group “kino”	38
V.I. Terkulov, I. I. Kramarenko	The parallelism of syllabic and partly contracted abbreviation	44
V.I. Terkulov, K.Y. Yemelyanova	Nominatheme mismatch of compounded-abbreviated words which are formally prescribed to equivalents	49

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

D.G. Epiphantzev	The expression of the concept “fear” in modern Donbass poetry	54
D. N. Gataullina	F. I. Tyutchev as a poet of cosmic joy	60
M.A. Gubaryeva	The genre specificity of “The letters of the russian traveler” by N.M. Karamzin	67
E. N. Krasikova	Color lexis used to describe Crimea nature (based on Crimea poems analysis)	72
V.V. Lantukh	The genre of the psalm in the works of M.V. Lomonosov	78
A.I. Ovcharenko	Bunin's detail in modern research	84
A. A. Slyusarenko	"Beautifulness" and "wonderfulness" in the novel of F. M. Dostoyevsky "Idiot"	90

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

В структуре публикации необходимо предусмотреть: а) формулировку проблемы в общем виде; б) показ её связи с актуальными научными и практическими задачами; в) лаконичную оценку основополагающих работ в данной области; г) определение целей и задач исследования; д) изложение основного материала с обоснованием полученных результатов. Выводы должны содержать мнение автора о перспективах дальнейшего исследования.

За точность изложенных фактов, цитат и ссылок несут ответственность авторы.

1. Для статьи необходима полная информация об авторе: фамилия, имя, отчество, курс, специальность, контактный телефон, фамилия научного руководителя с указанием должности и звания. Данная информация отправляется на электронный адрес редакции (donrus452@yandex.ru) **отдельным файлом** по прилагаемой ниже форме в виде файла в формате rtf (название файла должно соответствовать фамилии автора, например: ivanov_zayavka.rtf):

Фамилия, имя, отчество

Для студентов и аспирантов

Место учебы

Курс

Научный руководитель

Для молодых ученых

Место работы,

Должность

Ученая степень (если есть)

Ученое звание (если есть)

Научный руководитель (если есть)

Для всех

Название доклада

Домашний адрес с указанием почтового индекса

Телефон, E-mail

2. В отдельном файле подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**.

Образец:

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

3. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с

авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6-8 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
 - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
 - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
 - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
 - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
 - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
 - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
 - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
 - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «... "..."...»;
 - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
 - д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:
 - е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие

параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.
(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

4. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке.**

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

- текст аннотации на английском языке (12 кегль)

- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3.

N. V. Gladkaya

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.